

**АПСНЫ АТЦААРАДЫРРАҚЭА РАКАДЕМИА
Д.И. ГЭЛИА ИХЪЗ ЗХУ АПСУАТЦААРАТЭ ИНСТИТУТ**

**АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
им. Д.И. ГУЛИА**

**МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ
90-ЛЕТИЮ З.В. АНЧАБАДЗЕ**

**Сухум
АБИГИ
2012**

63.3 (5АБХ)6 Я 431-8

М34

Редакционная коллегия: Куправа А.Э., Салаакая С.Ш. (главный редактор), Авидзба А.Ф., Нюшков В.А.

В сборник вошли материалы юбилейной конференции, посвященной 90-летию выдающегося абхазского ученого-историка З.В. Анчабадзе (1920–1984), проходившей в АБИГИ 27–28 мая 2010 г.

Сборник рассчитан на специалистов, студентов, всех, кто интересуется историей Абхазии и Кавказа в целом.

© Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА, 2012.

В.Ш. Авидзба
(Сухум)

О ВИДНОМ ИСТОРИКЕ-МЕДИЕВИСТЕ¹

Время скоротечно, события происходящие в жизни становятся историей. Другое дело, что далеко не все они носят характер эпохального исторического. И, как поется в известной песне, «между прошлым и будущим есть только миг...». Этот миг, или настоящее, мы быстро забываем, следовательно, плохо знаем прошлое и столь же плохо прогнозируем будущее. Чтобы исправить это, человечество создало специальную науку, которая называется историей. Это я к тому, что наша конференция посвящена видному кавказоведу, историку от Бога, знатоку древности и медиевисту Зурабу Вианоровичу Анчабадзе. Я был среди тех, кто в 1979 году поступал в открывшийся тогда, благодаря усилиям нашего народа, Абхазский университет, который в тот период возглавлял Зураб Вианорович. И мы, представители того поколения, хорошо помним каким это было знаменательным событием в жизни республики. Помню, как в первый день на лекции первокурсников, Зураб Анчабадзе прочел на латинском языке на память студенческий гимн «Гаудеamus юgitur». Блестящая память, широта эрудиции и железная логика – были характерны для его лекций, выступлений и речей.

Абхазии в определенной мере повезло – ее историей интересовались и писали о ней талантливые ученые – К.Д. Кудрявцев, А.В. Фадеев, А.А. Олонецкий и др. На первых порах абхазская историческая школа зарождалась как краеведческая. Краеведение ни в коей мере не заслуживает пренебрежительного отношения, ибо, как емко заметил почетный председатель Археологической комиссии РАН и Союза краеведов России Сигурд Оттович Шмидт: «краеведение – это и наука, причем междисциплинарная и общественное движение... Подлинное краеведение – всегда краеплюбие от сердца¹. Именно такое отношение мы наблюдаем со стороны пионеров абхазоведения на рубеже XIX–XX вв., который стал «периодом зарождения и становления, периодом накопления

¹Речь, произнесенная на открытии научной конференции, посвященной 90-летию З.В. Анчабадзе 27 мая 2010 г.

фактологического банка, сбора и публикаций полевого этнолого- гического, археологического, лингвистического, фольклорного материала, приобретающего впоследствии характер ценнейшего первоисточника»². Результатом собирательно- поисковой работы стало формирование различных абхазоведческих дисциплин в том числе и исторической. В частности, работы, написанные в начале 20-х годов XX столетия, (С. Басария, С. Ашхацава и других), по- служили основой для зарождения абхазской историографии. Труд Д.И. Гули «История Абхазии» и по сей день является очень ценной книгой не только для историков, но и для каждого абхазоведа.

Британский историк и философ Робин Джордж Коллингвуд в своей работе «Идея истории», говоря о том, что история требует особой формы мысли, отмечал, что «история – это поиск, и в этом смысле история – наука», что ее предметом являются «действия людей, совершенные в прошлом», и на вопрос как делается историческая наука, отвечал – «история есть интерпретация фактиче- ских данных»³.

Абхазская историческая наука формировалась благодаря тому, что в нее влилась целая плеяда молодых и талантливых людей в каждой из исторических областей. Это и З.В. Анчабадзе, кому по- священа наша сегодняшняя конференция, это и М.М. Трапш, и Г.А. Дзидзария, и Ш.Д. Инал-ипа…

Упомянутый выше Сигурд Шмидт считает, что «историк дол- жен быть честным и мужественным – нужно иметь смелость при-знать, что дело было так, а не как ему хотелось бы или как жела-тельно было бы кому-то. Историк должен быть добрым – не надо чернить предшественников, они владели информацией, доступной в их время, а наука не стоит на месте – открываются новые факты, вырабатываются новые методы исследования»⁴.

Вряд ли обозначенные принципы и подходы возможны всегда и во всех странах. К сожалению, история очень часто и чрезмерно политизируется. О чем свидетельствует и наша совсем недавняя история. Имею в виду навязанную Абхазии грузино-абхазскую войну 1992 – 1993 годов, которая по замыслу агрессора была попыткой лишить наш народ не только будущего, но и истории. Вот почему важно, чтобы историческая школа Абхазии, в силу разных причин, переживающая не лучшие времена, получила свое даль-

нейшее развитие. И здесь есть на кого ровняться и с кого брать пример. Это Зураб Вианорович Анчабадзе и другие наши имени-тые историки. Право, никакие идеологические или политические догмы сейчас не сковывают, как это имело место ранее. Хотя, с другой стороны, ограничены исследовательские возможности в связи с уничтожением оккупационными войсками источниково-ческой базы. Я имею в виду сожжение 22 октября 1992 года Государственного архива Абхазии и Абхазского института войсками Госсовета Грузии. Кстати, этим продиктовано то, что одним из направлений деятельности нашего института является переиздание научного наследия абхазоведов.

В любом случае нам не дано право предать забвению прошлое нашего народа и я верю в то, что вырастет молодое поколение абхазских историков, которое продолжит дело своих предшественников.

Это не первая конференция, которая посвящается памяти З.В. Анчабадзе. В октябре 1990 года Абхазским университетом, где он был первым ректором, была проведена научная конференция в честь его 70-летия. В работе конференции, наряду с абхазскими историками, приняли участие ученые из Москвы, Махачкалы, Тбилиси, Еревана, Владикавказа, Грозного, Майкопа. Материалы этой конференции были изданы в Сухуме в 1996 году под названием «Актуальные проблемы истории народов Кавказа».

В работе нынешней конференции принимают участие ученые из Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), Южного Федерального университета, Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН и Северо-Кавказской академии государственных служащих (Ростов-на-Дону), Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН (Нальчик), Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева (Карачаевск). Хочу поблагодарить наших гостей за то, что нашли возможность участвовать в работе нашей конференции.

В завершение хочу сказать о том, что мы готовим к изданию научное наследие З.В. Анчабадзе. К сожалению, к началу конфе-

ренции не успели издать первый том, который находится в типографии. Но это, как говорится, дело времени...

Позвольте объявить научную конференцию, посвященную 90-летию З.В. Анчабадзе, открытой, а вам всем – ее участникам, желать плодотворной работы.

Примечания

¹ Шмидт С.О. Краеведение – это краеведение // Литературная газета. 2009, №43 (6247), 21-27 октября. – С.12.

² Салакая Ш.Х. Наука // Абхазы. – М., 2007. – С. 441.

³ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография (Перевод и комментарии Ю.А. Асеева). – М., 1980. – С. 13.

⁴ Шмидт С.О. Указ. соч. – С.12.

*А.Э. Куправа
(Сухум)*

З.В.АНЧАБАДЗЕ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ АБХАЗИИ И КАВКАЗА^{2*}

Уважаемые коллеги, дорогие наши гости! В эти весенние дни научная общественность Республики Абхазия, и вместе с нами ученые республик Кавказа и России отмечают 90-летие со дня рождения выдающегося абхазского ученого, историка, кавказоведа З.В.Анчабадзе.

З.В. Анчабадзе принадлежал к древнему абхазскому роду Ачба, представители которого, как полагают, являлись династиями Абхазского царства (VIII – X вв.). Ближайшие предки Зураба – это переселившиеся в начале XVIII в. из Бзыбской Абхазии за р. Кодор самурзаканские князья Ачба-Анчабадзе. Уместно отметить, что в чертах характера и манерах поведения самого Зураба проявлялись лучшие черты, которые были присущи абхазской аристократии.

З.В.Анчабадзе родился 22 апреля 1920 г. в Гагре. В 1937 г. были репрессированы его отец – нарком здравоохранения Абхазии и мать, работавшая врачом. Родственники и друзья семьи спасли 17-летнего Зураба от ареста, вывезли из Сухума. Однако оскорблений и трудности, связанные с положением детей «врага народа», испытать пришлось сполна и ему, и его младшей сестре Ире.

Юный Зураб, обуреваемый волнующими поисками, наделенный незаурядными способностями и непоколебимым характером, поборол выпавшие на его долю препятствия и твердо встал на путь служения своему народу. В 1938 г. Зураб Анчабадзе окончил абхазскую среднюю школу в Сухуме, а в 1941 г. – Сухумский госпединститут с отличием. По рекомендации академика Симона Николаевича Джанашии он поступает в аспирантуру института истории им. И.Джавахишвили. В 1948 г. защитил кандидатскую, в 1960 г. – докторскую диссертацию. В 1963 г. ему присвоено звание профессора, а в 1980 г. он избирается членом-корреспондентом АН Грузинской ССР.

²Доклад на Международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения З.В.Анчабадзе, состоявшейся в АБИГИ 27-28 мая 2010 г. (г. Сухум)

Свои первые работы З.В.Анчабадзе опубликовал в газете «Комсомолец Абхазии» будучи еще студентом (1940). С тех пор и до конца жизни он с сыновьей любовью разрабатывал наиболее сложные и кардинальные вопросы древней и средневековой истории абхазского народа. Им он посвятил фундаментальные монографические исследования: «Из истории средневековой Абхазии. VI–XVII вв.» (Сух., 1959); «История и культура древней Абхазии» (М., 1964); «Очерк этнической истории абхазского народа» (Сух., 1976) и много других работ.

Труды З.В.Анчабадзе – важнейший этап в становлении абхазской науки. Вместе с Г.А.Дзидзария, Ш.Д.Инал-ипа, М.М.Трапши и другими абхазоведами старшего поколения он закладывал основы абхазской советской исторической науки, участвовал в формировании фундамента научных знаний по истории абхазского народа.

Книга З.В.Анчабадзе «История и культура древней Абхазии», вышедшая в Москве в 1964 г., – первый обобщающий труд по истории древней Абхазии, написанный на основе широкого использования историко-археологических и этнографических исследований. Обстоятельно исследовав происхождение и расселение древнеабхазских племен, их экономическое и социальное развитие, культуру, исторические связи с окружающими цивилизациями, З.В.Анчабадзе обосновал глубокую древность абхазского этноса на территории исторической Абхазии.

Опираясь на археологические открытия, З.В.Анчабадзе и другие наши историки опровергают выдвинутый некоторыми авторами тезис о появлении абазгов и апсилов на территории современной Абхазии лишь в первом веке нашей эры. В частности, раскопки в Цебельде показали, что культура апсилов, проживавших здесь в I–V вв., генетически теснейшим образом была связана с местной культурой I тысячелетия до н.э. Эта органическая культурная преемственность является свидетельством и этнической преемственности.

К числу наименее разработанных, а часто и фальсифицируемых, относятся проблемы истории Абхазии феодального периода. И именно эти вопросы занимают особое место в кругу научных интересов З.В.Анчабадзе, внесшего важнейший вклад в историографию Абхазии этого периода. Его фундаментальная монография «Из истории средневековой Абхазии. VI–XVII вв.» (Сух., 1959),

написанная на основе важнейших исторических источников на грузинском, русском, армянском и других языках, а также докторская диссертация на эту тему, защищенная в 1960 г. в Москве, получили высокую оценку таких ученых, как академики И.А.Орбели, М.А.Коростовцев, проф. Г.Ф.Сердюченко, проф. А.В.Фадеев.

Большое место занимает в работах З.В.Анчабадзе доказательство автохтонности абхазского народа. Вместе с тем он исследовал одну из главнейших проблем средневековой Абхазии – вопрос о времени и условиях образования единой абхазской народности и предложил свое решение этой задачи. По его мнению, этот процесс завершился в основном в VIII в. Этническое ядро единой абхазской феодальной народности составили абазги и апсылы, с которыми впоследствии слились и другие этнические компоненты абхазского этноса, бытавшие на территории исторической Абхазии.

Большое внимание З.В. Анчабадзе уделял изучению этнической истории абхазов после их консолидации в народность, как в средние века, так и в новое и новейшее время. Он тщательно рассмотрел процесс консолидации абхазской народности в нацию. Истории этнического развития абхазского народа с древнейших времен до наших дней он посвятил специальную книгу «Очерк этнической истории абхазского народа» (Сух., 1976), которая опирается на материалы, добытые представителями ряда научных дисциплин – историками, языковедами, этнографами, археологами, антропологами, фольклористами, искусствоведами. Эта книга является ценнейшим вкладом в абхазскую историографию.

Значителен вклад З.В.Анчабадзе в изучение процесса возникновения и развития абхазских государственных образований. Вопросы истории абхазской государственности освещены в ракурсе тех сложных международных перипетий и трагических исторических ситуаций, в которых нередко оказывалась абхазская народность, как в средние века, так и в новое и новейшее время.

Исследуя историю абхазского народа, его многовековое прошлое и настоящее, в его бедствиях и в его величии, во взаимоотношениях с разными цивилизациями, их культурами и религиями, со всеми неразрешенными и роковыми вопросами его исторического бытия, З.В.Анчабадзе стремился раскрыть национальный характер

в разных его проявлениях и свойствах на протяжении тысячелетий, показать и утвердить национальную гордость абхазов.

Свою исследовательскую позицию З.В.Анчабадзе приходилось отстаивать в полемике с многочисленными фальсификаторами исторического прошлого абхазского народа. Ярким образцом острополемического научного выступления является его статья, посвященная анализу сочинения П.Ингороква «Георги Мерчуле», которая опровергла ложную «теорию» этого автора о позднейшей (XVII в.) миграции абхазов на территорию современной Абхазии. Эта «теория» является, казалось бы, уже давно пройденным этапом в историографии, но, к сожалению, до сих пор отдельные авторы пытаются воскресить этот тенденциозный тезис.

И в наши дни, как в то непростое время становления абхазской историографии, работы З.В.Анчабадзе имеют фундаментальное значение в научном опровержении «теории Ингороква» и их современных последователей. Тем более, что и в дальнейшем З.В. Анчабадзе жестко полемизировал с теми авторами, которые считали абазгов и апсилов «картвельскими племенами», объявляли абхазов «ответствлением» грузинского этнического корня и т.п.

Будучи руководителем отдела истории АБНИИ, З.В. Анчабадзе активно участвовал в создании «Очерков истории Абхазской АССР» в двух частях, представлявших первое обобщающее освещение истории абхазского народа с древнейших времен до 60-х годов XX столетия. Им проделана большая работа по написанию отдельных разделов, по подготовке к изданию и редактированию первой книги «Очерков».

В научной биографии Зураба Анчабадзе особое место занимает первое учебное пособие по истории Абхазии для высшей школы – «История Абхазии» (соавторы Г.А.Дзидзария, А.Э.Куправа). Зураб Вианорович был инициатором и организатором создания этой книги. Он сам написал разделы, охватывающие историю Абхазии с древнейших времен до XIX в. Это учебное пособие, появление которого он всей душой ждал, вышло, к сожалению, после его смерти.

З.В.Анчабадзе активно участвовал в формировании принципов абхазской энциклопедистики. Следует отметить исторический очерк об Абхазии, опубликованный им (в соавторстве с академиками С.Джанашиа и Г.Хачапуридзе) в 1950 г. в первом томе Большой

советской энциклопедии, в котором объективно, смело для того времени излагается история абхазского народа. В этой статье впервые было сказано об абхазской социалистической нации.

Многие работы З.В.Анчабадзе давно по праву входят в золотой фонд отечественного кавказоведения, советской исторической науки. Они выполнены в лучших традициях этой исторической школы, так как основаны на её базисных методологических поступатах – глубоком знании источников, доскональном охвате предшествующего историографического наследия, всестороннем подходе к изучаемому вопросу с позиции историзма и объективных законов развития человеческого общества.

Важно отметить и другое. По ряду обстоятельств историческое самосознание всегда было одним из важнейших составляющих этнической и политической самоидентификации абхазского народа.

Труды З.В.Анчабадзе в области древней и средневековой истории Абхазии в огромной степени способствовали процессам исторического самопознания, перенеся анналы нашей истории из области домыслов и малоубедительных теорий на почву прочно установленных, документированных фактов, которые позволили выстроить основную канву исторических судеб абхазов, как одного из древнейших автохтонов Кавказа и важнейшего субъекта протекавших в регионе политических процессов. Все это свидетельствует о многомерности и непреходящем значении творческого наследия Зураба Вианоровича как в развитии научной мысли Абхазии, так и в эволюции общественных идей в контексте истории нашей страны второй половины XX столетия.

Среди поколения историков из школы И.Джавахишвили и С.Джанашия, З.Анчабадзе занимал особое положение и по интеллекту, и по эрудиции, и по широте исторических познаний, и по охвату проблематики истории народов Кавказа. Предметом его научных изысканий были вопросы истории Грузии средних веков и нового времени, проблемы взаимоотношений Абхазии и Грузии. Он посвятил большую монографию экономической истории Грузии первой половины XIX века. Принимал участие в составлении восьмитомника «Очерков истории Грузии», являлся соавтором и соредактором его III тома.

З.В. Анчабадзе принадлежат интересные статьи и разделы в сводных трудах по различным конкретным вопросам истории народов Северного Кавказа, которой он много и плодотворно занимался, вопросам взаимоотношений с Россией на этапах зрелого и позднего феодализма. Он соавтор и соредактор таких изданий, как «История Кабарды», «История Балкарии», «Очерки истории Карачаево-Черкесии», «Истории Кабардино-Балкарской АССР», 1 тома книги ««Очерки истории Северного Кавказа». Являлся инициатором, редактором и соавтором двухтомника ««Очерки истории горских народов Кавказа». Эти очерки охватывают период с древнейших времен до 1917 г.

Научно-исследовательскую работу Зураб Анчабадзе успешно сочетал с плодотворной педагогической деятельностью. В разное время читал курсы лекций в Московском, Тбилисском, Кабардино-Балкарском, Абхазском университетах. Он один из тех, кто первым начал читать курс истории Абхазии студентам Сухгосспединститута. А с открытием в 1979 г. Абхазского госуниверситета (АГУ), первым ректором которого он являлся до конца жизни, осуществляется его мечта – история, археология и этнология Абхазии становятся вузовскими предметами. В АГУ он создает специальную кафедру и сам возглавляет её. Тогда это было исключительным явлением – история народов автономных республик нигде не изучалась. С этого времени отечественная история абхазского народа преподается на всех факультетах всех вузов республики.

Важное место в деятельности З.В.Анчабадзе занимала научно-организаторская работа. Он руководил отделом истории Абхазского института, отделом истории горских народов Кавказа в Институте истории АН Грузии, являлся ректором Сухумского госспединститута, а затем Абхазского госуниверситета. Он внес выдающийся вклад в подготовку научных кадров для Кавказа. Он был руководителем более 30 кандидатских и докторских диссертаций. Зураб Вианорович щедро делился своими обширными знаниями и опытом научного поиска, помогал всем, кто в этом нуждался.

Труды З.В.Анчабадзе являются настольными книгами для студентов и преподавателей. В настоящее время, они стали библиографической редкостью. Учитывая это, АБИГИ им. Д.И.Гулиа издает избранные книги З.В.Анчабадзе в двух томах. Первый том

уже сдан в типографию и скоро будет издан, второй также подготовлен к изданию.

Естественно, наука не стоит на одном месте. Основные положения З.В.Анчабадзе получают дальнейшее развитие в трудах его последователей, в работах представителей молодой генерации исследователей. Накопление и обобщение исторических знаний, усложнение задач и условий приводит к выделению специальных направлений, выявляет необходимость новых подходов к постановке и решению ряда вопросов истории Абхазии. Это объективный процесс развития науки.

З.В.Анчабадзе ушел из жизни 14 января 1984 г. в г. Сухум на 64-м году жизни, в расцвете творческих сил. Его смерть явилась большой утратой для научного абхазоведения и всего историко-кавказоведения.

Научная общественность Республики Абхазия, всех республик Кавказа хранит память о славном сыне абхазского народа, выдающемся историке-кавказоведе, замечательном педагоге, основателе и первом ректоре Абхазского государственного университета, видном общественном и государственном деятеле Зурабе Вианоровиче Анчабадзе.

*T.A. Ачугба
(Сухум)*

НЕКОТОРЫЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕПОРТАЦИИ АБХАЗОВ В XIX ВЕКЕ

В абхазской историографии традиционно особое место занимает исследование проблемы, связанной с депортацией абхазов в XIX веке. С.П. Басария, К.Д. Кудрявцев, А.В. Фадеев, Г.А. Дзидзария, З.В. Анчабадзе, Ш.Д. Инал-ипа, С.З. Лакоба¹ – вот далеко неполный перечень учёных-абхазоведов, посвятивших научные труды данной трагической странице в истории абхазского народа. Высококвалифицированные исследования этих и других авторов, в первую очередь, фундаментальная монография Г.А. Дзидзария «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия», дают возможность установить истинные причины, условия и последствия массового выселения коренного народа Абхазии в Османскую империю.

Однако в последнее время в средствах массовой информации, особенно электронной, а также на научных конференциях, посвященных к 200-летию присоединения Абхазии к России (16 марта 2010 г. в Москве и 3 апреля 2010 г. в Сухум), некоторые авторы избегают, а то и грубо искажают трагические события, связанные с массовой депортацией абхазского и других народов Кавказа.

Например, А. Епифанцев в материале «Абхазия: необъяснимая щедрость бытия», помещенном на интернет-сайте АПН², много-миллионную аудиторию информирует: «распространяемые сейчас профессиональными абхазскими патриотами данные о том, что Россия хотела уничтожить или выселить всех абхазов, не соответствуют действительности – их никто не гнал, они могли остаться и их никто не уничтожил бы...».

На самом деле, ситуация с выселением абхазов выглядит намного сложнее, чем это кажется некоторым современным исследователям и политикам. Свидетельство тому анализ многочисленных фактологических материалов. В истории выселения абхазов, как и адыгов, несомненно, главенствующую роль сыграли военно-политические факторы, отвечающие колониальным интересам

циализма. Исход народов Кавказа носил вынужденный, а то и насильственный характер.

Как известно, в XIX веке произошли несколько этапов исхода абхазского населения, и все они были связаны с конкретными событиями. В частности, в результате вхождения Абхазского княжества в состав Российской империи в 1810 году, повлекшего за собой вооружённое столкновение и обострение военно-политической ситуации в стране, около 5 тыс. абхазов вынуждено было выселиться в Турцию³.

В дальнейшем, несмотря на то, что страна с 1810 по 1864 годы управлялась владетельными князьями Абхазии Чачба в автономном режиме, некоторые регионы «Большой Абхазии» и вся «Малая Абхазия» фактически не признавали ни власти владетельного князя, ни царского самодержавия, и до окончания Русско-кавказской войны (1817–1864 гг.) оставались в эпицентре антиколониального сопротивления горцев.

Причины сложных абхазо-российских взаимоотношений следует искать, как в неустойчивости централизованного правления самой владетельской власти Абхазии, так и в непоследовательности выполнения Российской империей взятых на себя покровительских обязательств, изложенных в Манифесте императора Александра I от 17 февраля 1810 г. В частности, если абхазской стороне можно было предъявить претензии в политическом разногласии между наследниками Абхазского престола, в вооруженном противостоянии между ними, номинальной зависимости отдельных исторических регионов властям Абхазии (Садзен, Псеху, Дал, Цабал), то российским властям можно было предъявить претензии в том, что установкам Манифеста о статусе нахождения Абхазии в составе Российской империи в корне противоречили такие факты, как сговор с Мегрельским княжеством по вооруженному захвату в 1810 году Сухума, военные экспедиции против отдельных регионов Абхазии, или же вывод в годы Крымской войны (1853–1856 гг.) российских вооруженных формирований из Абхазии, насильственное упразднение владетельской власти Абхазии (1864 г.) и др. Вместе с тем, все это можно рассматривать как акты, отвечающие законам самой сущности имперской колониальной политики.

Со дня вступления Абхазии под протекторат России, военно-политическая ситуация здесь настолько обострилась, что импера-

тор Александр I в 1820 году поставил вопрос о выводе российских войск из Абхазии и лишь принципиальная позиция главнокомандующего войсками на Кавказе А.П. Ермолова вынудила его отказалось от этой идеи⁴.

В 1821 году в Абхазии вспыхнуло восстание, которое носило явно антиколониальный характер. Военная экспедиция под командованием генерала М.Д. Горчакова, при активном участии мегрельских и лечхумских отрядов, предала огню г. Сухум и его окрестные сёла. На левом берегу р. Бзыбь царские войска разорили множество населенных пунктов и для устрашения несколько человек повесили⁵. В 1824 году вновь вспыхнуло восстание, которое также было жестоко подавлено. Этим событиям последовал вынужденный исход абхазов в Османскую империю.

После укрепления позиций на побережье Абхазии, российские военные власти стали проникать в глубь горных регионов Абхазии. Первая военная экспедиция в Цабал (Цебельду) в 1835 г. разорила много аулов⁶. В 1837 г. была организована вторая военная экспедиция в Цабал под предводительством командующего войсками на Кавказе барона Г.В. Розена. Огнём артиллерии были уничтожены целые сёла⁷. В декабре-январе 1840–1841 гг. карательный отряд полковника Н.Н. Муравьева огнём и мечом прошёл по Далской общине в верховьях р. Кодор⁸. Глава отряда признавал, что эти репрессивные меры были самые решительные и едва ли имели аналога на Кавказе⁹. В 1841 – 1842 гг. в Дале, а также Цебельде, Псху, Гуме, Абжуа вновь вспыхнули антиколониальные выступления. И всем этим вышеназванным экспедициям последовали выселения абхазского населения в Турцию.

Наиболее крупная волна депортации была связана с событиями Крымской войны 1853 – 1856 гг., когда оставленная российскими военными подразделениями на произвол судьбы Абхазия была оккупирована турецкими войсками с помощью англо-французских сил¹⁰.

Вместе с тем, к этому периоду позиция царизма в Абхазии становится настолько безнадежной, что в 1858 году генерал М.Т. Лорис-Меликов вынужден признать: «Мы заняли Сухум в 1810 году. С того времени прошло уже полстолетия и, надо сказать, что влияние наше в Абхазии нисколько не улучшилось»¹¹. В том же

году генерал Г.И. Филипсон отмечает, что русские не владеют Абхазией, а лишь «занимают её»¹².

В 1859 году, после поражения Шамиля, самодержавие перебросило крупные военные силы из северо-восточного Кавказа на северо-запад, и тем самым в течение 5 лет ему удалось сломить сопротивление абхазо-адыгских народов.

И покорение территории, и укрепление позиции России в Абхазии и в целом на Кавказе продолжалось путём выселения автохтонов. По определению историка, генерала Р.А. Фадеева, план царизма по «покорению» Кавказа в последние четыре года войны заключался «в изгнании горцев из их трущоб и заселении Западного Кавказа русскими»¹³. В этой связи примечательно высказывание А. Нисченкова в журнале «Всемирная иллюстрация»: «Окончание войны непосредственно было связано с выселением коренного народа... оставить их (горцев Кавказа. – Т.А.) на прежних местах, означало бы вечно воевать с ними»¹⁴.

О необходимости избавления от горцев ещё до окончания Русско-кавказской войны писал императору Александру II Наместник Кавказа фельдмаршал А.И. Барятинский: «Без потери времени и насколько возможно выселять в Турцию горцев, а раз страна будет от них очищена, мы утвердим свое положение навсегда»¹⁵.

В начале апреля 1864 г. в штабе российской армии парламентариям убыхов, шапсугов и садзов категорически отказали в просьбе остаться на родине. Под воздействием ультиматума и бесперспективности дальнейшего сопротивления убыхский народ, проживавший от р. Хоста до р. Шахе, до конца апреля того же года полностью покинул свою историческую родину. Вынуждены были покинуть родину подавляющее большинство приморских шапсугов, натухайцев и представители др. этнографических групп адыгов¹⁶.

А против горных общин «Малой Абхазии», которые не собирались покидать страну, в конце апреля 1864 года были направлены четыре крупных карательных отряда. И.И. Пантюхов писал, что первому отряду, под командованием генерал-майора П.Н. Шатилова, было предписано двинуться от Гагра в общество Айбга, и, заняв его, зайти в общество Ахчипсу; второй колонне генерал-лейтенанта Д.И. Святополк-Мирского, высадившейся в устье р. Мзымта, поручено было организовать наступление по долине Лияш в сторону

Ахчипсу; третьей колонне генерал-майора В.А. Геймана приказано было идти к верховью р. Соча и оттуда войти в Ахчипсу; четвертый отряд под командованием генерал-майора П.Х. Граббе должен был перейти через Главный хребет и по ущелью Мзымты идти на встречу второй колонне¹⁷. Эта тщательно подготовленная военная операция была направлена лишь для того, чтобы, по словам того же автора, «совокупным их действием заставить непокорных... немедленно подчиниться всем нашим требованиям и очистить страну в возможно скорейшее время».

Но абхазское население никак не могло смириться с мыслью расстаться с Родиной. И продвигаясь с разных сторон в глубь густонаселенных ущелий Садзена, военные отряды сжигали аулы, чтобы не оставить никакой возможности местному населению оставаться на родине.

«В ущельях, – писал участник этих трагических событий, – клубами поднимался сизый туман и лениво тянулся к вершинам хребта, на черном фоне которого во многих местах вспыхивало большое, яркое пламя: то пылали аулы, сжигаемые нашими войсками, дабы пресечь скрывавшимся в горных трущобах хищникам всякую возможность оставаться в горах и основать разбойничьи притоны, опасные для будущих поселений»¹⁸.

После занятия генералом П.Н. Шатиловым Айбговской котловины в верховьях р. Псоу, население было вынуждено поспешно направиться к берегу моря для переселения в Турцию, а сам военный отряд 18 мая прибыл в верховья р. Мзымта, «в середину земли общества Ахчипсу» – Гбаадбу. Появление всех четырех отрядов в верховьях р. Мзымта, особенно колонны генерала П. Граббе с севера, заставило ахчипсуйцев подчиниться: «все они с семействами и со всем имуществом оставили свои жилища и двинулись к морю»¹⁹. А для поисков представителей коренного населения во всех основных и боковых ущельях и оврагах, были оставлены два батальона. Все эти мероприятия расцениваются автором статьи как «доброе дело», выполнение долга «перед человечеством и цивилизацией»²⁰.

Так, Русско-кавказская война завершилась 21 мая 1864 года на территории исторической Абхазии – в центре ахчипсуйцев – в Гба-

адбу (совр. Красная поляна). Абхазская же этнографическая группа садзов поголовно была депортирована в Турцию.

Вскоре горькую участь садзов разделили псхувцы из Бзыбской долины. Воинские отряды, заставили их после ожесточенных боев покинуть родину. Уже к началу августа 1864 г. корреспондент газ. «Кавказ» писал о Псху, как о бывшей земле псхувцев²¹.

В целом же, после массового исхода коренных народов, Западный Кавказ, по описанию М.Н. Покровского, «просто превратился в пустыню, усеянную развалинами, свидетельствующими о некогда завязавшейся здесь культурной жизни»²².

По мнению Н. Петровского, горцам «так и следовало быть», потому, что они «были скорее воины, чем земледельцы, строили хижины кое-как из турлуга, хозяйством занимались мало, а большую часть жизни посвящали набегам с целью грабежа»²³.

С завершением войны самодержавие упразднило Абхазское княжество, и тем самым автономию Абхазии и вплотную приступило к внедрению здесь русского управления в основном через избавление от непокорного коренного населения страны.

После Лыхненского восстания (1866 г.) аналогичная судьба настигла жителей других регионов страны. Восстание было подавлено и наместник Кавказа М.Н. Романов и его сподвижники разработали, в 1867 году реализовали план депортации абхазов²⁴. «В нынешнем году, – писала газета «Московские ведомости» в 1867 г. (№130), – состоялось окончательное решение о выселении цебельдинцев, дальцев, триста семей Пицундского и девятьсот Драндского округов». Особенно пострадали цебельдинцы и далцы – почти 15-тысячное население этих регионов было тогда выслано в Османскую империю²⁵.

Грузинская пресса так описывала один из драматических эпизодов выселения абхазов из Цебельды: «Трудно представить, в каком положении находились абхазы во время выселения. Говорят, что многие из них, пожилые мужчины и женщины, когда их выгоняли из жилищ, бились головой о стены домов и стволы деревьев»²⁶.

Следующий и последний, крупный этап выселения абхазов в Османскую империю непосредственно связан с Русско-турецкой войной (1877–1878 гг.). Оно было спровоцировано командованием

российских воинских подразделений в Абхазии и командованием турецких оккупационных войск.

Еще до начала военных действий, абхазское население было разоружено российскими властями. Более того, с появлением на горизонте турецкого морского десанта российские военные подразделения во главе генерала П.П. Кравченко, дислоцированные в Абхазии, покинули её, и ушли к берегам Ингурा²⁷.

В первые же дни войны, согласно информации газеты «Русский мир» (1877, №142), только в Сухуме из окрестных сёл собралось до 8 тысяч молодых абхазов. Была попытка создания отрядов сопротивления из абхазской молодёжи. Однако российское военное командование открыто игнорировало желание абхазов сражаться на стороне русских. Представители абхазской знати (Р. Гечба, Х. Лакраба) пытались спасти положение с помощью народной дипломатии, но безрезультатно.

В дальнейшем ход событий показал, что, несмотря на настаивание турок, подавляющее большинство абхазов не приняло участие в боевых действиях ни на одной из сторон. Однако и это не спасло их – турецкие войска, отступая, стали сгонять безоружных людей к морю и насильно увозить их в Османскую империю.

К оголенным регионам Абхазии прибавились опустевшие Сухум, все приморские и предгорные сёла от р. Аапста до р. Кодор. Царское самодержавие ни в чём невинных депортантов окрешило «предателями», а оставшихся на родине абхазов – «виновным» и «временным» населением. Бесправное положение абхазов ускорило процесс колонизации Абхазии и ассимиляцию коренного населения.

В этот критический момент, когда решался вопрос о физическом существовании абхазов, реакционная пресса России не скрывала радость, которую доставляла трагедия этого народа. «Нужно радоваться переезду наших соотечественников абхазов в Турцию», – писала газета «Русский мир» от 6 октября 1877 г. А историк Н. Буткевич горцев Кавказа называл «домашними врагами» и, по его мнению, их выселение могло бы принести государству «только одну пользу»²⁸.

И в то же время в России всегда были представители прогрессивной интеллигенции, которые с великой болью отзывались на трагическую участь высланных народов Кавказа. «Я проезжал

кладбищем мертвого народа по обезлюдевшей после переселения земле адыгов; потом мне привелось быть у абхазцев, которых наше управление, несмотря на их преданность России, бросило в объятия туркам – и там везде я видел то же, что на сей раз пришлось мне наблюдать в другом конце Кавказа», – сочувственно сообщал писатель и публицист В.И. Немирович-Данченко²⁹.

Таким образом, налицо величайшая трагедия, развернувшаяся на Кавказе в XIX столетии. Военные события, гибель десятки тысяч людей, массовая депортация целых народов нанесли непоправимый урон демографическому и этническому развитию коренных народов Кавказа, оставили глубочайший след в памяти грядущих поколений. Нет сомнения, что эти события стали трагедией и для русского народа, ставшего заложником колониальной политики царского самодержавия на Кавказе. Вместе с тем, сегодня, как никогда, налицо спекулятивные планы различных политических сил современного мира, старающихся использовать факты массовой гибели и депортацию коренных народов Кавказа в XIX веке в качестве повода для разжигания новой войны на Кавказе. В частности, отдельные страны Запада, ангажируя непростыми событиями XIX века на Кавказе, используя грузино-абхазский и грузино-осетинский конфликты на пороге двух последних столетий, непростую этнополитическую ситуацию на Северном Кавказе, пытаются осуществить план по отторжению всего Кавказа от России. В этом аспекте весьма негативную роль играет антикавказская политика Грузии, направленная на превращение своей территории в международный военно-политический плацдарм по разжиганию новых конфликтов и разрушению мирного сосуществования народов Кавказа.

Думаю, при изучении этих сложных вопросов, для установления истины, в первую очередь, необходимо руководствоваться первоисточниками. Выявление истины, открытый, прямой диалог вокруг исторических событий и фактов, какими бы они острыми не были, непременно будут способствовать установлению эффективного межнационального и межгосударственного согласия, защите уникального этнокультурного пространства на Кавказе, утверждению стабильного мира в регионе.

Известное дело, недопустимо использовать происходившие в прошлом сложные исторические события для накопления полити-

ческих дивидендов. История не приемлет сослагательного наклонения, поэтому историю не следует перевирать – у истории надо учиться.

Качественно новые межгосударственные абхазо-российские отношения, установленные после признания Российской Федерацией государственной независимости Республики Абхазия требуют от историков и в целом представителей общественных наук создания предельно объективных научных трудов в области истории Абхазии и России.

Примечания

¹ Басария С.П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. – Сухум-кале. 1923. Кудрявцев К.Д. Сборник материалов по истории Абхазии. – Сухум. 1922. Фадеев А.В. Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии. – Сухум. 1932. Его же. Краткий очерк истории Абхазии. – Сухум. 1934. Анчабадзе З.В. Очерк этнической истории абхазов. – Сухуми. 1976. Дзидзария Г.А. Присоединение Абхазии к России и его историческое значение. – Сухуми. 1960. Его же. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухум. 1975, 1982 (второе издание). Инал-ипа Ш.Д. Ступени исторической действительности (Об этнической ситуации в Абхазии XV – нач. XX вв.). – Сухум. 1992. Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии. – Сухуми. 1990. Его же. Асланбей. К вопросу о политическом противоборстве в Абхазии в первой трети XIX столетия. – Сухум. 1999.

² Епифанцев А. «Абхазия: необъяснимая щедрость бытия», http://www.apn.ru/publication/print_22606.htm.

³ Чичинадзе З. Великое переселение грузин-магометан в Османскую Турцию. Мухаджирство-эмиграция. – Тифлис. 1915. – С. 169. На груз. яз.

⁴ Дзидзария Г.А. Присоединение Абхазии к России и его историческое значение – Сухуми. 1960. – С. 62.

⁵ Дадиани Нико. Жизнь грузин. Текст издал, предисловием, исследованием, комментариями, указателями и словарем снабдил

Ш.В. Бурджанадзе. Изд-во АН Грузинской ССР. – Тбилиси. 1962.
– С. 209 – 211. На груз. яз.

⁶ Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.).
Составители: Агуажба Р.Х., Ачугба Т.А. – Сухум. 2008. Кн. II. –
С.651.

⁷ Дзидзария Г.А. Указ. соч. – С.69.

⁸ Дзидзария Г.А. Указ. соч. – С. 69, 70; Цвижба Л.И. Тревожные
времена земли абхазской // Газ. «Абхазский университет». 7 дека-
бря 1990 г.

⁹ Дзидзария Г.А. Указ. соч. – С. 70.

¹⁰ Дзидзария Г.А. Абхазское махаджириство XIX столетия. Дзи-
дзария Г.А. Труды. III. Из неопубликованного наследия. Составите-
ли: Куправа А.Э., Дзидзария Г.Г. – Сухум. 2006. – С. 225.

¹¹ АКАК. Т.XII. Ч. II. – С.792.

¹² Там же. – С.777.

¹³ Фадеев Р.А. Кавказская война. – М.: Изд-во Алгоритм. 2005.
– С. 153.

¹⁴ Журн. Всемирная иллюстрация. 1869, №8. – С. 122.

¹⁵ Дзидзария Г.А. Махаджириство и проблемы истории Абхазии
XIX столетия. – С. 199.

¹⁶ О переселении кавказских горцев в Турцию // Газ. Русский
инвалид, 1864, №206.

¹⁷ Пантюхов И. Кавказская летопись. Известия о последних во-
енных действиях на Западном Кавказе // Газ. Кавказ, 1864, №44.

¹⁸ Невский П. Закубанский край в 1864 г. Путевые воспомина-
ния // Газ. Кавказ, 1868, №101.

¹⁹ Пантюхов И. Указ. соч.

²⁰ Пантюхов И. Кавказская летопись. Известия о последних во-
енных действиях на Западном Кавказе // Газ. Кавказ. 1864, №49.

²¹ Газ. Кавказ. 9 августа, 1864 г.

²² По Дзидзария Г.А. Абхазское махаджириство XIX столетия. –
С.226.

²³ Петровский Н. Из записной книжки // Газ. Кавказ. 1874,
№67.

²⁴ Дзидзария Г. А. Абхазское махаджириство XIX столетия. –
С.227.

²⁵ Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – С.288.

²⁶ О переселении абхазов. Газ. «Дроеба». 1867, №23. На груз. яз.

²⁷ Газ. Русский инвалид. 1877, №142; Газ. Пчела. 1878, №21 и др.

²⁸ Дзидзария Г.А. Указ. соч. – С.367, 368.

²⁹ Немирович-Данченко В.И. В море. – М. 1897. – С.94.

*С. Ш. Салакая
(Сухум)*

ИЗУЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ АБХАЗСКОГО КНЯЖЕСТВА XIX ВЕКА В АБХАЗСКОЙ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Социально-экономическое развитие рассматривалось марксистской историографией как основа исторического процесса. Не стала исключением и новая история Абхазии. Одним из первых историков-марксистов Абхазии был Анатолий Всеволодович Фадеев, который активно начал печататься с начала 30-х годов. К числу первых опубликованных им работ относится небольшая книга «К вопросу о феодализме в Абхазии»¹, которая считается первой марксистской работой по истории Абхазии. Несмотря на определённую идеологизированность, работа содержит целый ряд интересных моментов. Стремясь доказать, что история Абхазии прошла все этапы социально-экономического развития, А. В. Фадеев выступает с критикой тех, кто считал, что в Абхазии не существовало резких социальных противоречий и что для Абхазии не характерны феодальные отношения и занесены они сюда лишь с утверждением русского царизма.

При этом сам автор отмечает, что в Абхазии сильны пережитки родоплеменных отношений. И указывает на целый ряд особенностей феодализма в Абхазии. Это слабость развития производительных сил, аграрные пережитки родового строя и т. д. Он обращает внимание на то, что в Абхазии возникает феодальная собственность, однако эксплуатация крестьян не приобрела в Абхазии крайних форм. За крестьянами сохранялось право собственности на землю и движимое имущество. Каждый земледелец приобретал землю путём расчистки леса. Автор указывает на то, что абхазские феодалы получали основные свои богатства путём внеэкономического принуждения. А. В. Фадеев указывает на то, что в феодальной Абхазии не существовало крепостного права в его чистой форме, в связи с тем, что, во-первых, это было экономически не выгодно в силу обширности свободных земельных пространств и слабости сельскохозяйственной техники, во-вторых, в систему абхазского

феодализма крепко вжились элементы родового строя, тормозившие тенденции феодалов к закрепощению крестьян. Именно поэтому в феодальной Абхазии (до русского периода) встречаются не крепостные, но и не свободные, лично зависимые крестьяне. Личная зависимость крестьян была не одинакова, одни отдавали прибавочный продукт в натуральной форме трудовой повинности (*ахую*), другие (*анхаю*) – в виде натуральных приношений и личных служб.

Далее следуют характеристики различных групп крестьян – *анхаю*, *ахую* и *атвы* (рабы). Автор констатирует, что все они были в той или иной степени зависимы от феодалов, но зависимость свободных или чистых крестьян (*анхаю цкиа*) была замаскирована под оболочкой патриархально-родовых отношений. К таким пережиткам автор относит воспитание детей феодалов, возможность перехода от одного владельца к другому, собственное хозяйство крестьянина и т. д. Но, вместе с тем, указывает и на повинности, которые должны были выполнять чистые крестьяне (*анхаю*)².

Что же касается *ахую*, то автор указывает на то, что это были потомки рабов, которые, теряя рабское положение, переходили в разряд *ахую*. А. В. Фадеев описывает их повинности и считает, что они были по существу крепостными барщинными крестьянами.

В своём описании крестьян Абхазии А. В. Фадеев не выделяет в отдельную группу *амацура зку*, являющуюся средним сословием между *анхаю* и *ахую*.

Далее в следующей главе своей работы автор описывает политический строй абхазского феодализма: его классы и сословия, феодальные органы принуждения и родовые пережитки, являющиеся сдерживающим фактором против чрезмерной эксплуатации крестьян, государственную систему, идеологические надстройки и внешние сношения Абхазии. Эта работа, несмотря на то, что ныне она малоизвестна, имела очень большое значение, так как её основные положения были позднее закреплены в других работах не только А. В. Фадеева, но и других авторов и послужили основной схемой при изучении социально-экономической истории Абхазии XIX века.

В 1932 г. вышла следующая работа А. В. Фадеева «Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии», которая как отмечает сам автор, является продолжением его предыдущей брошюры – «К

вопросу о феодализме в Абхазии». В духе господствовавшей в то время в советской исторической науке концепции, Фадеев характеризует русский царизм как военно-феодальный империализм. Главными целевыми установками данной работы автор считает: показать классовый характер крестьянской реформы 1870 г. в Абхазии, выяснить исторические силы, которые привели к крушению абхазского феодализма; показать социальную сущность превращения Абхазии в колонию русского капитализма. Выполнение этой задачи А. В. Фадеев начал с показа всей жестокой сущности царского колониального гнёта в Абхазии с момента её присоединения. Он также указывает на то, что при этом царизм находил для себя союзников в среде абхазской феодальной знати, и в первую очередь, в лице владетельного князя.

Особое внимание в работе уделяется экономической колонизации Абхазии. В частности, именно с этой задачей А. В. Фадеев связывает массовое махаджирство, так как свободолюбивое население мешало русскому капиталу, необходимой очистке почвы для развития капитализма. При этом оказывается на совпадение интересов царизма и молодой торгово-промышленной буржуазии России в изгнании абхазского населения. Для царизма махаджирство означало полное политическое покорение края. Для буржуазии оно давало возможность экономической колонизации Абхазии. Автор указывает, что реформа не только не облегчила положение крестьян, но и привела к значительному ухудшению жизни коренных жителей. С завоевательной политикой царизма и крестьянской реформой и как их следствие, массовым махаджирством, А. В. Фадеев увязывал и массовую колонизацию Абхазии. При этом указывалось, что попытка привлечения в Абхазию зажиточных огородников из Ярославской губернии и колонистов из Болгарии не удалась. В то же время в Абхазию хлынул поток греческих и армянских переселенцев из Анатолии, а впоследствии – русских и других. При этом автор в числе переселенцев не указывает картвелов (грузин, мегрелов и сванов), что, наверно, было сделано умышленно, так как незадолго до этого Абхазия была включена в состав Грузии и уже начиналась кампания, объявившая Абхазию исторической частью Грузии. В этих условиях говорить о грузинских переселенцах становилось уже небезопасно.

В 1934 г. вышла новая работа А. В. Фадеева «Краткий очерк истории Абхазии»³. Что касается самой истории XIX века, то «Краткий очерк...» написан вполне в духе господствовавших в то время теорий. Уже название главы, посвящённой этому периоду, говорит само за себя – «Захват Абхазии русским царизмом». Указывалось, что везде и всюду русские солдаты несли на своих штыках крепостничество и феодальное закабаление. Местных феодалов Фадеев считал пособниками царского самодержавия, которые продавали национальную независимость своей страны ради классовой солидарности с русским «военно-феодальным империализмом». Исходя из такого видения исторического процесса, Фадеев считал, что национальная борьба Абхазии против царизма очень скоро стала классовой борьбой трудящихся масс крестьянства против владельца и крупных феодалов, продавшихся русскому царю⁴.

Останавливаясь на народных восстаниях 20–40-х гг. и на карательных экспедициях царских войск, А. В. Фадеев ещё раз подчёркивает их классовый характер. Также отдельную главу он посвящает крестьянской реформе 1870 года. При этом автор показывает тесную связь нарождавшейся буржуазии с царским самодержавием, всё более усиливающуюся эксплуатацию населения и природных богатств Абхазии.

А. В. Фадеев справедливо увязывает Лыхненское восстание 1866 года с попыткой проведения крестьянской реформы в Абхазии. Лыхненскому восстанию уделяется особое внимание не только как наиболее крупному народному восстанию в XIX веке. Подробно рассматривая крестьянскую реформу, А. В. Фадеев и здесь основной упор делает на её классовый характер. Он отмечает, что реформа не улучшила, а наоборот ухудшила положение местного крестьянства. Именно с этим связывается новое восстание абхазских крестьян в 1877 году во время Русско-турецкой войны и последовавшая за ним очередная волна махаджирства.

Изучение истории Абхазии XIX – начала XX веков в 50–60-е годы развивалось в русле господствовавшей в то время в советской науке теории о благе для малых народов присоединения к России. В то же время политической истории уделяется не столь большое внимание. Наибольший интерес исследователей вызыва-

ют различные аспекты социально-экономического развития крестьянского и революционного движения.

Наиболее капитальной работой, посвящённой социально-экономической истории XIX века, которая во многом и до настоящего времени является эталоном при разработке данной проблемы, следует признать книгу Г. А. Дзидзария «Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX в. (до крестьянской реформы 1870 г.)»⁵. Эта монография является книжным вариантом его докторской диссертации, защищённой в том же 1958 году. Учёный ещё раньше интересовался данной проблематикой, по которой он написал целую серию интересных статей⁶. В них на основе большого архивного и мемуарного материала, а также данных этнографии, фольклора и языка, автор исследует следующие вопросы: 1) территория и население Абхазии в первой половине XIX в.; 2) народное хозяйство Абхазии; 3) сдвиги в экономике Абхазии в предреформенный период; 4) классовая структура феодальной Абхазии; 5) упразднение владетельской власти и введение русского управления; 6) борьба трудящихся Абхазии против феодального и колониального гнёта⁷.

Эта работа Г. А. Дзидзария является одной из вершин абхазской исторической науки, своеобразным эталоном. Она содержит много ценнейшего материала и таким образом содействует значительному расширению наших взглядов на историю Абхазии XIX века. Конечно, в ней имеются и определённые недостатки, главным образом связанные с общими недостатками, характерными для советской марксистской историографии и, в первую очередь, это касается чрезмерного преувеличения классового фактора. Также имелись и так называемые «местные» особенности – обязательное увязывание с грузинской историей и т.д. Однако в целом работа является крупнейшим исследованием социально-экономической истории Абхазии XIX в., которая, наверно, ещё долго останется таковой.

Уже в первой небольшой главе – «Территория и население абхазского княжества» – даны характеристики абхазских этнических подразделений, а также сделана попытка определения численности населения Абхазии в XIX в. Используя данные авторов XIX в. и позднейших исследователей, Дзидзария приходит к выводу, что численность населения Абхазии была примерно 100–150 тыс.

человек. Причём, что интересно, наименьшее число жителей Абхазии в 30–40 тыс. дают грузинские исследователи, хотя даже принятая Дзидзария цифра, вероятно, значительно занижена.

Большое значение имеет анализ классовой структуры дореформенной Абхазии, сделанный Г. А. Дзидзария. Он отмечал, что Абхазия в предреформенный период оставалась краем господства феодальных отношений и натурального хозяйства с весьма слабым развитием торговли и городской жизни. Здесь всё ещё ощущались родовые пережитки и патриархально-общинные традиции. С одной стороны, существовала владетельская власть и иерархия сословий, с другой – противоречащая феодализму абхазская община в её своеобразной форме, в Абхазии не было общинной собственности на пахотные земли: каждый крестьянин имел свои участки усадебной и пахотной земли, закреплённые за ним. При этом крестьяне были объединены в сельские общины; в общинном пользовании находились леса и пастбища; в общину включались и феодалы, что носило черты дофеодального быта⁸.

Большое внимание Г. А. Дзидзария уделил исследованию классовой структуры дореформенной Абхазии. Анализ он начинает с господствующего класса, выделяя при этом в отдельные параграфы владетельского князя, князей (атауад), дворян (аамыста).

Исследователь, в частности, отмечал, что владетель Абхазии (ах) имел высшую военную и административную власть, представлял княжество во внешних делах, считался главой страны, и всё население считало себя его подданным. Однако далее указывалось на то, что власть владетеля часто носила номинальный характер по причине раздробленности княжества и феодальных междуусобиц. Власть правителя прежде всего упиралась на военную силу, в его руках находился также определённый государственный аппарат, – владетельский князь также являлся высшим судьёй, а остальные судьи избирались народными сходами при его участии. В пользу владетеля изымалась часть налогов, например, за право пастьбы скота на лугах горных пастбищ и т.д., пошлина за вывоз и ввоз товаров, определённая пеня за различные преступления и т.д.

Конечно, всё влияние владетельского князя определялось силой, на которую он опирался. В частности, Дзидзария справедливо указывает на то, что власть последнего абхазского владетеля М. Г. Шервашидзе-

Чачба заметно усилилась благодаря поддержке со стороны России, однако при этом, как только он перестал быть необходимым России, его лишили власти, а абхазское княжество упразднено.

Далее автор останавливается на княжеском сословии, которое являлось высшим среди феодалов (тауад, не имеющий аамыста, не есть тауд). Среди князей он выделяет удельных князей, хотя отмечает, что их статус не был определён. Далее останавливается на дворянах (аамыста), отмечая при этом неоднородность различных категорий дворян – высшее место среди них занимали так называемые «чистые» или «настоящие» исконные дворяне. Многочисленную группу составляли мелкие аамыста, которые распадались на ряд категорий и в народе носили различные насмешливые наименования – «аамыста-кятч» и «акуацаамста», а иные носили и вовсе «позорные клички», вроде «хунцылаха», т.е. «застрявший в грязи». При этом отмечается, что некоторые из дворян занимали первенствующее положение в княжестве, например, такие, как Кац и Хасан Маан.

Специальный параграф Г. А. Дзидзария уделяет экономическим возможностям феодальной аристократии. В ней автор придерживается традиционного для советской историографии классового подхода, в частности, основу экономических возможностей господствующих слоёв он видит в феодальной эксплуатации, считая, что всё крестьянское сословие находилось в сильной экономической зависимости от феодалов. И хотя, как нам представляется, здесь автор сильно преувеличивает зависимость абхазского крестьянства от господствующего сословия, вместе с тем отмечаемая в последнее время тенденция идеализации абхазской жизни классового мира и гармонии тоже является несостоительной. Г. А. Дзидзария на основе значительного фактического материала обосновывает наличие в дореформенной Абхазии феодальной собственности на землю, что считалось спорным как до выхода монографии, так и в последнее время. Другими источниками доходов феодалов являлись пошлина с торговой деятельности, частичная сдача в аренду земельной собственности, работторговля, но главным источником оставались натуральные повинности крестьян.

Аинакума – промежуточному сословию между дворянством и крестьянами – Дзидзария даёт определение «стремящиеся к дво-

рянству», которое прижилось в исторической науке. Он показал, что, несмотря на однокоренное происхождение термина с грузинским – *шинакма*, они диаметрально противоположны: абхазские *аинакума* выделились из крестьянства и превратились в отдельное сословие, в то время как в Грузии *шинакма* составляли самую низшую категорию крестьян.

На большом фактическом материале с возможной тщательностью и полнотой исследует Г. А. Дзидзария категории крестьян: анхаю, ахою, ахашвала, амацуразку и азаты. Он выясняет условия возникновения и формирования каждой из указанных категорий, различия между ними в правовом и экономическом отношении, удельный вес каждой из них в общей массе крестьянства, отношение их к владетелю, подати и повинности, лежавшие на них⁹.

Около 2/3 всей крестьянской массы Абхазии составляли анхаю. Автор приводит выдержки из многочисленных источников (Сухумская поземельно-сословная комиссия: А. П. Черепов, Д. А. Милютин, Р. де СкаSSI, К. Чернышов, Н. Ф. Дубровин, А. Н. Введенский, С. С. Эсадзе, С. Л. Авалиани, Г. Калантаров, Г. М. Шервашидзе, С. Т. Званба), которые утверждали, что *анхаю* являлись свободными крестьянами, собственниками земли и т.д., и что их зависимость от феодалов носит внеэкономический характер. Сам Г. А. Дзидзария придерживался мнения, что крестьяне – *анхаю* были зависимым элементом, и что шёл процесс их дальнейшего закабаления.

Наиболее спорным моментом в исследовании крестьянства являются вопросы земельной собственности. Г. А. Дзидзария придерживается точки зрения, что в Абхазии существовала феодальная собственность на землю, следовательно, были и крепостные отношения. Однако он отмечает, что из-за низкого уровня социально-экономического развития они не достигли ещё высокого уровня. Это утверждение ныне весьма активно отрицается, во всяком случае оно не является бесспорным, в особенности в отношении анхаю.

Собственно крепостными крестьянами, по мнению Дзидзария, являлись ахою, известные также под наименованием «агыру». Он считал их таковыми, так как они, по убеждению учёного, должны были не только отбывать натуральные повинности, но и не являлись собственниками земли, которая давалась им лишь в условное владение. Число повинностей, отбываемых ахою, было достаточ-

но велико: это и барщина (апкара), приношение владельцу продуктов и предметов домашнего промысла, своеобразный вид калыма. Отдача в услужение в дом помещика детей, приготовление пищи и т.д. Все эти данные, приведённые Г. А. Дзидзария, позволяют сделать вывод, что, несмотря на утверждения как дореволюционных авторов, так и новейшей историографии, *ахоую* действительно являлись крепостными. На последней ступени социальной лестницы Абхазии стояла категория домашних рабов – *ахашвала* или *атвы*.

Особую, небольшую группу феодально-зависимого населения Абхазии составляли *амацуразку*, которые, говоря языком официальных документов, составляли среднее крестьянское сословие между *анхаю* и *ахоую*. На них в основном лежала обязанность прислуживать феодалам. *Амацуразку* стояли по объёму своих гражданских прав выше, чем *ахоую* и, как считал Дзидзария, являлись, по-видимому, наиболее закрепощённой частью *анхаю*, но ещё не перешедших в разряд крепостных *ахоую*.

Небольшую группу составляли *азаты* – вольноотпущенники, или «уволенные» из других сословий крестьян. Они находились вне всяких категорий крестьян, в основном занимались духовным самосовершенствованием. *Азаты* в Абхазии часто становились жрецами, справляли религиозные культы, становились наставниками детей феодалов.

Исследовал Дзидзария и некоторые другие аспекты социальной жизни, например, *асасство* – в данном случае не только гостеприимство, но и переход из одной общине в другую и все нормы, связанные с этим переходом.

Также даётся небольшой параграф о работорговле, причём указывается и то, что наиболее активными работорговцами были представители верхушки абхазского общества, в первую очередь, владельцы и удельные князья.

Большой интерес представляют две последние главы монографии – «Упразднение владетельской власти и введение русского управления» и «Борьба трудящихся Абхазии против феодального и колониального гнёта». В первой из них Дзидзария характеризует политику России и владетельного князя Михаила на завершающем этапе Кавказской войны. Упразднение абхазского княжества он увязывает с завершением Кавказской войны, после которой от-

пала необходимость в существовании «автохтонного абхазского царства». В целом автор справедливо указывает на то, что упразднение абхазского княжества являлось продолжением политики царской России по дальнейшей колонизации Абхазии и Кавказа в целом. Однако его оценка относительно исторической прогрессивности ликвидации абхазского княжества как пережиточного феодального образования вряд ли является оправданной. Упразднение абхазской государственности негативно сказалось на дальнейшей исторической судьбе абхазского народа.

В главе, посвящённой антиколониальной борьбе трудящихся, основное место занимает Лыхненское восстание. Это и другие выступления Г. А. Дзидзария рассматривает с классовых позиций, видит в них эпизоды социальной и классовой борьбы, а также указывает на то, что основной движущей силой народных выступлений являлось крестьянство, которое одновременно вело борьбу как с царскими колонизаторами, так и с местными феодалами. Участие же представителей господствующих слоёв в этих движениях он рассматривает как случайное явление или как попытку феодальной верхушки вернуться к прежним порядкам. Написанные в духе традиционной советской историографии, эти моменты, в которых чрезмерно выпячивается классовый подход, являются сейчас наиболее спорными и не только в данной монографии, но, наверно, почти во всех работах Г. А. Дзидзария и вообще абхазской историографии советского периода, что в целом понятно и объяснимо.

Две последние главы несколько выпадают из общего контекста монографии «Народное хозяйство и социальные отношения...» и поэтому во второе издание, включённое в первый том трудов Г. А. Дзидзария, они не вошли («Труды» вышли посмертно, но были подготовлены автором)¹⁰.

В 1975 году вышла в свет, несомненно, главная книга Г. А. Дзидзария «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия», ставшая классическим трудом не только абхазоведения, но и всего кавказоведения¹¹. Это исследование отличается необычайной глубиной и размахом, оно охватывает почти все стороны истории Абхазии XIX века, начиная от присоединения Абхазии к России и до конца столетия.

Как уже отмечалось, работа Г. А. Дзидзария является много-плановым исследованием. Помимо главной проблемы, здесь рассматривается ряд других проблем истории Абхазии и Кавказа в целом: русско-турецкие противоречия на Западном Кавказе, деятельность европейских держав в регионе, колонизация Абхазии, экономическое, социально-политическое и культурное состояние Абхазии в XIX веке. Автор крайне негативно оценивает колониальную политику царизма в Абхазии, считая её важнейшей причиной махаджирства. Но вместе с тем, через всю книгу проходит мысль об объективно прогрессивном значении присоединения Кавказа к России. Народы Кавказа, в том числе и абхазы, после присоединения к России были избавлены от угрозы порабощения отсталыми странами – султанской Турцией и шахским Ираном, и вступили в новый период своей истории. Прогрессивный характер этого явления рассматривается в широкой исторической перспективе. Кавказские народы встретились с борющимся за своё освобождение русским народом, с передовой культурой России. Абхазский народ постепенно избавился от этнической разобщённости, феодальной раздробленности, междуусобных войн, ускорялась ломка патриархальных отношений. Абхазия втягивалась в общее русло экономического развития России. В ней росли производительные силы. На новую ступень поднималась здесь национальная и социальная борьба трудящихся, которая становилась неразрывной частью российского рабочего движения¹².

В 1976 г. в Москве в издательстве «Наука» вышла книга Г. А. Дзидзария «Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы». Эта работа – одно из тех исследований Дзидзария, которые благодаря глубокому изучению автором разнообразных источников, обширного документального материала по истории Абхазии и всего Западного Кавказа выходят за рамки собственно истории Абхазии. Эта книга посвящена жизни и деятельности (литературной, военной, политической и дипломатической) Ф. Ф. Торнау – одного из ярких представителей русского общества периода присоединения Кавказа к России. Торнау собрал и опубликовал, а частью оставил в рукописном виде многочисленные материалы по истории, этнографии, исторической географии, топонимике Западного Кавказа, дающие широкую картину жизни кавказских народов первой трети XIX века. Книга Дзидзария

содержит подробную характеристику этих материалов на фоне широкого освещения биографии самого Ф. Ф. Торнау.

В середине 70-х годов вышла работа одного из крупнейших абхазских историков З. В. Анчабадзе «Очерк этнической истории абхазского народа»¹³. В работе автор исследует процесс становления абхазского народа с древнейших времён до современного этапа. Исследователь считает абхазов коренным населением Западного Кавказа, в вопросах этногенеза он придерживается местно-миграционной теории, считая, что абхазский народ начал формироваться в результате слияния местного кавказского субстрата с пришедшими из Малой Азии племенами кашков, абешла и другими.

В интересующую нас эпоху автор указывает на то, что подавляющее население Абхазии составляли абхазы в первой половине XIX века. Прослеживаются процессы изменения демографической ситуации в Абхазии в конце XIX – начале XX веков. З. В. Анчабадзе придерживается мнения, что в это время на стадии капитализма идёт формирование абхазской нации, и уже в советское время этот процесс завершается формированием абхазской социалистической нации.

Определённый интерес представляет мнение известного историка о Самурзакане. Он считал эту территорию пограничной и в этническом плане, со смешанным абхазо-мегрельским населением, но указывает, что в XIX – начале XX веков абхазы были преобладающим или, по крайней мере, весьма заметным элементом в регионе. И хотя целый ряд положений автора вызывает споры и сомнения, в частности, вопросы формирования абхазской нации в эпоху становления капитализма, некоторая двусмысленность в этнических границах и этнической ситуации в Абхазии, в целом работа получила высокую оценку и явилась ценным вкладом в изучение этногенеза и вообще этнической истории абхазов.

В 1985 году вышла книга В. Д. Авидзба «Проведение в жизнь крестьянской реформы в Абхазии»¹⁴. В этой работе уточняется целый ряд моментов, связанных с проведением крестьянской реформы в Абхазии, отражены её последствия. Основанная на богатом фактическом материале, она даёт весьма полное представление о реформе 1870 года. Недостаток этого исследования традиционен для всей советской историографии. Чрезмерная идеологизированность, слишком большое значение придавались социальному

классовым противоречиям в абхазской деревне; упор на буржуазно-помещичий характер реформы, наверное, слишком преувеличен.

В 1986 году вышло в свет первое учебное пособие по истории Абхазии, написанное ведущими абхазскими историками З. В. Анчабадзе, Г. А. Дзидзария и А. Э. Куправа¹⁵. Оно было подготовлено за несколько лет до выхода в свет, однако ранее ему чинились многочисленные препоны (даже название «История Абхазии» вызвало недовольство многих чиновников и учёных в Грузии). И когда книга вышла одного из авторов (З. В. Анчабадзе) уже не было в живых. Книга имела очень большое значение, научное, учебно-методическое, образовательное и даже общественное, т.к. являлась первым учебным пособием по истории Абхазии. Она снабжена довольно большим историографическим обзором, написанным А. Э. Куправа. В ней охватывается вся история Абхазии от возникновения первобытно-общинного строя вплоть до середины 80-х годов XX столетия. Раздел «Новое время» написан Г. А. Дзидзария. В него включены семь глав (VI–XII), охватывающих время от присоединения Абхазии к России до установления советской власти в Абхазии в 1921 году.

Что же касается народного хозяйства и социальных отношений, то здесь необходимо отметить, что к числу наиболее спорных утверждений относится тезис о феодально-крепостническом состоянии абхазского общества, хотя одновременно подчёркивается, что основная масса абхазского крестьянства – *анхаю* в известной мере обладала частной собственностью, вела самостоятельное хозяйство и была не закрепощённой. Процесс же феодализации в горных районах остался незавершённым. Также указывалось на то, что феодальные отношения были тесно переплетены с патриархально-родовыми пережитками. При этом, однако, указывается, что шёл процесс присоединения к земле крестьян, а некоторые категории крестьян (*ахую*) объявляются собственно крепостными, что противоречит известным нам данным о сословно-поземельных отношениях в Абхазии.

Говоря о народных восстаниях 20–40-х годов, подчёркивается не только их национально-освободительный, но и классовый, антифеодальный характер.

В учебном пособии опущен завершающий этап Кавказской войны, хотя именно в этот период основные боевые действия

проходили на территории так называемой Малой Абхазии и прилегающих областях. Однако довольно подробно рассматривается упразднение Абхазского княжества. Указывается, что долгое существование фактически автономного Абхазского княжества с централизованной властью связано прежде всего со значительной ролью, которую княжество и её владетель играли в деле осуществления планов царизма на Западном Кавказе. Бесспорным представляется утверждение, что с упразднением Абхазского княжества и введением непосредственного российского управления, в крае утверждается колониальный режим. Однако последовавший затем вывод, что «... ликвидация владетельской власти – пережиточной формы феодального управления, помехи на пути социально-экономического развития Абхазии, объективно имела в целом положительное значение»¹⁶, является довольно сомнительным. Ликвидация собственной государственности и включение в состав чужого государства вряд ли может считаться прогрессивным явлением в жизни любого этноса.

В параграфе о крестьянской реформе подчёркивается её поместичий характер, хотя и указывается, что по положению не были удовлетворены претензии абхазских феодалов на признание за ними полного права собственности на все крестьянские земли и на признание крестьян всех категорий их крепостными. Однако объясняется это стремлением царизма увеличить государственные доходы, получив в своё распоряжение земельный фонд для колонизации края.

Целый параграф посвящён массовому переселению в Турцию в 1877–1878 годах. В нём указано, что общая численность абхазов и абазин, ставших махаджирами в 60–70-е годы превышает 135 тыс., а вместе с убыхами приблизительно 180 тыс. человек. Вместе с тем, на наш взгляд, занижены данные о потомках махаджиров, проживающих в Турции – около 100 тыс. человек. В том же параграфе говорится и о тяжёлом положении абхазов, оставшихся на родине. Они были объявлены «виновным населением», подвергнуты репрессиям, экономическим и политическим санкциям. Говоря о колонизации Абхазии, практически ничего не сказано было о коренном изменении этнической ситуации в Абхазии и лишь вскользь и крайне невнятно сказано о переселении в Абхазию грузинского населения.

Особое место в исторической науке конца 80-х годов занимает книга С. З. Лакоба «Очерки политической истории Абхазии»¹⁷. Несмотря на относительно небольшой объём, она произвела настоящий переворот в изучении истории Абхазии XIX–XX веков. В ней получили освещение многие закрытые ранее темы, а ряд известных событий и фактов – новую, часто диаметрально противоположную трактовку.

К наиболее значимым положениям можно отнести утверждение о практическом отсутствии крепостного права в Абхазии, вопреки устоявшемуся в советские времена положению о крепостническом характере сословно-поземельных отношений в Абхазии. Большого внимания заслуживает мнение автора по вопросам завершающего этапа Кавказской войны и упразднения Абхазского княжества. Исследователь обращает внимание на особенности Лыхненского восстания, даже называет его странным. Вновь подчёркивается, что общенациональный характер этого восстания вызван непониманием представителями царской администрации особенностей уклада абхазской жизни, т.е. практическим отсутствием крепостного права. Тезис о том, что подавляющее большинство населения Абхазии – крестьяне – *анхаю*, представляют собой свободных общинников, владельцев собственной земли, ныне общепризнанный и бесспорный, довольно трудно пробивал себе дорогу, подвергаясь критике со стороны многих исследователей. Большой интерес представляет и освещение вопроса изменения этнической ситуации в Абхазии после массового махаджиэрства. Особый упор делался на процесс массового переселения в Абхазию грузинского населения, особенно мегрелов из Западной Грузии, что на момент написания работы имело не только важное научное, но и политическое значение, ибо показывало, как начался процесс массового заселения Абхазии грузинским этническим элементом.

Основные положения «Очерков...» вошли в учебное пособие «История Абхазия»¹⁸, тем более, что главным редактором и автором раздела был С. З. Лакоба. Выход этой книги стал знаковым событием в научной и общественной жизни Абхазии того времени. Написанная в очень острый политический момент «История Абхазии» стала книгой огромного не только научного, но и общественно-политического значения. Свободная от идеоло-

гических уз работа впервые была написана без оглядки на Москву и Тбилиси и смогла показать самостоятельность истории абхазского народа, разрушая многие догмы, утверждавшиеся десятилетиями в науке с подачи Тбилиси.

Выдающийся абхазский этнограф Шалва Денисович Инал-ипа не мог остаться в стороне от общественно-политической жизни. Он принял активное участие в полемике с грузинскими историками, давая достойный отпор их притязаниям на территорию и историю Абхазии. Веское слово учёного сыграло немалую роль в том, что научный мир узнал правду о том, как складывалась современная демографическая ситуация в Абхазии. Этой проблеме посвящена статья Ш. Д. Инал-ипа в авторитетном журнале «Советская этнография»¹⁹.

Перед самой войной вышли первые экземпляры книги Ш. Д. Инал-ипа «Ступени к исторической действительности», в которой автор приводит сведения источников XV – начала XX веков об этнической ситуации в Абхазии²⁰. Опираясь на данные Ламберти, Эвлия Челеби, Шардена, Торнау и многих других, автор отвергает вновь ставшую популярной в то время в Грузии теорию о пришлости абхазов и автохтонности грузин в Абхазии. Источники того времени, как убедительно показал исследователь, говорят об обратном, что, наоборот, часть абхазского населения переселилась на Северный Кавказ, и о широком распространении военного отходничества и формировании крупных абхазских диаспор в Турции и странах Арабского Востока. Значительное место также уделено вопросу заселения Абхазии иноязычным, в том числе и картвельским (грузинским, мегрельским, сванским) элементом. Автор, опираясь на источники, аргументировано показывает, что массовое заселение началось лишь после махаджирства, в последней трети XIX века. К сожалению, эта книга практически не известна широкому читателю потому, что она была издана перед самой войной и большая часть её тиража к началу военных действий оставалась в издательстве. Лишь несколько сигнальных экземпляров дошло до адресатов, в основном, коллег автора. Практически весь тираж был уничтожен грузинскими оккупантами. Конечно, есть необходимость переиздания этой книги, чтобы широкий круг читателей мог ознакомиться с этой работой.

В современной Абхазии, несмотря на огромный ущерб, нанесенный грузинскими агрессорами в ходе Отечественной войны 1992 – 1993 гг., историческая наука продолжает свое развитие. Различные проблемы истории Абхазии XIX в. разрабатывают С. З. Лакоба²¹, Т. А. Ачугба²², А. Э. Куправа²³, Л. Г. Смыр²⁵, С. Ш. Салакая²⁷ и др. Выходят не публиковавшиеся ранее²⁸ и ставшие библиографической редкостью работы абхазских историков, сборники документов и материалов²⁹.

Примечания

¹ Фадеев А. В. К вопросу о феодализме в Абхазии (По материалам научной экспедиции 1930 года). – Сухум, 1931.

² Фадеев А. В. Указ. соч. – С. 20, 21.

³ Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии. – Сухум, 1934.

⁴ Фадеев А. В. Краткий очерк... – С. 154, 155.

⁵ Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX в. – Сухуми, 1958.

⁶ Он же. К истории крестьянства предреформенной Абхазии: повинности категории анхаю (пиоши). // Тезисы докладов научной сессии АбНИИ, 20, 21 января 1953 г. – Сухуми, 1953; Антифеодальные крестьянские выступления в предреформенной Абхазии // Труды АбНИИ. Т. 26. – Сухуми, 1955; Крепостные крестьяне в предреформенной Абхазии: категория ахоую. // Труды АбНИИ. Т. 27. – Сухуми, 1927; Развитие торговли в Абхазии в XIX в. (До крестьянской реформы 1870 г.) // Труды АбНИИ. Т. 28. – Сухуми, 1957; там же: Ахашвала – самая низшая социальная категория феодальной Абхазии XIX века.

⁷ Куправа А. Э. Георгий Алексеевич Дзидзария (К 90-летию со дня рождения). – Сухум, 2006. – С. 59.

⁸ Дзидзария Г. А. Народное хозяйство... – С. 142.

⁹ Куправа А. Э. Георгий Алексеевич Дзидзария. – С. 61.

¹⁰ Дзидзария Г. А. Труды. Т. I. – Сухуми, 1988.

¹¹ Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми, 1975; второе дополненное издание. – Сухуми, 1982.

¹²Куправа А. Э. Указ. соч. – С. 113.

¹³Анчабадзе З. В. Очерк этнической истории абхазского народа. – Сухуми, 1976.

¹⁴Авидзба В. Д. Проведение в жизнь крестьянской реформы в Абхазии. – Сухуми, 1985.

¹⁵Анчабадзе З. В., Дзидзария Г. А., Куправа А. Э. История Абхазии. – Сухуми, 1986.

¹⁶Анчабадзе З. В., Дзидзария Г. А.. Куправа А. Э. История Абхазии. – С. 87-88.

¹⁷Лакоба С. З. Очерки политической истории Абхазии. – Сухуми, 1990.

¹⁸История Абхазии. Сухум, 1991

¹⁹Инал-ипа Ш. Д. Об изменении этнической ситуации в Абхазии в XIX – начале XX веков // Ж-л Советская этнография, 1990, №1.

²⁰Инал-ипа Ш. Д. Ступени к исторической действительности (Об этнической ситуации в Абхазии в XV – начале XX веков). – Сухум, 1992.

²¹Лакоба С. З. Асланбей. Сухум, 1999; Абхазия между двух империй. Саппоро, 2004; Ответ историкам из Тбилиси. – Сухуми, 2001 и др.

²²Ачугба Т. А. Этническая история абхазов. – Сухум, 2010.

²³Куправа А. Э Вопросы традиционной культуры абхазов. – Сухум, 2008 и др.

²⁴Смыр Л. Г. Сухумское общество сельского хозяйства. Сухум, 1996

²⁵Салакая С. Ш. Вопросы истории Абхазии XIX – нач. XX веков в абхазской историографии. – Сухум, 2009

²⁶Дзидзария Г. А. Труды. Т. III. – Сухум, 2005

²⁷Материалы по истории Абхазии XIX века. Т. 1.2. – Сухум, 2009; 2011. Абхазия и абхазы в российской периодике. Кн. 1, 2. – Сухум. 2005,2008

*E.K. Аджинджал
(Сухум)*

ВАНДАЛЫ КОНЦА XX ВЕКА

В советское время Абхазия являлась коммунистической колонией унитарной Грузии. Колониальный режим тбилисской метрополии в Абхазии отличался от аналогичных форм тоталитарных структур тем, что здесь колониальное усилие было направлено исключительно против этнических абхазов. В 30-е годы XX века в Абхазии была расстреляна наиболее сознательная и образованная часть абхазского народа, абхазский алфавит был заменен грузинским, абхазские школы были переведены на грузинские и было строго запрещено преподавание абхазской истории в школах. Была totally огрудинена вся абхазская топонимика. История Абхазии была извращена и приписана к истории Грузии. Абхазские фамилии и имена подверглись сплошной грузинизации. Самое главное – в Абхазию было организованно переселено (посредством специально для этих целей созданного треста «Абхазпереселенстрой») огромное количество грузин, в основном с внутренних и западных районов Грузии. В то время, когда вся советская страна из последних сил боролась с фашизмом, и все свои ресурсы отдавала фронту, в Абхазии шла грузинская колонизация. Переселенцам из Грузии строились дома и создавались комфортные, по тем временам, условия для жизни. Колонизация уже в других, менее явных формах, продолжалась вплоть до 1992 года. Колониальные власти сделали всё для ассимиляции абхазов, которые – в результате у себя на родине оказались в явном меньшинстве. К 80-м годам XX века абхазы составляли 17 процентов от общего населения страны.

Апогеем всей колониальной идеологии Грузии в Абхазии стала захватническая война против абхазов 1992–1993 годов. У этой войны тоже была своя специфика. Дело в том, что из-за планомерного демографического освоения Абхазии со стороны Грузии к началу войны на территории Абхазии почти во всех населенных пунктах, количество грузин соответствовало остальному населению – абхазов, армян, русских, греков, евреев и других, вместе взятых. Грузинская диаспора в Абхазии, как «пятая колонна», на

основе интенсивной нацистской пропаганды (кто добровольно, а кто и принудительно) берет оружие и принимает участие в войне, поддерживая тбилисские оккупационные войска. Эти квислинги воевали против своих соседей, знакомых, сослуживцев-сограждан и т.д. Таким образом, в Абхазии, в течение 14 месяцев, происходила соседоубийственная гражданская война. Показателем жестокости и бесчеловечности поведения грузинских оккупационных войск в этой войне свидетельствуют слова главнокомандующего грузинской армии Георгия Каркарашвили, о том, что он готов не пожалеть жизни ста тысяч грузин для поголовного уничтожения всех абхазов...

Война есть война. Она никогда не обходится без жестокости, несправедливости и тем более без преступлений. Но в этой войне произошло одно *событие, которое не имело аналогию в истории всех войн всех времен*. По инициативе тбилисских ученых, оккупационное грузинское военное и гражданское руководство в Сухуме, безо всякой военной необходимости, далеко от линии фронта, в центре оккупированного города, совершило беспрецедентное варварское преступление... 22 октября 1992 года, в четыре часа дня, грузинские солдаты одновременно подожгли в оккупированном Сухуме два здания – Абхазского государственного архива и Абхазского института гуманитарных исследований.

Имеются свидетели, видевшие, как представители грузинского оккупационного руководства заблаговременно до 22 октября занесли канистры с горючим в здания Госархива, Абхазского госдрамтеатра, Госмузея и Абхазского института, для их поджога в дальнейшем.

Однако здания театра и музея были спасены по настоянию двух грузин. Один из них – актер по фамилии Джаяни уверил поджигателей, что нет необходимости в поджоге здания театра, так как абхазская труппа убежала в Гудауту, в театре остались одни грузины, а абхазы уже никогда не вернутся обратно... А здание музея стояло рядом с многоквартирным домом, в котором жил некий грузин по фамилии Ахалая, имевший так же как и Джаяни, влияние на руководителей оккупационного режима. Он сумел убедить поджигателей, что вместе с музеем обязательно сгорит и дом, в котором он живет. Это спасло музей.

После двух месяцев оккупации Сухума войсками Госсовета Грузии, 22 октября 1992 году вокруг зданий Госархива и института появились вооруженные солдаты, высшие офицеры и гражданские чиновники. По одновременной команде солдаты вошли в эти два здания и подожгли их. Когда дым поднялся, и появилось пламя, собрался народ и начал выражать свое возмущение. Дошло до того, что солдаты открыли стрельбу, чтобы разогнать возмущенных людей. Так, у здания института они ранили сотрудника музея (археолога) Николая Шенкао.

Здание Госархива потушили жители соседних кварталов. Однако, узнав об этом, грузинское командование вернуло к месту поджога своих солдат, которые, и здесь разогнали всех выстрелами из автоматов. Длинными железными баграми солдаты ворошили золу на пепелище Госархива, чтобы не остался ни один лист.

Кстати, накануне этого страшного события, я был в Сухуме и сумел тайком проникнуть внутрь здания института. Все двери здесь были выломаны, а книжные ряды обстреляны. По полу рассыпаны пустые гильзы, а рядом валялись пустые бутылки портвейна. Видимо, вандалы отпраздновали предстоящую реализацию плана своего варварского мероприятия. Как только сумел перейти реку Гумисту, по которой тогда проходила линия фронта, я написал об

этом в местной абхазской газете.

А через два дня после варварского преступления, на заседании Парламента Грузии, где присутствовал Шеварднадзе и зарубежные гости, профессор Алексидзе сообщил аудитории о том, что «абхазы дошли до такого умопомрачения, что они не

только играют футбол отрубленными головами грузин, но даже сжигают свои собственные научные учреждения, для того чтобы обвинить в этом грузин»!!! Он тут же добавил: «Слава Богу, что мы об этом вандализме абхазов своевременно сообщили научным центрам мира, в том числе и ЮНЕСКО».

Как они успели об этом сообщить миру на третий день после поджога в Сухуме, тогда когда эти учреждения горели еще три дня, особенно Госархив?!

Один грузинский писатель (пишущий на русском языке), который жил в Москве и работал в то время редактором журнала «Дружба народов», распространял такую небылицу, мол «абхазы сожгли свои научные учреждения из-за того, что там хранились документы, которые доказывали, что абхазы произошли от грузин». Сложно определить, что циничнее подобные высказывания или сам факт сожжения научных учреждений!!!

К сожалению, так получилось, что об этом варварском преступлении мало кто знает за пределами Абхазии. Вообще люди категорически отказываются верить в подобное. Здесь, безусловно, основную роль сыграла ложь, которую в глобальном масштабе распространяют грузины об абхазах. Доказательство этому – случай произошедший со мной в 2002 году на секции «Сепаратизм и федерализм» Института этнологии Академии наук Российской Федерации, куда я был приглашен. Когда пришла моя очередь выступить с докладом, я сказал, что представляю институт, который был сожжен 22 октября 1992 года грузинскими оккупантами во время войны. Многие из присутствующих мои слова восприняли как неизвестенное оскорбление грузинской нации. По просьбе самого директора Института В. Тишкова, один солидный ученый меня пристыдил: «Вы, абхазы, думаете, что вам поверят, когда распространяете такие небылицы. Мы то знаем, что грузины не сжигают научные объекты» и т.д. Я оказался в нелепом положении. И тут же спросил бывшего сотрудника нашего института (грузина по национальности), к тому времени работавшего в Институте этнологии, Г.П. Лежава «Георгий Платонович, неужели и Вы тоже думаете, что я вру, вы же там работали, когда институт был сожжен?». Он ответил: «Вы правы, Ермолай, я тоже об этом говорю, но и мне

не верят». Как быть в таком случае? Тотальный обман вплоть до ЮНЕСКО сделал свое дело.

И никому нет дела какой непоправимый урон нанесен абхазскому народу. Превращены в пепел и потеряны навсегда миллионы страниц уникальных, не имеющих дубликатов историко-информационных документов от периода присоединения Абхазии к России (1810 г.) до конца 70-х годов XX века, документов, охватывающих все стороны жизни Абхазии. Кроме того в архиве были сосредоточены уникальные материалы, касающиеся и Северного Кавказа, и самой Грузии, России, Турции и др. От этого акта вандальства пострадали не только историки-исследователи, лишенные возможности пользоваться архивными материалами, но и все граждане Абхазии, которым приходилось освидетельствовать какой-либо факт из своей жизни.

Перед войной я занимался исследованием истории христианства нашей страны, и мне неоднократно приходилось работать в Государственном архиве Абхазии. Несколько больших комнат там были забиты до потолка огромным количеством материалов, и это только лишь по истории религии. А остальных источников сколько было? В здании Абхазского института тоже было сосредоточено немало материалов полевых экспедиций: этнографов, историков, археологов, не изданных монографий, а также статей, сборников отчетов и т.д. Меня возмущает спокойное отношение к этому событию многих ученых, которые работали в самом институте, и отсутствие адекватной реакции со стороны интеллигенции. По-видимому, они не до конца осознали всю тяжесть и невосполнимость последствия этого преступления. Ведь сегодня, мы, *абхазы – единственный народ в мире, который остался без архива*. К сожалению, до сегодняшнего дня не проведено расследование данного чудовищного преступления, и мало того никто из наших ученых (особенно бывших работников института) не написал ни одну специальную статью об этом! Спасибо западному ученому Томасу Девеау, который приехал в Абхазию, чтобы встретиться с бывшим директором Государственного архива Абхазии Николаем Иониди. В результате он опубликовал статью «Архив Абхазии: огонь войны, пепел истории».

После освобождения Сухума я приходил к сожженным объектам и со слезами на глазах смотрел на пепелище моей родной истории. И мучительно думал, как поведать миру об этом ужасном преступлении. Есть известная картина художника Верещагина «Апофеоз войны», на которой изображен остроконечный холм из человеческих черепов. По аналогии с этой картиной, в одном из подвальных отсеков сожженного Госархива в центре помещения я соорудил пепельную пирамиду и привел туда фотографа (сотрудника МВД) и мы сняли несколько кадров вместе с сотрудниками Госархива. К сожалению, негативы этих снимков до сих пор я не смог получить. Одна фотография у меня все-таки осталась. Автора этого снимка я не помню. Пепел архива я засыпал в маленькие целлофановые мешки и с надписью на абхазском, русском и английском языках «Пепел абхазского архива, сожженного грузинскими вандалами» распространил по разным музеям. Через Полу Гарб и Марджере Фааре часть из них я отправил в США. О сожжении этих научных объектов я писал статьи с заглавиями: «Вандализм», «Хатынь абхазской науки», «Шовинизм или Вандализм», «О геноциде абхазской науки» в разные газеты, и в статье «Признание Абхазии и Международное право» (Курск, 2008 г.). Об этом я написал и в своей книге «Абхазская реконкиста и Международное право». Моя научная статья «Об одном аспекте информационной блокады» была опубликована на русском и английском языках в сборнике международного семинара (организованном В.Ш. Хагба).

Я не знаю, кто и как воспринял это событие, но меня, как абхаза, до глубины души возмутило это злодеяние. Все время я всем говорил и неоднократно писал о том, что необходимо Генеральной прокуратуре Республики Абхазия завести уголовное дело и провести доскональное расследование по факту данного преступления. К сожалению, наша интеллигенция не отреагировала на мои слова и статьи. В 2006 году я обратился с исковым заявлением к Генеральному прокурору Республики Абхазия. Его текст был обоснован международно-правовыми документами. В частности, я писал: «*Глобальное информационное общество – основа нынешней цивилизации. Доступ к информации является общечеловеческим достоянием, без которого невозможны и немыслимы развитие: науки, политики, образования, права, производства и т.д. Поэтому*

му, ныне фундаментом прогресса считаются информационная и коммуникационные технологии (ИТК). К тому же – главная программа ЮНЕСКО – «Информация для всех», Окинавская хартия и другие международные документы говорят, что доступ к информации является основой основ прав человека. Однако мы ученые-гуманитарии Абхазии оказались лишенными возможности пользоваться архивной информацией истории, культуры, и быта своей страны, из-за того, что наш национальный архив был целенаправленно сожжен врагами в 1992 году. И именно, мы, абхазские ученые-гуманитарии, как никто другой каждый день мучительно ощущаем отсутствие ничем невосполнимых архивных материалов, в которых содержалась всесторонняя информация по истории и недавнему прошлому нашего народа...». После моего письма было возобновлено расследование данного уголовного преступления. Однако через некоторое время оно было приостановлено!? После Цхинвальских событий 2008 года я снова обратился в Генпрокуратуру страны, чтобы она обратилась за помощью к прокуратуре Российской Федерации для оказания помощи по розыску, выявлению и наказанию участников данных поджогов. Но, увы, до сих пор дело не сдвинулось с места! Хотя, как мне известно, между прокуратурами Республики Абхазия и Российской Федерации заключен договор о возможности совместных расследований особо тяжких преступлений. Считаю, что совместное российско-абхазское расследование данного преступления принесло бы пользу и Российской Федерации, ибо, грузины сегодня по всему миру трубят мол «Русские признали Абхазию, чтобы ее поработить...» и т.д. А вердикт данного суда показал бы всему миру настоящее лицо Грузии. А это в свою очередь ускорило бы признание Абхазии международным сообществом, особенно Организацией Объединенных Наций. Дело в том, что именно в ООН – очень мало официальной информации о событиях в Абхазии. Это происходит потому, что глобальная лживая информационная индустрия Грузии, пока, что доминирует в мировом информационном пространстве. Абхазия в этом отношении ничего не делает. А ведь *информационная безопасность для страны даже более важна, чем экономическая или иная составляющая безопасности государства.*

Думаю, что нашей интеллектуальной элите и особенно нашему Правительству необходимо осознать степень тяжести данного преступления для нашего народа и государства. И главное – необходимо непременно осудить (желательно международным судом) данное преступление.

Кроме того, *22 октября следует объявить Днем геноцида науки Абхазии*, а в Сухуме на набережной, где стоял сожженный институт, открыть памятную «Аллею геноцида науки», с соответствующим мемориальным памятником. И самое главное, необходимо решением международного суда обязать Грузию, чтобы все архивные материалы из Абхазии, хранящиеся в Тбилиси, Кутаиси, Гелати и других городах передать нашей стране, чтобы хоть как-то воссоздать национальный архив страны.

И. П. Добаев
(Ростов-на-Дону)

**СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ В ПРЕДДВЕРИИ
ОЛИМПИАДЫ 2014:
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ**

Эпоха постмодерна, в которую вступил наш противоречивый мир, сохраняя прежние инструменты ведения обычных (военные операции) и экономических войн, все в большей степени делает упор на т.н. «информационные войны». При этом особенностью информационных войн является то обстоятельство, что они ведутся глобально и тотально – против врагов, нейтралов и союзников, во времена войны и мира. Приз в этой перманентной борьбе – мировое господство, которое американцами в последние годы именуется «глобальным лидерством».

Характерными чертами обновленной в марте 2006 г. Стратегии национальной безопасности США стали усиление гегемонистских тенденций и «идеологизация» её внешней политики. Главным критерием оценки перспектив развития отношений Америки с зарубежными государствами стало «поведение» той или иной страны, точнее – соответствует или не соответствует оно американскому пониманию демократии и потребностям борьбы с «общемировым злом, включая неугодные режимы».

Принципиально важно, что, в отличие от существовавшей с 2002 г. практики причисления тех или иных стран к «оси зла» на основании обвинений в поддержке международного терроризма, в последней Стратегии основным критерием выбора кандидатов в американский «черный список» стало их политическое устройство, не отвечающее представлениям США о «подлинной демократии». При этом для обоснования своих притязаний на глобальное лидерство американская элита берет на вооружение абстракции все более высокого порядка (глобальная борьба «добра с общемировым злом», «защита свободы», «продвижение демократии» и т.д.), не конкретизируя регионы и страны, которые могут стать объектами

их приложения. Что касается России, а также и Китая, являющихся основными geopolитическими конкурентами Соединенных Штатов, то в последние годы Вашингтон усилил критику в их адрес, обвиняя в нарушении демократических принципов, прав человека и авторитаризме.

Сущность политики неоэкспансии, проводимой США, заключается в том, что Вашингтон легитимизирует и оправдывает необходимостью обеспечивать безопасность США, их союзников и партнеров прямое или скрытое вторжение в важнейшие сферы жизнедеятельности суверенных государств, нарушая международные принципы суверенитета и независимости стран – членов ООН. Такова суть современной geopolитики Соединенных Штатов практически во всех мировых регионах, поскольку все они, без исключения, объявлены зоной жизненных интересов этой супердержавы. Одним из таких регионов выступает и Кавказ.

В последних числах мая 2010 года президент США Барак Обама направил в Конгресс новую Концепцию национальной безопасности. Хотя документ декларирует отход от концепции предшественника Обамы – Дж. Буша-младшего, а США отказываются от силовых методов решения мировых проблем и больше не считают «продвижение демократии» основой своей внешней политики, тем не менее, заявлено, что Америка готова приложить все усилия для сохранения независимости и территориальной целостности соседних с Россией государств, при этом назван весь Кавказ.

Американский geopolитический мегапроект на Кавказе (Северном и Южном) реализуется не только путем укрепления здесь собственных геостратегических и геоэкономических позиций США, но и путем манипуляции и управления Вашингтоном другими участниками geopolитической игры в регионе. Непосредственное военное сотрудничество развивается с Грузией, а также Азербайджаном. При участии американских военных специалистов проведена основательная реформа грузинских вооруженных сил, созданы новые, хорошо оснащенные и подготовленные части и соединения, а немалая часть грузинского госбюджета идет на покрытие военных расходов. В Грузии, а также Азербайджане, формируются условия для создания военных баз. Например, на севере и юге Азербайджана уже действуют две американские РЛС, подго-

тovлено несколько аэродромов для использования их в интересах военно-воздушных сил США. Еще масштабнее осуществляется такого рода деятельность в Грузии. Одновременно целенаправленно реализуются геоэкономические проекты, призванные экономическими средствами выдавить из региона Россию. Имеется в виду, прежде всего, ввод в эксплуатацию основного экспортного трубопровода Баку – Тбилиси – Джейхан, а также лоббирование других прозападных проектов, например, NABUCCO. Кроме этих направлений, осуществляемых в духе классической geopolитики (военные аспекты) и новой geopolитики (экономические проекты), американцами, как отмечалось выше, используются наработки в области новейшей geopolитики (геополитики информационной эпохи, или geopolитики постмодерна). Американская «мягкая сила» успешно специализируется на организации «цветных революций», сетей любых форм диссидентства и псевдооппозиции, от ваххабизма до анархизма во многих регионах мира. В частности, на Кавказе действуют сотни, а может и тысячи, разноплановых неправительственных организаций, фондов, центров и других структур, финансируемых и поддерживаемых многими зарубежными и международными организациями. Безусловно, все эти структуры являются средствами для осуществления здесь сетецентрических операций (сетевых войн), частным видом которых выступают т.н. «цветные революции» – прозападные (чаще проамериканские) перевороты, производимые в той или иной стране или регионе, в интересах Запада (США) с использованием инструментария сетевых войн. Хорошо известно, что все эти «революции» планируются и осуществляются в рамках американоцентрической стратегии глобализации и монополярного мироустройства.

Для осуществления информационных войн и сетецентрических операций нужны информационные поводы – реальные или сконструированные. Одним из таких поводов для Северо-Западного Кавказа является Олимпиада, которая должна пройти в 2014 г. на территории Сочи и Красной поляны, приграничных к Абхазии районах Российской Федерации. Речь идет о событиях почти 150-летней давности, о ходе и итогах Кавказской войны (1818–1864 гг.). Раздувая события давно минувших лет, geopolитические недруги России стремятся вбить клин между различными народами,

населяющими нашу страну, углубить кризис идентичностей, застопорить процесс становления и развития единого российского гражданского общества, единой российской нации.

Кавказская война на Северо-Западном Кавказе была завершена 21 мая 1864 г., когда на территории нынешней Красной поляны, где планируется проведение Олимпийских игр 2014 г., был проведен парад царских войск. Трагическая судьба местного автохтонного населения стала в наше время объектом пристального внимания заокеанских блюстителей «прав человека», по всей видимости, подзабывших, что в основе построения Соединенных Штатов, как государства, лежат два базовых греха: почти полное уничтожение североамериканских индейцев, работоторговля и рабовладение. Однако в настоящее время у американских глобалистов появилась очередная возможность обвинить Россию в тех давних событиях, создать ложное представление о современной российской политике на Северном Кавказе в глазах мирового сообщества. Для этого различные организации Великобритании и Соединенных Штатов, особенно неправительственные, вынесли на широкое обсуждение в мировом научном сообществе идею образования независимого адыгского государства.

В информационной войне против России используются различные американские и некоторые другие западные фонды, организации и структуры. Так, основанный в 1980-х годах американский «Джеймстаунский фонд», имеющий тесные связи с правительством США, а также с ЦРУ, одной из основных сфер деятельности избрал критику российской политики на Северном Кавказе. Например, 21 мая 2007 г. на конференции, проведенной этим фондом в Вашингтоне, была озвучена идея создания самостоятельного адыгского государства, объединяющего территории Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и т.н. «причерноморской Шапсугии». Эта же мысль получила свое развитие в ходе конференции, прошедшей 8 апреля 2009 г. в Гарвардском университете (США), где один из докладчиков подчеркнул, что реализация проекта Черкесской республики позволит черкесам добиться независимости от России. Аналогичный тезис прозвучал на ежегодной конференции в Колумбийском университете (США) в апреле 2009 г., где некоторые представители зарубежных адыгских

диаспор выдвинули предложение сформировать правительство Черкесии в изгнании, с представительством в штаб-квартире ЕС, а также в США и Турции.

Решение Международного Олимпийского комитета (МОК) о проведении Олимпиады 2014 в Сочи стало очередным поводом для нападок на Российскую Федерацию. Так, в марте 2010 г. уже упоминавшийся «Джеймстаунский фонд» обратился в МОК с просьбой не проводить Олимпиаду в Сочи, мотивируя это тем, что они считают неправильным проводить игры на месте трагических событий Кавказской войны XIX века. По данным АИФ, уже организована специальная группа под названием «No Sochi 2014», объединившая ряд черкесских общественных организаций, которая и обратилась в МОК с просьбой перенести игры.

Бывший посол США в НАТО Курт Волкер в статье, опубликованной 25 мая 2010 года в газете The Washington Post, прямо заявил, что Олимпийские игры 2014 года в Сочи может бойкотировать большинство западных стран. По его мнению, присутствие на играх властей Абхазии и Южной Осетии, которые «намерены позиционировать себя наравне с лидерами других стран, делает Олимпиаду политически спорным мероприятием».

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что главным вдохновителем бойкота Олимпийских игр на региональном уровне выступает Грузия, пользующаяся поддержкой отдельных американских политиков, фондов и НПО, а также некоторых государств Восточной Европы, идущих в фарватере внешней политики США. Так, уже в конце 2009 года в грузинском парламенте была создана специальная группа, в задачу которой входит планирование и организация акций, направленных на дискредитацию России как страны проведения зимней Олимпиады. При этом грузинский режим и его западные покровители пытаются раскрутить тему «геноцида черкесов» в ходе Кавказской войны, а заодно скомпрометировать внешнюю политику России в отношении Абхазии и Южной Осетии, которые настойчиво именуются «оккупированными территориями». Так, например, 21 марта 2010 г. в Тбилиси на конференции «Сокрытые нации, длящиеся преступления: черкесы и народы Северного Кавказа между прошлым и будущим», которая была организована все тем же американским «Джеймстаунским фондом»

вкупе с «Международной школой изучения Кавказа» при Тбилисском государственном университете, ее участниками была принята резолюция, которая направлена в парламент Грузии с просьбой признать геноцид черкесского народа Российской империей в XIX веке. Отсюда по грузинской логике следует, что следует отказаться от проведения Олимпийских игр на территории, население которой подверглось пресловутому геноциду.

Следует иметь в виду, что провокационные действия Грузии и поддерживающих ее сил противоречат решениям Международного Олимпийского Комитета (МОК) о «Поощрении и укреплении культуры, основанной на духе олимпийского перемирия». Времена «холодной войны», когда спорт использовался в качестве инструмента давления на ту или иную из противоборствовавших сторон, завершились почти два десятилетия назад. Именно в целях защиты олимпийского движения от рецидивов прошлого в Олимпийскую Хартию были внесены статьи об обязанности национальных олимпийских комитетов участвовать в играх. Страну, объявившую бойкот Олимпиады, ждут серьезные санкции – вплоть до исключения из международного движения.

С точки зрения этического кодекса МОК, Грузию вряд ли можно отнести к государствам, придерживающимся гуманитарно-морального характера олимпийских ценностей. Более того, Грузия – единственная стремящаяся в объединенную Европу страна, уже использовавшая Олимпийские игры для прикрытия своих агрессивных действий. Речь идет о том, что именно в день открытия Олимпиады в Пекине 8 августа 2008 года грузинские агрессоры начали наступление на Цхинвал и планировали нападение на Абхазию. Таким образом, был цинично нарушен Устав ООН, тем более что в преддверии пекинской Олимпиады Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, призывающую к повсеместному прекращению боевых действий на время проведения Олимпийских игр.

Однако и в настоящее время режим Саакашвили не желает признавать новые реалии в кавказском макрорегионе, в Грузии фиксируется процесс ремилитаризации, что свидетельствует о том, что официальный Тбилиси не отказался от планов восстановления своей «территориальной целостности» силовым путем, что, разумеется, не может быть принято Абхазией, Южной Осетией и Россией.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что Олимпиада в Сочи очень важна для всех кавказских государств и народов, в том числе и для грузин. По мнению большинства экспертов, она окажет положительное воздействие на социально-экономическую ситуацию в регионе, создаст новые рабочие места, а также стимулирует туристический и оздоровительно-рекреационный сектор. Руководство Грузии, выступая против проведения Олимпиады в Сочи, преследует свои конъюнктурные политические цели, не отвечающие интересам международного, а, тем более, регионального сообщества. Поддержка грузинской инициативы по бойкоту Олимпийских игр может повлечь за собой новое осложнение ситуации на Кавказе, внести раскол в международную спортивную деятельность, подвергнуть риску отношения с Российской Федерацией.

Вот почему научное сообщество России и Абхазии, других дружественных государств не должно абстрагироваться от проводимой geopolитическими противниками акций информационной войны, заняв соответствующую реальным и многоплановым интересам наших стран активную позицию. Кавказская война – это часть нашей совместной истории, и мы не в силах ее изменить. Однако мы можем и должны думать о будущем. Безусловно, собственную историю не следует забывать, ее надо учитывать, не допуская повторения трагических страниц. Однако и политизировать ее в нынешних условиях, перенося ответственность за произошедшее полтора века назад на нынешние поколения, также не стоит, поскольку это будет означать только одно: капитуляцию перед недругами России и Абхазии.

*Р. Ф. Патеев
(Ростов-на-Дону)*

ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ МУСУЛЬМАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Представители ислама в России являются конфессиональным меньшинством, соотносящим себя как с российским сообществом, так и с мировой мусульманской уммой. Ислам проявляется себя как одна из наиболее динамично распространяющихся религиозных доктрин во всем мире. После крушения биполярной системы именно с исламом в его особой фундаменталистской интерпретации связано обострение многих политических конфликтов как в России, так и на всей мировой арене. Тенденция политизации и радикализации ислама проявила себя и на Северном Кавказе. Очевидную роль в данном процессе сыграли фундаменталистские проповедники из дальнего зарубежья т. н. «ваххабиты». Это стало возможным, в том числе, благодаря религиозной безграмотности населения, которая способствовала восприятию чуждых экстремистских идей под видом ислама. Кроме этого, на распространение подобных идей повлияла неспособность традиционного мусульманского духовенства в России что-либо противопоставить экстремистской пропаганде.

Многие мусульманские страны, а также неправительственные организации стараются использовать сложившееся положение для реализации собственных интересов. Они пытаются продуцировать рычаги воздействия на общины единоверцев за рубежом и тем самым вмешиваются во внутриполитические процессы в других государствах. Важную роль в этом играют институты религиозного образования, поскольку они выступают как механизмы культивации ценностно-идеологических ориентиров общества. Следует также отметить, что формирование глобального информационного общества, способствующего распространению любых, в том числе и радикальных идей, также является одним из факторов, создающих реальные механизмы внешнего воздействия. Совокупность данных проблем ставит на повестку дня проблему развития системы отечественного мусульманского образования. Будучи основанной на установках тра-

диционного ислама, распространенного на Северном Кавказе, она смогла бы перехватить инициативу у радикалов и эффективно способствовать противодействию экстремизму.

Значительную роль в формировании современной системы мусульманского образования на Северном Кавказе сыграли зарубежные миссионеры. Однако, фундаменталистская модель исламского образования носила привнесенный характер. Она служила системой культивации ценностно-идеологических ориентиров, которые легитимизировали политическую практику националистических и сепаратистских движений. В частности, с 1989 по 1997 гг. под руководством известного дагестанского фундаменталистского проповедника Багаутдина Кебедова в Кизилюрте функционировало медресе. В нем обучалось до 700 студентов ежегодно, а действовало учебное заведение при поддержке «благотворительных» фондов стран Персидского залива и арабских проповедников. В селе Первомайском был открыт известный издательский центр «Сатланда», который тиражировал большое количество фундаменталистской литературы, которая расходилась не только по Северному Кавказу, но и по всем регионам России¹.

На деньги экстремистских организаций в Чечне с 1996 года также была развернута сеть лагерей – «медресе». Под руководством арабского наемника Хаттаба в Сержен-Юрте был создан «учебный центр», который состоял из пяти лагерей. «Курсанты» изучали арабский язык, шариат и военное дело: тактику партизанской войны, подрывное дело и т.д.².

Ведение миссионерской пропаганды на фоне религиозного возрождения различными зарубежными проповедниками, постепенно привело к фундаментализации ислама на Северном Кавказе. В данном процессе значительную роль также начали играть лица, получившие религиозное образование за рубежом. По мнению многих верующих мусульман России, истинные религиозные знания сохранились только в мусульманских странах. Поэтому выпускники данных учебных заведений традиционно пользуются значительным авторитетом и влиянием на прихожан. По некоторым данным, к 1997 г. более 800 молодых мусульман обучались за рубежом. При этом только из Дагестана выехало около 400 человек. Однако дан-

ные цифры во многом остаются приблизительными, поскольку значительная часть лиц выезжает за рубеж самостоятельно³.

Точное число российских мусульман, получающих и получавших религиозное образование в зарубежных образовательных учреждениях, сегодня подсчитать фактически невозможно. По некоторым данным в египетском университете «Аль-Азхар» на 2004 г. обучалось около 600 человек из России⁴. Всего же по отдельным оценкам, высказанным Министерством юстиции РФ, за границу для получения религиозного образования выехало около полутора тысяч российских мусульман «по грантам и стипендиям иностранных исламских центров»⁵.

По договоренности с представителями мусульманских стран значительное содействие выезду на обучение в Турцию, Сирию, Египет, Иорданию, Саудовскую Аравию и т.д. оказывали местные духовные управления мусульман (ДУМ). При этом большую часть расходов брали на себя различные зарубежные спонсоры. Часть российских мусульман, в основном выезжавшая без согласования и направления ДУМов, как правило, попадала под влияние различных радикалов и, возвращаясь, пополняла формирующуюся подполье т.н. «ваххабитов». Это повлияло на руководителей муфтиятов, часть из которых в дальнейшем отказалась от практики направления молодежи для обучения за рубеж в страны Ближнего и Среднего Востока. В одном из интервью Председатель ДУМ Дагестана Ахмад-Хаджи Абдуллаев отметил, что за два года его работы по направлению ДУМ за границу было отправлено около 30 человек, получивших начальное религиозное образование у себя на родине. При этом он отметил: «Я не сторонник отправлять наших детей за рубеж, наоборот, я говорю, что у нас в республике есть достойные алимы, и основам ислама надо обучаться здесь»⁶.

Неподконтрольный выезд российских мусульман за границу с целью получения религиозного образования, как правило, приводит к тому, что многие из них попадают под влияние различных неправительственных фундаменталистских группировок. Наличие договоренностей между ДУМами и зарубежными образовательными центрами обеспечивает финансирование образования, т. е. оплачиваются дорожные расходы, проживание, студентам выплачивается стипендия и т. д. Однако самостоятельный выезд за рубеж

приводит к тому, что обучающиеся студенты, как правило, не имеют средств для проживания и обучения. Решать проблемы данных студентов берутся различные исламские фонды, которые имеют свои представительства при многих учебных заведениях. Многие из них связаны со странами Персидского залива, поскольку именно данные государства могут обеспечить щедрое финансирование. Данные «благотворительные» фонды помогают приехавшим студентам решить проблемы с жильем, выплачивают стипендии, обеспечивают студентов «соответствующей» литературой. Естественно данное внимание имеет свои последствия: студенты обучаются по отдельным учебным программам, ходят на лекции тех шейхов, на которых укажут «спонсоры». Все это приводит к тому, что многие вернувшиеся после обучения из-за границы российские мусульмане придерживаются не только радикальных взглядов, но и продолжают поддерживать связь с исламскими «благотворительными» организациями. Кроме того, многие из них, благодаря своим связям, способствуют направлению на обучение за границу новых студентов. Некоторые возвратившиеся молодые люди, кроме того, частично сумели кооптироваться в среду российского мусульманского духовенства.

События начала 90-х гг. серьезно повлияли на взаимоотношения в среде мусульманского духовенства, в связи с усилением влияния новой прослойки молодых имамов. Отношение между ними и традиционным духовенством обострилось. О возросшем соперничестве между традиционными лидерами мусульманского сообщества России и лицами, вернувшимися после обучения в зарубежных исламских центрах, стали говорить и официальные лица. Так, бывший глава ФСБ России Н. Патрушев в одном из интервью отметил, что проблеме обоснования терроризма религиозными догмами придает актуальность «происходящая в настоящее время в среде мусульманского духовенства смена поколений, в ходе которой к руководству исламскими общинами пытаются прийти прошедшие соответствующее обучение за рубежом антirоссийски настроенные радикальные лица»⁷.

На сегодняшний день низкий уровень образования (как светского, так и религиозного) у традиционного мусульманского духовенства не дает возможности серьезного противодействия ради-

калом и экстремистам. По словам председателя ДУМ Кабардино-Балкарии А. Пшихачева: «сейчас доморощенный сельский мулла, не имеющий специального образования и ограничивающий свою работу отправлением поминальных обрядов, не может «дать отпор» пропагандистам экстремизма»⁸.

Вариантом решения данной проблемы может стать модернизация религиозного образования и придание ему просветительского характера. Это сможет способствовать созданию прослойки мусульманского духовенства, которая будет эффективно противодействовать экстремистской идеологии. Кроме того, мусульманскому духовенству необходимо участвовать в формировании нового религиозного сознания, способного адекватно реагировать на новые вызовы и угрозы современного мира, а также создать предпосылки дальнейшей модернизации северокавказских сообществ. Все это возможно только при условии существования адекватной системы отечественного мусульманского образования.

Тем не менее, отечественное мусульманское образование формировалось и продолжает развиваться в основном в рамках существующих религиозных институтов. В большей степени наблюдается возрождение традиционной системы исламского образования. Складывающаяся традиционная модель характеризуется аморфной системой образования, отсутствием единых учебных и методических планов, условностью ступеней образования, отсутствием в программах светских предметов и т.д. Данные проблемы наиболее характерны для системы мусульманского образования, формировавшейся на Северном Кавказе.

Поэтому уровень образования в исламских вузах Северного Кавказа остается относительно невысоким, а их выпускники уступают по уровню своих знаний более удачливым сверстникам, обучавшимся в зарубежных исламских центрах. По словам А. Ярлыкапова, понятие «вуз» для такого рода учебных заведений не соответствует действительности, а уровень образования в них в основном остается на уровне медресе. Такие институты в начале 90-х XX в. были созданы в Нальчике, Грозном, в станице Ордженихидзевской (Ингушетия) и т.д. Однако традиционное лидерство по числу исламских образовательных центров остается за Дагестаном. До недавнего времени наиболее авторитетным вузом счи-

тались Исламский университет им. Сайфуллы Кади в Буйнакске и Кизилюртовский исламский институт, которые готовили кадры для ДУМ Дагестана. С 2004 г. в Махачкале стал действовать Северо-Кавказский исламский университет⁹.

Однако, несмотря на явную необходимость, до недавнего времени четкая концепция развития мусульманского образования в рамках традиционных исламских институтов России отсутствовала. Попытки развития концепции мусульманского образования в нашей стране до этого неоднократно исходили от представителей государственных структур и, в частности, от советника полномочного представителя Президента в ПФО С.Градировского в рамках проекта «Русский ислам»¹⁰.

Министерство юстиции РФ в 2004 г. заявляло об «оказании правовой и методической помощи в государственной регистрации исламских образовательных учреждений духовных управлений мусульман России». Изучив данный вопрос, в министерстве пришли к выводу, что он «является чрезвычайно актуальным», т.к. «религиозное образование является на сегодняшний день неразвитым, отсутствует сеть образовательных учреждений по подготовке исламского духовенства, слаба методическая и организационная база». При этом было отмечено, что проверка показала, что из «130 исламских духовных образовательных учреждений (школы, колледжи, медресе, институты)», «около 70% духовных образовательных учреждений осуществляют свою деятельность без получения лицензии». Кроме этого немаловажным «является вопрос о порядке привлечения иностранных граждан для чтения лекций и другой профессиональной деятельности в духовных образовательных учреждениях»¹¹.

В 2006 г. на встрече с членами Координационного центра мусульман Северного Кавказа полномочный представитель президента РФ в Южном федеральном округе поддержал предложение мусульманских лидеров о формировании отечественных исламских образовательных центров. На Северном Кавказе их было создано два:

- для последователей шафиитского мазхаба – на базе Северо-Кавказского университета им. Мухаммада Арипа, расположенного в Махачкале;

- для последователей ханафитского мазхаба – на базе Исламского института в г. Нальчике.

Были подготовлены учебные программы центров, началось создание материально-технической базы. Финансирование проекта осуществлялось из средств федерального «Фонда поддержки исламской культуры и образования». В 2007 году была начата реализация проекта создания системы мусульманского религиозного образования и организационно-кадрового обеспечения мусульманского духовенства России. Основная цель проекта: «Разработать и осуществить меры по поддержке лояльных государству мусульманских религиозных общин (мечетей) в укреплении их имущественного и финансового положений для организации противодействия радикальным элементам».

Распоряжением Правительства Российской Федерации был утвержден «План мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама в 2007–2010 годах»¹². Среди задач проекта значилось выстраивание при государственной поддержке и координации системной и комплексной структуры исламского образования, в которой будут интегрированы как религиозное, так и светское образования. Кроме того, исламские вузы получали право проходить государственную аккредитацию и лицензирование, и реализовывать некоторые светские государственные образовательные стандарты¹³.

На базе Северо-Кавказского университета им. Мухаммада Арипа был создан Северо-Кавказский университетский центр исламского образования и науки. В соответствии с программой новый исламский образовательный центр взаимодействует с Северо-Кавказским государственным техническим университетом (Ставрополь). На базе Исламского института в г. Нальчике был создан Северо-Кавказский исламский университет имени имама Абу Ханифы. Первоначально, новый исламский вуз взаимодействовал с Кубанским государственным университетом. Однако в 2008 г., КГУ был заменен на Пятигорский государственный лингвистический университет (ПГЛУ)¹⁴.

Поэтому нынешнее развитие российской модели мусульманского образования проходит при совместной работе органов государственной власти, официального мусульманского духовенства

и научного сообщества. Однако дальнейшее развитие системы мусульманского образования связано с некоторыми объективными проблемами. Во-первых, – это наличие дезинтегрированных мусульманских официальных институтов – духовных управлений, лидеры которых занимают различные, порой диаметрально-противоположные позиции, в том числе, и по вопросам религиозного образования. Во-вторых, проблема модернизации системы исламского образования связана со скепсисом самого духовенства в отношении светского и научного знания. В-третьих, острым вопросом остается правовое регулирование деятельности мусульманских образовательных учреждений: взаимодействие государства и религиозных институтов требует четкой правовой проработки, в связи с основополагающим конституционным принципом отделения государства от церкви.

Следует отметить, что отдельные исламские вузы в России так и не смогли получить аккредитацию и лицензию на право ведения образовательной деятельности. Некоторые из них начали испытывать проблемы с набором желающих получить исламское образование. Кроме того, началась сказываться проблема большого количества выпускников мусульманских учебных заведений. При различном уровне светского образования их религиозных знаний вполне достаточно для преподавания культовой практики ислама простому населению. Однако не многим из них удалось кооптироваться в среду официального исламского духовенства¹⁵.

Роль «молодого» духовенства, которое получало образование за рубежом и в открывавшихся мусульманских образовательных учреждениях, постепенно будет возрастать. Сегодня осуществляются эксперименты по введению религиозного компонента в систему среднего образования с целью духовно-нравственного воспитания будущих поколений. Однако сама возможность допуска духовенства в образовательную сферу светских учебных заведений в перспективе может служить основой для усиления влияния клерикальных кругов на школу. Этот вопрос требует дальнейшего изучения и более детальной проработки.

Примечания

¹ Курбанов Х.Т. Религиозно-политический экстремизм на Северо-Восточном Кавказе. – Ростов-на-Дону, 2006 г. – С. 69-70.

² Бережной С.Е., Добаев И.П., Крайнюченко П.В. Ислам и исламизм на Юге России. – Ростов-на-Дону, 2002. – С.108-109.

³ Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. – М., 1998. – С. 79 – 80.

⁴ В университете аль-Азхар начались экзамены http://nurlat.kazan.ws/cgi-bin/guide.pl?id_org=78&action=fullnews&id_news=3563

⁵ «Об участии Министерства юстиции Российской Федерации в оказании правовой и методической помощи в государственной регистрации исламских образовательных учреждений духовных управлений мусульман России» <http://www.state-religion.ru/cgi-bin/cms/show.cgi?in=104042016271973&id=204042414225088>

⁶ В целях распространения ислама. Интервью муфтия А.-Х. Абдуллаева http://assalam.dgu.ru/html5/a5_9.html

⁷ Глава ФСБ России – за предоставление всемерной помощи духовным управлениям мусульман (<http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=7717>).

⁸ Цит. по: Ханбабаев К.М. Ислам и проблема обеспечения национальной безопасности в Южном федеральном округе // Евразийский проект: Кавказский вектор. – Ростов-на-Дону, 2005. – С. 109.

⁹ Ярлыкапов А. Проблема возрождения исламского образования на Северном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. 2003, № 1. – С. 192.

¹⁰ См.: Архангельская Н. Русский ислам // Эксперт. 2003, №6.

¹¹ «Об участии Министерства юстиции Российской Федерации в оказании правовой и методической помощи в государственной регистрации исламских образовательных учреждений духовных управлений мусульман России» <http://www.state-religion.ru/cgi-bin/cms/show.cgi?in=104042016271973&id=204042414225088>

¹² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.06.2007 N 775-р

¹³ Следует отметить, что сам проект пробудил неоднозначную реакцию и вызвал отдельную критику. См.: Понкин И.В. О содержании, направленности и последствиях реализации Плана мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углубленным

знанием истории и культуры ислама в 2007–2010 годах. Аналитическая записка.

¹⁴ Добаев И.П. Мусульманское образование в России: состояние, проблемы и перспективы на Северном Кавказе http://www.perspektiviy.info/rus/gos/_musulmanskoe_razvitiye_v_rossii_isostoyanie_problemy_i_perspektivy_na_severnom_kavkaze_2008-5-4-35-44.htm

¹⁵ Более подробно данная проблема рассмотрена на примере Республики Дагестан. См.: Патеев Р.Ф. Россия: проблемы кооптации выпускников исламских вузов в официальное мусульманское духовенство (на примере Дагестана) // Кавказ & Глобализация. Том 2. Вып 3, 2008.

*Л.Т. Соловьева
(Москва)*

АБХАЗСКИЕ И ИНЫЕ КАВКАЗСКИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В НАСЛЕДИИ АКАДЕМИКА С.Н. ДЖАНАШИА

Выбор данной темы для доклада был обусловлен несколькими причинами. Симон Николаевич Джанашия был научным руководителем Зураба Вианоровича Анчабадзе, 90-летнему юбилею которого посвящена эта юбилейная научная конференция, поэтому, как представляется, вполне уместно, чтобы на данном форуме прозвучало и его имя. С.Н. Джанашия, как и его предки, на протяжении всей своей жизни был связан с Абхазией самыми тесными узами. Для творчества ученого был характерен значительный интерес к данным этнографии, которые он нередко использовал в своих научных изысканиях. Причем С.Н. Джанашия не только использовал этнографические данные других авторов, но и сам собирал «в поле» и записывал этнографические материалы. Наиболее обширные этнографические записи С.Н. Джанашия посвящены абхазам и адыгским народам Северного Кавказа – абазинам, адыгейцам, кабардинцам, шапсугам. Кроме того, имеются также материалы по чеченцам и некоторым дагестанским народам – даргинцам, аварцам, лакцам; они охватывают значительно меньший круг вопросов, но тем не менее содержат весьма интересные наблюдения и факты. Несомненно, что эти этнографические материалы представляют огромную ценность как первоисточник, поскольку они собирались в далекие 1920-е годы. Они были изданы еще в 1968 г. в четвертом томе «Трудов» С.Н. Джанашии [1], но, к сожалению, судя по отсутствию ссылок на эти материалы в кавказоведческих исследованиях, этнографы к ним не обращались. Поэтому одна из целей доклада – привлечь внимание этнографов к этому интереснейшему источнику, особенно учитывая то обстоятельство, что существенная часть полевых записей С.Н. Джанашии «Черкесские дневники» недавно издана в переводе на русский язык [2] и стала доступна более широкому кругу специалистов. Следует отметить, что перевод этих материалов на русский язык осуществлен

лингвистами-кавказоведами, прекрасно знакомыми с этим материалом, – дочерью С.Н. Джанашиа, Руслан Симоновной Джанашиа и Тамарой Уджуху.

Известному грузинскому историку, академику Симону Николаевичу Джанашиа (1900–1947) в 2010 г. исполнилось 110 лет со дня рождения. Крупнейший специалист по истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока, С.Н. Джанашиа, стоявший у истоков создания Академии наук Грузии, был одним из первых выпускников Тбилисского государственного университета, основанного в 1918 г. И.А. Джавахишвили. Для выпускников ТГУ, питомцев исторической кавказоведческой школы И.А. Джавахишвили (в их числе наряду с С.Н. Джанашиа такие видные кавказоведы, как А. Чикобава, В. Топуриа, Г. Рогава, К. Ломтадзе и др.), был характерен активный интерес ко всему Кавказскому региону в целом. Этот интерес был обусловлен убежденностью в том, что история грузинского народа всегда была тесно связана с историей и культурой народов Кавказа, и наиболее объективное исследование проблем грузинской истории, культуры, языка возможно лишь при учете данных по соседним народам.

Особенно близким регионом Кавказа была для С.Н. Джанашиа Абхазия, с которой его связывали родственные и дружеские связи. Предки С.Н. Джанашиа – его дед Симон вместе с родственниками – в середине XIX в. переселились из Мартвильского района в селение Адзюбжа Очамчырского района во владения Кычина (в крещении Александра) Маргания. Отец С.Н. Джанашиа, Н.С. Джанашиа (впоследствии автор известных этнографических работ, посвященных абхазским традициям и обычаям), после окончания школы в Сухуме вместе с Димитрием Гулиа, будущим основоположником абхазской литературы, отправился учиться в Гори. В 1910 г. он возвращается в Абхазию. С.Н. Джанашиа закончил Сухумское реальное училище и стал студентом Тбилисского университета, где с 1926 г. преподавал курс абхазского языка (в 1924–1926 гг. абхазский язык преподавал Д. Гулиа). С.Н. Джанашиа до конца жизни

не порывал связей с Абхазией. Например, он был редактором перевода «Витязя в тигровой шкуре», который сделал Д. Гулиа. С.Н. Джанашия всегда старался помочь способной молодежи. В 1940 г., будучи на сессии в Сухуми, он «приметил» вступившего с ним в дискуссию талантливого студента: им оказался будущий видный историк Зураб Анчабадзе [3: 68–71].

Перейдем к характеристике записей абхазского материала, помещенного в разделе «Этнография» [1: 158–252], который состоит из двух частей: «Аамсташара – воспитанность» (буквально: дворянское поведение, степенность) и «Абхазская народная словесность» (сказки, пословицы, загадки). Эти записи С.Н. Джанашия делал будучи еще совсем молодым, в 1921 г. в Абжуйском районе.

В первой части представлены сведения о том, как полагается приветствовать того или иного человека в той или иной ситуации, а также, что следует говорить при расставании. Вначале С.Н. Джанашия дает общую оценку данному явлению: «Абхазское приветствие и его различные формы – сложная и многообразная часть и так самого по себе своеобразного обширного кодекса абхазской воспитанности и вежливости, который своей сложностью и жесткой неумолимостью напоминает наблюдателю знаменитые «китайские церемонии». Абхаз для каждого отдельного случая употребляет соответствующую форму приветствия и их смешение друг с другом совершенно недопустимо. Четко определено для каждого случая также и то обстоятельство, кому надлежит или кому полагается первым приветствовать или расспрашивать. Определены вместе с тем соответствующие обязательства и права, связанные с гендерными различиями» [1: 158]. Сообщается и о роли фактора старшинства: «младший всегда первым произносит приветствие старшему, зато неизбежные связанные с приветствием вопросы (о состоянии здоровья) полагается задавать старшим младшему ...» [1: 158]. Отмечая, что первенство в данных обстоятельствах всегда отдается более старшему, или более знатному, или более богатому и влиятельному, С.Н. Джанашия пишет, что вне этой иерархии стоят взаимоотношения мужчины и женщины: «ни одна женщина не имеет права первой приветствовать мужчину» [1: 158].

Приводятся примеры абхазских приветствий утром, в полдень, вечером («Доброе утро!», «Добрый день!», «Добрый вечер!»), а

также варианты приветствий, обращенных к одному человеку или нескольким людям, и полагающиеся в этом случае ответы. Тут же С.Н. Джанашия сообщает интересную деталь: женщины, по его утверждению, не только не произносят эти приветствия первыми при встрече с мужчинами (они только отвечают на приветствия мужчин), но и *никогда их не произносят*, даже при встрече с другими женщинами. Незнакомые женщины проходят мимо друг друга молча, если же они знакомы, то обнимаются и начинают разговаривать, интересуются делами друг друга [1: 159].

Из особых случаев приводятся примеры приветствия гостя, приветствия во время различных трудовых процессов (при работе мотыгой, топором и т.п.), тому, кто везет на арбе груз или едет порожняком, тем, кто ломает кукурузу, пастуху, при поиске пропавшей скотины, во время дойки. Фиксируя приветствие человека, взбравшемуся на дерево для сбора винограда, С.Н. Джанашия приводит аналогичную формулу, известную грузинам Гурии. Отмечены даже особые взаимные приветствия, которыми полагается обменяться, если кто-то в пути отстал по какой-то причине и приятели его ожидались [1: 160].

В отдельный параграф выделены формулы «прощальных приветствий»: когда уходит гость (в разное время суток), перед сном, уходящей навестить своих родных невестке. Здесь же сообщается, как полагается приветствовать новорожденного и что говорит при поздравлении ровесник новобрачного, а также в каких ситуациях никакие приветствия произносить не полагается (например, там, где копают могилу) [1: 161].

Молодой исследователь обращал внимание и на перемены, происходившие в быту абхазов в начале XX в.: так, он отметил, что в обиход стало входить рукопожатие, которого «прежде совершиенно не знали, так же как и поцелуев в губы», а теперь «мужчины иногда целуются (родственники после долгой разлуки или на Пасху)». Женщина, по наблюдениям С.Н. Джанашии, никогда не поцелует мужчину в губы, насколько бы близким родственником он ни был. По его наблюдениям, поцелуй не были приняты и при общении женщин: они не целуют друг друга, и «единственная принятая форма для этого случая – обняв, поцеловать в плечо (слева)» [1: 159].

Имеется небольшой список табуированных слов: вместо слова «змей» абхазы говорили «низовая», «с плохим именем»; вместо Дзыдзлан (Али) – «находящаяся в воде», «большегрудая». Не полагалось также называть настоящими именами клопа, блоху (ее называли «черная»; иначе, как считалось, эти насекомые будут сильно размножаться), оспу, сибирскую язву [1: 161–162].

В материалах С.Н. Джанашии представлены также сведения о том, как невестка называла родственников мужа, при этом важно, что приводятся редко упоминаемые в литературе детали: различия, имевшиеся в этом вопросе в крестьянской среде и у князей и дворян [1: 162].

Представляют интерес для этнографа также отдельные примеры и поверья абхазов (например: «Когда умирает воспитанник (это самое большое несчастье), бьют по голове плетью или чувяками умершего»), текст заговора, который произносили, если скот не возвращался ночью из леса и т.д. [1: 162–163].

Безусловно, привлекут внимание специалистов и многочисленные термины из области социальной и хозяйственной жизни абхазов, которые записаны С.Н. Джанашии; они затрагивают следующие темы: родство, детали сохи и арбы, устройство и инвентарь винного погреба и амацурты, явления природы, названия деревьев и кустарников, орудия труда, ткачество [1: 164–171].

Опубликованные в четвертом томе «Трудов» образцы народного творчества абхазов – сказки, пословицы, загадки – были записаны С.Н. Джанашии летом 1921 г. в селении Адзюбжа; указаны имена и фамилии информантов.

Большинство этих текстов записано по-абхазски (переведены на грузинский язык только пословицы и загадки). Известный языковед К. Ломтадзе высоко оценивала значение этих записей и отмечала в 1968 г. в «Предисловии» к 4-му тому, что «здесь впервые приведены в таком большом объеме научно зафиксированные (почти полвека назад) тексты абжуйского материала» [2: 153].

Несомненно, было бы важным делом осуществить перевод этих текстов, чтобы расширить круг специалистов, которые могли бы обращаться к этому замечательному источнику.

«Черкесские дневники» С.Н. Джанашиа представляют собой записи разнообразных материалов лингвистического, этнографического, исторического характера, которые молодой грузинский исследователь собирал и тщательно фиксировал во время своих поездок в 1929 г. по Адыгейской автономной области, Шапсугскому району Краснодарского края и Кабардино-Балкарии, а также во время своего пребывания в г. Краснодаре.

В отчете о поездке С.Н. Джанашиа писал: «Целью этой командировки было собрать на месте и перепроверить материалы из языковой и этнографической действительности черкесских племен, потребность в которых возникла при работе над вопросами истории Грузии. Вместе с тем, в процессе исследования абхазского языка, нас интересовали грамматические свойства черкесского языка» [2, с. 5]. Следует напомнить, что в 1920-е годы эти вопросы оставались еще малоизученными.

Первоначально С.Н. Джанашиа планировал посетить также Черкесскую автономную область (с центром в г. Баталпашинск, как тогда назывался Черкесск), поскольку этот регион был интересен для него как «основная территория распространения беслененевского наречия (это переходная ступень между кяхским и кабардинским) и абазинского языка» [2, с. 8]. Но от поездки в этот район пришлось отказаться из-за недостаточного финансирования.

С 25 апреля до середины мая С.Н. Джанашиа работал в Краснодаре и у кубанских шапсугов в ауле Афипсип. Пребывание в Краснодаре было очень плодотворным, поскольку здесь С.Н. Джанашиа мог работать со студентами педагогического техникума, приехавшими в краевой центр из разных населенных пунктов, а также с представителями местной интеллигенции. Как он отмечал, «у меня была возможность познакомиться с представителями всех племен и в то же самое время я мог найти надежных переводчиков» [2, с. 8]. Затем он посетил аулы Тлюстенхабль, Джамбечи, Уляп, Хакуриногабль, Мамхег и др. Этнографические материалы «Черкесских дневников» касаются не только тех населенных пунктов, где исследователь побывал лично. В Краснодаре он нашел информантов и из тех аулов (Ассоколай, Адамий, Егерукай и др.), куда он не успел добраться.

В конце мая С.Н. Джанашия побывал у черноморских шапсугов, и оттуда через Абхазию вернулся в Тбилиси. В конце июля – в августе он совершил поездку в Кабардино-Балкарию, в том числе посетил и сел. Нартан, где познакомился с Бек-Мурзой Пачевым, народным поэтом и просветителем, который самостоятельно изучил арабский язык и на основе арабской письменности создавал кабардинскую азбуку. Таковы маршруты поездок грузинского исследователя в 1929 г., научные результаты которых содержатся в дневниковых записях, которые, к сожалению, ему не удалось должным образом обработать. По сути это лишь черновики возможных научных работ. Тем не менее и в таком виде они представляют огромный интерес для кавказоведов.

С.Н. Джанашия большое внимание уделял лингвистическим изысканиям, результаты которых также очень важны для этнографов, поскольку исследователь записывал термины из самых разных областей быта: названия дней недели и месяцев, местных блюд, предметов одежды, танцев, музыкальных инструментов, жилищ и различных строений, божеств и т.п. Например, в ауле Уляп С.Н. Джанашия зафиксировал, что Тифлис здесь называют *Курдже*, а для обозначения жителей Грузии пользуются русским словом *грузин* [2, с. 123], в Тлюстенхабле – что в беседе с русскими черкесы для обозначения «женщины» применяют слово «марушка» (искаженное «Маруська») [2, с. 100].

Практически у всех информантов исследователь старался записать следующие сведения: представители каких племен живут в данном ауле (бжедуги, темиргоецы, абадзехи и т.д.); известные в данном населенном пункте фамилии, женские и мужские имена; происхождение названия аула и его кварталов; топонимы (названия рек, ущелий, гор, лесов, урочищ и т.д.) и т.п. Кроме этого, в дневниках имеются материалы, которые освещают практически все стороны жизни сельского сообщества адыгов: расположение селений и устройство жилищ, особенности семейного быта, положение женщин, религиозные представления, обряды, приготовление пищи, нормы гостеприимства, особенности этикета и многое другое.

Немалый интерес у С.Н. Джанашия вызывали языковые проблемы в адыгской среде: взаимоотношение диалектов, степень их сохранности в том или ином селении и т.д. Но он фиксирует не

только сухие научные наблюдения, но и живое восприятие населением этих языковых процессов, отношение народа к тому, что один язык (или диалект) в силу пусть даже объективных причин сменяется другим. Так, побывав в ауле Уляп, он отмечает: «Некоторыми из присутствующих абазин язык уже позабыт. Мой приход сильно взволновал их, скорбят о родном языке. Один говорит: если бы можно было купить язык, я бы много заплатил за родной язык» [2, с. 119]. Узнав от С.Н. Джанашии, как по-абхазски слово «кукуруза», местные абазины (абазинский язык близок абхазскому) «страшно обрадовались»: «У нас, говорят, с бесленеями всегда спор, чей язык лучше». Автор так объясняет причину их радости: «Бесленеи, как видно, выигрывали у них тем, что у абазин нет названия кукурузы» [2, с. 113].

Особая ценность дневников в том, что в записях детально фиксируется то, что С.Н. Джанашии наблюдал сам. Так, он описывает увиденный им в ауле Мамхег обряд *чапши* (обычно он проводился около раненого или больного): «Чапш был устроен для одной старухи, которая не то сломала, не то что-то повредила себе. Когда мы пошли, был уже двенадцатый час ночи. Народу было много, около 70–80 человек: взрослые и молодые, женщины и мужчины. Девушки и юноши танцевали в кругу. Играли одна гармонь и несколько кастаньет... Женщины (видно, только те, что были на выданье) стояли на ногах, некоторые юноши сидели на земле... Нас представили старцам и указали на почетные места» [2, с. 129].

Значительную часть этнографических материалов составляют данные о религиозных представлениях адыгов: это и описания «лесного получеловека», у которого на груди выступ из рога в виде топора, и живущего в воде сверхъестественного существа, которое имеет одну ноздрю и утиные лапы вместо ног, названия «ведьм с хвостами», черных и белых чертей. С.Н. Джанашии приводит легенду о первом кузнеце Тлепше (это был первый кузнец на свете, ковал рукой, кулаком; его невестка показала ему знаками, чтобы он сделал молоток и клещи; после этого Тлепш не мог брать горячее железо, у него горели руки), записи обрядов вызывания дождя – как исполнявшихся до начала XX в., так и современных, в том числе Ханцгваш, сообщает о роднике около аула Уляп, возникшем после удара молнии, вода которого считалась в народе целебной;

о терминах для обозначения слова *крест* (*каш, джор*) [2, с. 63, 77, 76, 79, 103, 106].

Отметив, что в Афипсипе его принимал в своем доме человек по фамилии Шоуген, он пишет, что термин *шоуген* и теперь употребляют в этом ауле в значении «христианский священник», в Кабарде – в значении «знающий грамоту» [2, с. 70].

Молодой исследователь не оставил без внимания и знаменных своей красотой черкешенок. В ауле Афипсип, поскольку он интересовался, «насколько здесь сохранился тип женщины», его повели к соседям, чтобы показать местных красавиц. С.Н. Джанаша отмечает, что это «не вызвало никакого стеснения», поскольку незамужняя женщина «пользуется особыми привилегиями: она всегда может свободно принять гостя. Также любой юноша может прийти в гости к девушке. В деревне такие посещения, ухаживания, оказывается, совершенно обычное явление... Черкесских женщин (незамужних) вообще характеризует то, что они держатся свободно, смеются, шутят» [2, с. 85].

В записях С.Н. Джанаша немало данных по антропонимии адыгов и абазин; в частности, он отмечает обычай называть людей «по разным случайным явлениям» и приводит такие имена, как Япон, Кадет (дали во время правления кадетов в Кубанской обл.), Китай, Балшевик [2, с. 129].

Интересны сведения о материальной культуре адыгов – жилище и его внутреннем убранстве, одежде, прическах, повседневной и праздничной пище, сопровождающиеся порой неожиданными метко подмеченными деталями (земляной пол в гостевом доме разделен светлыми полосами на клетки; раньше газыри на черкеске пришивали очень высоко, чтобы гильзы можно было вырвать зубами и т.д.).

Наверное, было бы преувеличением назвать черкесские полевые дневники С.Н. Джанаша «энциклопедией» жизни черкесских селений конца 1920-х годов, но в своих записях молодой исследователь действительно смог охватить весьма широкий круг тем и вопросов; живые и непосредственные впечатления от увиденного создают ощущение, что ты не читаешь чьи-то записи, а сам наблюдаешь все происходящее. Причем отмечены не только «приметы старины»,

но и многочисленные изменения в сфере материальной и духовной культуры, происходившие в те годы в черкесских аулах.

Кратко остановлюсь на опубликованных в указанном томе материалах, записанных С.Н. Джанашиа среди чеченцев и некоторых народов Дагестана. По объему и широте охвата тем этот материал, безусловно, уступает абхазскому и черкесскому, но вместе с тем содержит немало интересных фактов и деталей, которые заслуживают того, чтобы этнографы обратили на них внимание.

Чеченский материал был записан С.Н. Джанашиа, можно сказать, попутно, у чеченцев, которые находились в Краснодарском крае «на службе»: информантами были некто Шахид Мунаев из сел. Старые Атаги Шалинского округа и Асланбек Умханов из сел. Курчалой Гудермесского округа. У них были записаны названия рек, сел, городов (например, Солжкала – чеченское название города Грозный, происходит от реки Сунжа), природных объектов, дней недели (здесь исследователь отметил явное грузинское влияние), мужские и женские имена (в том числе Ваха и Яха – мужской и женский варианты имени «Живи»). Отметив, что реку Кубань чеченцы называли Кубина (кабардинцы называли ее иначе), С.Н. Джанашиа отмечает: «По сообщению Мих. Маргания, и абхазы Кубань называют Кубина» [1, с. 141–143].

В Дагестане С.Н. Джанашиа побывал в конце августа – начале сентября и работал среди даргинцев, аварцев, лакцев. Здесь был записан лингвистический материал – термины, относящиеся к жилищу, названия селений, хуторов, народов (в частности, С.Н. Джанашиа отмечает местное обычновение называть народы не общим этнонимом, а по названиям селений: например, *карахела* – аварцы из селения Карабхел [1, с. 147]). Приводятся некоторые данные об отсутствии или наличии сословного деления у того или иного народа, о традициях эндогамии – близкородственных браков («Браки между двоюродными здесь... дело обычное. Дочка Амирханова, например, мне говорила, что это даже считается предпочтительным, говорят, мол, свое чужим зачем должны отдавать» [1, с. 149]).

Естественно, молодого ученого интересовали контакты Дагестана и Грузии в различных сферах: он отмечает наличие фамилии Баратов у лакцев, происхождение некоторых тухумов от пленников грузин, предание о том, что даргинцы из Цудахара ведут свое про-

исхождение от грузин и даже походят на них своей внешностью и поведением [1, с. 150]. Связи с Грузией прослеживались и в фольклоре: С.Н. Джанашия приводит строки из песни: «Дагестан – место гор, Грузия – место садов». Народные песни запечатлели и практику традиционных набегов дагестанцев на Грузию:

«Пойдемте в Грузию,
Поубиваем грузин,
Истребим тушин.

Посмотрим, куда уйдут дети тушские» [1, с. 156].

Религиозная тематика также отражена в дагестанских материалах: С.Н. Джанашия фиксировал, как на местных языках звучат слова «Бог», «крест»; отметил, что жители селения Усиша дольше всех сопротивлялись принятию ислама, а также что в его мечети хранится много старинного оружия [1, с. 150].

Следует отметить, что записи полевых материалов и дневников С.Н. Джанашии – это рабочие материалы исследователя, как писала К. Ломтадзе, «сбор этого материала автор расценивал как предварительную работу и предполагал в дальнейшем глубже и основательнее разработать возникшие вопросы» [2: 153]. Частично плодотворный опыт использования кавказских полевых материалов можно увидеть на примере нескольких статей С.Н. Джанашии, посвященных взаимосвязям Грузии с Северокавказским регионом: «Черкесский (адыгейский) элемент в топонимике Грузии», «Сванско-адыгейские (черкесские) языковые встречи», «Из древнейшей хронологии истории Грузии по языковым материалам», «К генеалогии Эгнатэ Ингороква». Теперь эти статьи имеются и в переводе на русский язык [2: 157–212].

Записанные С.Н. Джанашии более 80 лет назад «в поле» этнографические материалы – свидетельства внимательного наблюдателя и богатый первоисточник. Теперь, когда значительная часть этих материалов издана и на русском языке и становится доступной более широкому кругу специалистов, несомненно, к ним будут обращаться все, кого интересует история, языки и этнография народов Кавказа.

Примечания

¹ Джанашиа С.Н. Труды. Т. IV / Под ред. В.Т. Топуриа и К.В. Ломтатидзе. – Тбилиси, 1968 (на груз. яз.).

² Джанашиа С. Черкесские дневники. – Тбилиси: Кавказский дом, 2007.

³ Джанашиа Р. ...Сухумское лето // Арили: Общественно-литературный журнал. 2005. № 3 (на груз. яз.).

*Н. Е. Романченко
(Ростов-на-Дону)*

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСЛАМИСТСКИХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Наиболее значимой характеристикой «нового терроризма» выступает его масштабная глобализация. Образование мощных разветвленных структур террористов, их активизация, стали причиной разработки аналитиками некоторых государств концепции, отождествляющей терроризм с войной. Такой подход обосновал применение к терроризму таких средств борьбы, какие обычно применяются в военных условиях. Причем в качестве основного противника, чаще всего, стал рассматриваться не имеющий государственных границ, но обладающий разрушительным потенциалом, «исламский интернационал».

В последние годы по мере роста влияния исламского фактора на международные отношения сформировалось понятие «исламский пояс», который тянется от юга Европы через Северную Африку, Ближний Восток, Юго-Западную и Центральную Азию до Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии. В условиях быстро меняющейся политической картины мира большинство стран всё чаще учитывают этот фактор при формировании своей политической стратегии и тактики. Межнациональные исламские организации и прежде играли важную роль в международной политике, но со второй половины XX в. и особенно в последние десятилетия практически на всей территории «исламского пояса» начался бурный процесс образования различных неправительственных религиозно-политических объединений и группировок, которые заявляют о себе как об истинно исламских религиозных организациях и оказывают значительное влияние на внутреннюю и внешнюю политику государств.

Создаваемые в мусульманских странах новые неправительственные религиозно-политические организации используют в своей деятельности различные методы: одни выступают с позиций умеренного ислама, действуя строго в рамках закона и отрицая

любые формы насилия; другие же, напротив, нередко находятся в непримиримой оппозиции к существующей власти и не исключают возможности использования насилия, в том числе путем проведения террористических актов [1]. Тот факт, что экстремистское крыло исламистского фундаментализма и его радикальное течение – ваххабизм – угроза не только немусульманам, но и всему истинному исламу, – несомненно [2].

В процессе формирования неправительственных религиозно-политических структур можно выделить четыре этапа (поколения). На первом этапе в конце 30-х годов XX века появилась самая ранняя и наиболее разветвленная в исламском мире организация – ассоциация «Братья-мусульмане» [3]. Религиозно-политические организации второго поколения в основном возникли в ходе борьбы арабов с сионистской экспансиеи на Ближнем Востоке. Среди наиболее известных религиозно-политических организаций этого периода можно назвать палестинскую «Джихад ал-ислами» и ливанскую «Хезболлах». Третий блок неправительственных религиозно-политических организаций составляют многочисленные афганские группировки, возникшие и набравшие силу в основном в 80-е годы XX века. К ним относятся «Исламское общество Афганистана», «Исламская партия Афганистана», «Национальный фронт освобождения Афганистана», «Национальный исламский фронт Афганистана», «Движение исламской революции Афганистана», «Наср», «Исламское движение». И, наконец, к организациям четвертого поколения относятся такие многоуровневые организации как «Ал-Каида» и «Международный фронт борьбы с крестоносцами и иудеями», созданные по инициативе Усамы бен Ладена для консолидации действий многочисленных джихадских группировок. К числу последних относятся «Хизб ат-тахрир аль-ислами», «Таблиг-и Джамаат», «Аль-Джихад», «Джа-миат уль-Улема-е-Пакистан», «Харакат аль-Ансар», «Джихад», «Аль-Хадис» и другие[4].

Особенностью наиболее современных неправительственных религиозно-политических организаций террористической направленности, относящихся к четвертому уровню, является формирование террористических сетевых структур. В отличие от иерархичной сетевой структуры, которую можно ликвидиро-

вать, «обезглавив» ее, уничтожив ее руководство, сетевая структура сопротивляется дефрагментации по причине своей плотной взаимосвязанности. Можно произвольно удалить значительную часть составляющих ее точек-фигур без особых последствий для ее целостности. Удары наугад, такие как произвольное задержание террористов, не действуют на структуру сети. Где сетевая структура уязвима для прицельного удара, так это в своих узловых точках. Если достаточное количество таких узлов уничтожены, то сеть распадается на изолированные и лишенные связи острова, состоящие из точек, что ведет к уничтожению системы. Однако такие точки, возможно, попытаются спонтанно восстановить вокруг себя некое подобие сети.

На сегодняшний день указанные организации можно условно разделить на несколько основных кластеров. Наверху располагается кластер Центрального аппарата, который связан со всеми остальными кластерами. Структура этого кластера с трудом поддается описанию. Она является собой и неформальную самоорганизующуюся группу друзей и знакомых, сформировавшуюся в ходе советско-афганской войны, и иерархическую организацию с эмиром в лице Усамы бин Ладена, которого поддерживает шура в составе примерно десятка членов, среди которых преобладают египтяне. Этот аппарат делится на четыре комитета – по финансовым, военным, религиозным вопросам и по вопросам связей с общественностью. Нет никаких упоминаний о подразделениях, которые занимались бы кадрами, вербовкой, разведкой или логистикой. Предположительно, что первая функция, вероятно, относится к ведению комитета по финансовым вопросам, тогда как две последние выполняются комитетом по военным вопросам. Какое подразделение занимается вербовкой по-прежнему остается тайной. Кластер представителей Юго-Восточной Азии состоит из членов «Джемаа исламийя», организации которая демонстрирует более выраженную иерархию. Между отдельными организациями в рамках джихада существует множество альянсов. К кластеру магрибских арабов близки «Салафитская группа призыва и борьбы» и бывшая «Вооруженная исламистская группа», марокканская «Салафийя джихадийя» и разнообразные менее крупные организации воинствующего джихада. Группа ближневосточных арабов

близка к Египетскому исламскому джихаду (фактически «Аль-Каида» ныне официально объединилась с этой организацией), Египетской исламской группе, группе «Аль-Таухид» и различным более мелким йеменским организациям. Индонезийская «Джемаа исламийя» состоит в тесном союзе с «Исламским фронтом освобождения Моро». Эти организации – верхушка айсберга, то есть всех тех, кто симпатизирует джихаду и, возможно, хочет принять в нем участие. Данная гораздо более многочисленная, разобщенная и неорганизованная сеть состоит из мелких клик и одиночек, кандидатов, желающих, но не сумевших вступить в джихад.

Клики являются собой социальный механизм, который оказывает давление на потенциальных участников с тем, чтобы они вступили в клики, очерчивает определенную социальную реальность для становящихся все более близкими друзей и помогает выработке общей для них коллективной социальной идентичности и мощного эмоционального желания быть в группе. Клики буквально преобразуют жизни своих членов и тем самым изменяют смысл и воздействие уз дружбы, которые мостят путь к джихаду. Отдельные события, которые в противном случае могли бы быть независимыми друг от друга и не связанными между собой, объединяются средствами символического характера, которые подчеркивают преемственность и формируют единое мировоззрение. Они сплеваются в некое грандиозное повествование, свидетельствующее о том, что ислам находится в опасности, что подразумевает общую судьбу, которая формирует общую идентичность.

В клике каждая точка (человек) связана с каждой другой точкой. Клики часто построены на основе сходства между людьми. Дружеские отношения связаны с общим происхождением, образованием и убеждениями, но плотные сетевые структуры, образуемые членами клики, являются локальными и основаны на тесных личных контактах, привязанности и формировании долгосрочных связей. Они не глобальны. Хотя внутри определенной клики можно обрисовать общие черты, в целом они не характерны для всего социального движения. В таком движении как глобальный салафитский джихад имеется столько же объективно существующих характерных черт, сколько в нем существует клик друзей, похожих друг на друга. Даже сравнительно небольшая сетевая структура,

осуществляющая совместные операции может состоять из ряда клик, причем каждая будет иметь свои характерные черты, отличающие ее от других. Например, если говорить о французских магрибских арабах, которые провели четыре одновременные операции в Марокко в августе 1994 г., то существовало как минимум три их клика. Близкие друзья и родственники, проживавшие вместе в соседних кварталах Орлеана во Франции, происходили из среднего класса, имели университетское образование и в прошлом все были неплохо интегрированы в общество. Близкие друзья из Лакурнев также воспитывались вместе, но жили в бедности, были малообразованы и исключены из официальной интегрированной французской экономики. Все члены группы, зарождавшейся в Безансоне, обучались на фармацевтическом факультете городского университета. Несмотря на различие присущих им характерных черт, члены различных клик действовали в составе смешанных групп боевиков, осуществлявших операции в 1994 г. [5].

Наиболее актуальная для России среда распространения террористической деятельности – северокавказская салафийя. В последние годы она помолодела, интеллектуально окрепла, ее отдельные отряды, постепенно отказываясь от иерархического организационного построения, приобретают признаки сетевых образований, становятся автономными, демонстрируют способность к самовоспроизводству. Иными словами, наряду с имеющимися специфическими региональными особенностями они впитывают все характерные черты современного террористического движения, присущие аналогичным зарубежным группировкам. Причиной служит то, что молодежные организации северокавказской салафийи (т.н. «молодежные джамааты»), как и во многих иных частях мира выступают культурными проводниками в регионе арабской версии ислама. Лидеры «молодых» в своем большинстве получили исламское образование в странах Персидского залива, в первую очередь, в Саудовской Аравии. Они, прежде всего, и стали проводниками глобальных измерений в регионе, в том числе по стиранию толков (мазхабов) в северокавказском исламе (ханифиты и шанифиты), стремясь к общеисламской солидарности. Они же становятся и лидерами террористических группировок (например, М. Мукожев и А. Астамиров из группировки «Ярмук» в Кабардино-Балкарской

республике или Р. Макашарипов из террористической организации «Шариат» в Республике Дагестан) [6].

В связи с тем, что институционализация северокавказских террористических организаций происходит по сетевому принципу, особенность силовых методов борьбы с ними должна включать способность правоохранительных органов бороться с людьми, играющими роль узловых фигур. Именно через них идут основная информация и связи. По причине способности сетевой структуры спонтанно расти и самоорганизовываться, для того, чтобы разрушить сеть удары по крупным узлам должны предприниматься синхронно. Учитывая, что многие осевые фигуры связаны между собой, для низведения системы до состояния разрозненных островков часто требуется изъятие как минимум от 5 до 15 всех осевых фигур сразу. Иначе с течением времени новые узлы станут выполнять роль ликвидированных и восстановят способность сети к функционированию [5].

Как свидетельствует практика, ставка только на исключительно силовые методы подавления религиозно-политического экстремизма себя не оправдала. Российские государственные институты, несомненно, должны активно противодействовать терроризму на религиозной основе, исходящему от незначительной части общества, полностью игнорирующей обязательное для всех исполнение конституционных норм, законности. Но это противодействие не может быть направлено против ислама как такового. Вмешательство государственных органов в «выяснение отношений» с исламом как идеальной сущностью – контрпродуктивно. Светская власть должна руководствоваться только одним принципом: соответствует ли поведение той или иной группы населения (независимо от вероисповедания) существующим законам или нет [7].

В этой связи в последние годы в российском обществе вы зрело понимание того, что необходимо задействовать и другие средства противодействия, в том числе путем осуществления широкой информационно-пропагандистской и идеологической деятельности, направленной на компрометацию идеологии радикального ислама, привлечения к этой работе хорошо подготовленных служителей мусульманского культа. Важное место должна занять мо-

дернизация отечественного ислама и, прежде всего, путем резкого повышения уровня российского мусульманского образования.

Одновременно следует неуклонно устранять те внутренние конфликтогенные факторы, которые продуцируют внутриполитические девиации, в том числе растекание идеологии и практики терроризма, прикрывающегося исламским вероучением, по всему российскому Югу. В этом случае т.н. «внешние факторы», паразитирующие на внутренних неурядицах и проблемах, окажутся второстепенными и не смогут существенно влиять на процессы в регионах России, в том числе и на Северном Кавказе.

Примечания

¹ См.: Комиссина И.Н. Мусульманские организации Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии / Ин-т стратегич. исслед. – М.: РИСИ, 2009. – С. 9-13,223-225.

² Вагабов Н.М. Трансформация доктрины джихада и глобализационные основания распространения религиозно-политического экстремизма в исламе // Роль органов государственной власти и институтов гражданского общества Республики Дагестан в профилактике религиозно-политического экстремизма. Материалы республиканской научно-практической конференции. 19 мая 2009 г. – Махачкала: Изд. Лотос, 2009. – С.152-153

³ Об ассоциации «Братья-мусульмане» см. подробнее: Левин З.И. Ислам и национализм в странах зарубежного Востока. – М., 1988. – С. 102-110; Малышева Д.Б. Братья-мусульмане как идеино-политическая сила в арабском мире // Идейно-политические течения в арабских странах. Реферативный сборник ИНИОН. – М., 1983.

⁴ Добаев И.П. Политические институты исламского мира: идеология и практика. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2001. – С. 13-58.

⁵ Сейджман М. Сетевые структуры терроризма. – М.: Идея-Пресс, 2008. С. 180-181.

⁶ Добаев И.П. Современный терроризм: региональное измерение. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. – С. 98-107.

⁷ Воронцов С.А. Правоохранительные органы и спецслужбы Российской Федерации. История и современность. – Ростов-на-Дону: Изд. Феникс, 1999. – С. 416.

Ж.В. Кагазежев
(Нальчик)

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ КАБАРДИНЦЕВ В РАЙОНЕ ПЯТИГОРЬЯ

Изучение погребальных памятников, связанных с кабардинскими курганами Пятигорья, начинается с Н.Г. Керцелли¹, осуществлявшем свои работы по поручению Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. В 1877 г. в районе Пятигорска он раскопал несколько десятков курганов. У Горячеводска костяки лежали в гробах из досок, головой на Запад. Свои исследования Н.Г. Керцелли изложил кратко. В них он впервые определил этническую принадлежность курганов восточным адыгам, отнеся их к эпохе позднего средневековья.

В 1881-1882 гг. крупные исследования в районе Пятигорья провел известный русский археолог Д.Р. Самоквасов, самые масштабные за XIX в. исследования кабардинских курганов. Он раскопал свыше двухсот могильников в районе Пятигорья. В своей работе он описал курганы детально, сопроводив их иллюстрациями². Д.Р. Самоквасов относил раскопанные курганы к «половецко-татарской эпохе», определив их как адыгские. В урочище против Третьей балки (в 5 км. от Кисловодска по дороге в Ессентуки) Д.Р. Самоквасов исследовал бескурганный кабардинский могильник. Костяки лежали в деревянных колодах, которые были вставлены в каменные гробницы. Они лежали вытянуто на спине, лицом вверх, ориентировано на Запад-Восток. Значительные работы были проведены в бывшей колонии Каррас, где исследован курганный могильник XIV–XVI вв. Д.Р. Самоквасов здесь раскопал 105 курганов. Из них только в 5 лежали сабли. Костяки лежали в деревянных гробах, ориентированными на Запад-Восток. В бывшей колонии Константиновка обнаружен и исследован курганный могильник XIV–XV вв. аналогичный вышеописанным. В некоторых из них рядом с погребенным обнаружен костяк мула, удила и стремена.

Давая общую характеристику курганам Пятигорья, Д.Р. Самоквасов отмечал, что в головах и ногах скелетов в гробах у перечных стенок иногда имелись плоские камни, 4 и 6 вершков

длины. В двух женских могилах камни заменены пятиугольными деревянными дощечками в 1 четверть длины и ширины и 1 вершок толщины. О.В. Милорадович предполагает, что камни и дощечки заменяли прежние блюдца и другие сосуды в более позднее время. Только Д.Р. Самоквасову наряду с И.А. Владимировым удалось зафиксировать в кабардинских курганах остатки лука.

Большую работу в районе Кавминвод (Ессентуки, Горячеводск, Минеральные Воды) провел в 1902 г. В.Р. Аптухин³. Первые крупные раскопки кабардинских курганов советской эпохи провел в 1920–1921 гг. в качестве члена правления и ученого секретаря Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии, бюро краеведения и других организаций – Б.В. Лунин⁴. Он производил исследования в районе Пятигорья у подножья горы Машук. Инвентарь и обряд погребения были однородны с известными курганами XV–XVI вв. Материалы исследований Б.В. Лунина отличались чрезвычайной бедностью. Он попытался выделить более позднюю группу кабардинских курганов, отнеся раскопанные им в 1921 г. 12 курганов на Константиногородском плато к XVII – первой половине XVIII вв. Исходя из того, что могильный инвентарь этих курганов сильно отличается от инвентаря курганов, раскопанных в Пятигорье другими исследователями, в курганах, исследованных Б.В. Луниным, погребения лежат в колодах, скрепленных железными скобами. Инвентарь погребений состоял из железных ножей, кресал и камней, железных ножниц и костяных игл. В погребениях отсутствует (кроме одного случая) древесный уголь, насыпи почти не оплыли, железо почти не имеет ржавчины и состав могильного инвентаря иной. Б.В. Лунин полагал, что если раскопки предыдущих археологов отразили жизнь и быт «воинственного народа» (в могильниках обнаруживаются – сабли, кинжалы, стрелы, луки с колчанами и т. п., превышая предметы мирного обихода), то курганы, исследованные им и рассматриваемые как более поздние сооружения, представляют исключительно бытовой инвентарь мирного обихода оседлого народа, утратившего черты воинственности.

Вопросу исследования кабардинских курганов посвящена работа О.В. Милорадовича⁵. В ней он дает общее описание и анализ инвентаря и погребального обряда. Он не соглашается с до-

водами Б.В. Лунина о датировке кабардинских курганов. По его мнению, скрепление гробов скобами, наряду с отсутствием угля, не могут служить признаком позднее даты, так как в других кабардинских курганах (например, у с. Эльхотово) деревянные гробы тоже склоchenы скобами, инвентарь обычный. Далее он правильно замечает, что совершенно невозможно представить себе в XVII в. на Северном Кавказе мирный, утративший черты воинственности народ. О.В. Милорадович полагает, что отсутствие в могильниках оружия является признаком имущественного неравенства, которое прослеживается в кабардинских и белореченских курганах очень ясно. Оружие, главным образом, сабли сопровождали погребения богатых. В курганном могильнике, раскопанном Б.В. Луниным, насчитывалось 46 насыпей, из которых он раскопал 12, быть может, с самыми бедными погребениями.

На наш взгляд, отсутствие сабель в кабардинских курганах не может трактоваться как их хронологией появления, связанной со степенями воинственности, так и с имущественной дифференциацией. Скорее всего, наличие сабель в могильниках отражает иерархический статус похороненных. Курганы с саблями могли принадлежать воинскому классу, тогда как без их наличия крестьянам, ремесленникам и т.д.

В 1920–40-х гг. изучение кабардинских памятников средневековья в районе Пятигорья проводил краевед Н.М. Егоров.

В 1949 г. К.Э. Гриневич, близ сел. Залукокоаже, на городище «Черная гора» раскопал 2 старокабардинских кургана (в одном было парное захоронение). В этой же местности были раскопаны, вероятно, синхронные грунтовые погребения⁶. Вблизи селения Куба, на правом берегу реки Малка, находятся курганы, впервые зарегистрированные К.Э. Гриневичем. Они не раскапывались, но по внешним признакам, это типично старокабардинские курганы XV–XVII вв.

В конце 1960-х и начале 1970-х гг. сведения о старокабардинских древностях Пятигорья обобщил краевед А.П. Рунич. Им было выявлено 11 могильников, состоящих из 396 курганов. Из них были раскопаны только 58 насыпи. Осмотр показал, что для устройства могильника выбирались более возвышенные места. Внутри группы все курганы размещались вокруг наибольшей, высотой

до 1 м насыпи. Курганные группы формировались по принципу фамильно-родовой структуры⁷. Преобладающее число курганных насыпей было сооружено без использования камней. Значительная часть курганов имела только кольцевую выкладку вокруг основания кургана и лишь в единичных случаях зафиксированы курганы с каменной наброской (панцирем). Под курганами находилось одиночное захоронение, совершенное в деревянных (дубовых) колодах, перекрытых доской, либо – в «деревянных ящиках» (значительно реже). Все отмеченные конструкции находились в неглубоких грунтовых ямах (от 0,2 до 0,6 м), расположенных в центре кургана, в материке. Выявленный инвентарь численно не велик: в единичных случаях (мужские погребения) это набор из железного ножа, железные пряжки, кресало с кремнем и наконечников стрел. В остальных случаях – только железные ножи. В женских захоронениях – железные ножницы для стрижки овец, в нескольких случаях с ножницами встречено по паре серебряных височных колец и бронзовых серег в виде знака вопроса с напускной жемчужиной и костяной иглой. Детские захоронения были безинвентарны, только в 2-х погребениях подростков найдено по железному ножу. А.П. Рунич предложил гипотезу об использовании костяных орнаментированных предметов, нередко встречаемых в старокабардинских погребениях. Внешне эти предметы напоминали проколки, только более тщательного изготовления. По предположению они служили для продевания шнуря в одежду (как с помощью современной булавки продеваю резинку в нижнем белье). К 1972 году практически все нераскопанные курганы были разрушены распашкой.

Х. Х.-М. Биджиев вел исследование адыгских могильников в начале 1980-х гг. в западной части Пятигорья. Он в 1982 году осмотрел курганный могильник, состоящий из 156 насыпей близ аула Красный Восток у балки Калеж. Был составлен схематический план этого довольно крупного могильника⁸.

В 1990-х гг. было выявлено несколько старокабардинских могильников близ Железноводска. Интересен могильник у горы Острой. Здесь рядом с каменными курганами выявлено бескурганные погребение в каменном ящике. В 2000 г. на окраине пос. Иноземцево Е.Б. Березиным были исследованы курганные насыпи, оказавшиеся остатками обширных некрополей, изучавшихся

Д.Я. Самоквасовым в 1881–1882 гг. Выявлены отдельные аналогии в обряде с курганами XIV – XV вв., раскопанными Н.И. Веселовским у станицы Белореченской в Закубанье⁹. Археологом Д.С.Коробовым в 1996-2000 гг. на территории и в окрестностях Кисловодска были выявлены 11 курганных групп, условно отнесенных им к кабардинским. Часть этих могильников расположена в Малокараачаевском районе в верховьях Березовки. Д.С. Коробов отнес к кабардинским и несколько позднесредневековых поселений близ Кисловодска¹⁰.

В 1990-х годах Р.Р. Рудницкий выявил кабардинские курганы в окрестностях города Железноводска: в лесном массиве на надпойменной террасе реки Джемуха; на холме у южного подножия горы Змейка; на возвышенности у юго-западного подножия горы Бык; в лесном массиве к востоку от горы Острой. На этих могильниках сохранились по несколько насыпей, кроме могильника у горы Бык (здесь курганы уничтожены распашкой). На первых трех могильниках насыпи земляные (возможно с внутрикурганными каменными конструкциями), четвертый могильник состоит из курганов с каменными насыпями из местной породы вулканического происхождения (бештаунита), рядом с каменными курганами выявлено полуразрушенное бескурганное погребение в каменном ящике. В 2000–2002 годах Р.Р. Рудницкий осмотрел старокабардинские курганные могильники в окрестностях станицы Боргустанской: несколько насыпей расположены на небольшом холме в пойме у слияния рек Большая и Малая Дарья; около 10 насыпей расположены на высокой надпойменной террасе к северу от слияния рек Большая и Малая Дарья; между станицами Боргустанская и Бекешевская, к югу от 2-й бригады на водораздельной возвышенности располагался могильник из нескольких насыпей (в настоящее время могильник полностью разрушен кладоискателями); к западу от 2-й бригады расположен могильник из нескольких десятков насыпей (курганы интенсивно разрушаются кладоискателями); к юго-востоку от станицы Боргустанской у поселка Аксу расположен могильник, состоящий из нескольких десятков курганных насыпей. Перечисленные могильники имеют земляные насыпи (возможно с внутрикурганными каменными конструкциями), на четвертом мо-

гильнике между курганами расположены бескурганные (коллективные?) погребения под каменными набросками.

В 2000 г. Я.Б. Березин и С.Н. Кореневский исследовали кабардинские курганы около Иноземцево¹¹. В могильнике было обнаружено 23 погребения эпохи позднего средневековья. Все они были под индивидуальными насыпями, в гробах из деревянных плах. Инвентарь стандартен для погребений данного типа и включает в себя железные сабли, ножи, кресала, наконечники стрел, пряжки, серьги. Особый интерес представляет курган 6, где прослежен сложный обряд захоронения, включающий в себя создание каменных конструкций, сооружение деревянной ограды вокруг кургана с последующим ее сожжением. Эта группа погребений датируется второй половиной XV – началом XVI веков. Средневековые погребения Иноземцево обнаруживаются многочисленные параллели с Белореченским могильником в Закубанье.

В современный период большая часть кабардинских курганов изучаемого региона уничтожена распашкой. Оставшиеся группы курганов расположены в окрестностях Железноводска, Пятигорска, Кисловодска. Крупные курганные скопления – курганные поля известны в окрестностях станицы Боргустанской и в Малокарачаевском районе Карачаево-Черкесской республики.

Кабардинские курганные могильники в окрестностях Пятигорска находились на пологих возвышенностях. Внутри группы все курганы располагались вокруг наибольшей, высотой около метра, насыпи. Вещевые находки в курганах этого времени представлены оружием, предметами быта и украшениями, малочисленными в подавляющем большинстве раскопанных здесь курганов. Курганные группы сформированы по принципу фамильно-родовой структуры с учетом внутренней социальной градации. Верхняя граница функционирования могильников данного типа в Пятигорске неясна и по некоторым данным может находиться уже в XVIII веке¹².

Отличительными особенностями некоторых могильников Пятигорья от других кабардинских курганных захоронений являются:

1. Каменные курганные насыпи.
2. Бескурганные погребения в грунтовых ямах, каменных ящиках и склепах.

3. Коллективные межкурганные погребения под каменными набросками.

Сочетание курганного и бескурганного обрядов, вероятно, связано со сложным (адыго-абазинским) этническим составом населения Пятигорья. Бескурганный обряд в ряде случаев (могильник у 2-й бригады станицы Боргустанской), возможно, отражает поздний этап функционирования старокабардинских некрополей и постепенный переход местного горского населения к исламским ритуальным традициям.

Таким образом, на территории Пятигорья наблюдается значительная материальная культура, связанная с кабардинским населением. К сожалению, их масштабное исследование практически прекратилось уже в первой половине прошлого века. И это несмотря на имеющийся значительный пласт неизученных памятников кабардинской материальной культуры. Исследование памятников Пятигорья не является завершенным и требует дальнейших изысканий.

Примечания

¹ Керцелли Н.Г. Антропологические общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. – М., 1878. Т. I. 204-206. Т. II. – С. 275-276.

² Самохвалов Д.Р. Могилы Русской земли. – М., 1908. – С. 243-253.

³ Аптухин В.Р. Станица Горячеводская Пятигорского отдела Терской области – Каталог выставки XII археологического съезда в Харькове. Дополнение. Древности, добытые из раскопок и случайных находок. – Харьков, 1902. – С. 28-38.

⁴ Лунин Б.Е. Курганные могильники близ города Пятигорска Терской области. – Записки Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии. Кн. 1. Т. III. Вып. – Ростов-на-Дону, 1927. – С. 3-17.

⁵ Милорадович О.В. Кабардинские курганы XIV-XVI вв. – Советская археология (СА). Т. 20. – М., 1954. – С. 343-344.

⁶ Гриневич К.Э. Отчет о работе Кабардинской археологической экспедиции 1949 г. Архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. И nv. № 245.

⁷ Гуськов М.А., Нарожный Е.И., Рунич А.П. Кабардинские курганы Пятигорья // Археология и краеведение КМВ. – Кисловодск, 1992.

⁸ Алексеева Е.П. Археологические памятники Карабаево-Черкесии. – М., 1992.

⁹ Березин Е.Б. Кореневский С.Н. Курганный могильник Иноземцево I // XXII Крупновские чтения. – Ессентуки-Кисловодск, 2002. С 21-22.

¹⁰ Коробов Д.С. Географо-информационная система «Археологические памятники Кисловодской котловины»: **Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки..**

¹¹ Березин Я.Б., Кореневский С.Н. Курганный могильник «Иноземцево-1» // XXII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов конференции). – Ессентуки-Кисловодск, 2002. – С.18-22.

¹² Гуськов, Нарожный, Рунич. 1992. – Гуськов М.А., Нарожный Е.И., Рунич А.П. Кабардинские курганы Пятигорья // Археология и краеведение Кавказских Минеральных Вод. – Кисловодск, 1992. С. 44-47.

*Н.В. Касландзия
(Сухум)*

ВИЗАНТИЙСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ ЭПОХИ КОМНИНОВ ОБ АБХАЗАХ

В конце XI века Византийская империя переживала один из самых драматических периодов в своей истории. Тяжелое поражение от турок-сельджуков в битве при Манцикерте в 1071 году, плenение императора Романа IV Диогена, потеря значительной территории, внутренние смуты, норманская угроза поставили её на грань гибели. Однако государству ромеев удалось возродиться, возвратить былую славу и могущество с приходом к власти династии Комнинов. Комнины управляли Византийской империей чуть более ста лет – с 1081 – 1185 гг. Основателем династии был Алексей Комнин. Энергичное и умелое правление Алексея I с честью вывело государство из целого ряда суровых внешних опасностей. Ему удалось отвоевать у турок-сельджуков малоазийское побережье, нанести серьёзное поражение печенегам, подчинить Сербию. Успешная внешняя политика Алексея во многом была обусловлена смелыми внутриполитическими преобразованиями. «Именно с этого времени Византия приобретает черты феодальной монархии и отбрасывает многое ... из наследия Римской империи и института фем»¹.

Алексей пришел к власти после свержения императора Никифора III Вотаниата. «Захватив скипетр»², он, желая придать легитимность своим действиям, объявил соправителем, сына покойного императора Михаила VII Дуки и Марии Аланской – Константина. Малолетний Константин «... царствовал вместе с самодержцем..., вместе с ним подписывал красными чернилами дарственные грамоты, в процессиях сопутствовал с тиарой на голове, в славословиях же упоминался на втором месте...»,³ с ним была обручена Анна, старшая дочь Алексея. В 1087 г. у императорской четы родился сын Иоанн, по словам Анны Комниной: «желая взвести мальчика в императорское достоинство и оставить ему в наследство Ромейское государство, родители в Великой божьей церкви удостоили его святого крещения и венца»⁴. Согласно другим источникам, Иоанн был объявлен соимператором в возрасте трех-

четырех лет⁵, прежний соправитель Алексея, Константин, был низложен и вскоре скончался. Со временем Иоанн становится правой рукой отца. В 1104 г. он вступает в брак с дочерью венгерского короля Ласло Святого, Пирошкой Арпад, получившей в крещении имя Ирины, в 1106 году у них рождаются первенцы – близнецы Алексей и Мария. По словам хронистов, басилевс был весьма расположен к старшему сыну, императрица же, Ирина Дукиня, мать Иоанна, напротив, благоволила дочери Анне и её мужу Никифору Вриеннию. Неудивительно, что в последние часы жизни Алексея началась жесткая борьба за власть между двумя соперничающими партиями. «...Иоанн, видя, что близка кончина отца, и зная о нелюбви к себе матери, которая прочит императорскую власть его сестре, поделился своими замыслами с некоторыми родственниками, которые были к нему расположены ...»⁶. Среди тех, кого кесарь посвятил в свои планы, были не только его брат Исаак, но, без сомнения, и будущие родственники, представители абхазской знати в лице прибывшие в Константинополь с невестой для его сына Алексея. Иоанн решил отправиться в Манганский монастырь, где находился император, дабы завладеть одним из атрибутов высшей власти – перстнем с печатью. Делал он это, по словам хрониста, с согласия умирающего басилевса. После чего, проведя короткое совещание со своими соратниками, Иоанн в сопровождении свиты выехал из Мангана, который фактически находился в осаде его приверженцев. Об этом подробно повествуют два хрониста Никита Хониат и Иоанн Зонара. Особенно ценно сообщение последнего, так как Зонара являлся очевидцем описываемых событий. По его словам: «У самой ограды Мангана его (т.е. Иоанна) встретили авасги – они были присланы из Авасгии вместе с девушкой, обрученной с сыном кесаря. Увидев его, они подняли крик и преклонили колена»⁷. Присутствие абхазов у стен Манганского монастыря не могло быть случайным, оно являлось выражением поддержки кесарю, свидетельством вовлеченности их в конфликт дворцовых группировок. Именно абхазы первыми приветствовали Иоанна как императора, что позволило секретарю императорской канцелярии Иоанну Зонаре выделить абхазов из разноликого константинопольского люда, и особо отметить это в своем историческом сочинении. Слова Зонары подтверждает и другой хронист Никита

Хониат: «В самом Манганском дворце и на улицах его (т.е. Иоанна) провозглашали самодержавным императором расположенный к нему народ и те, которые собрались, услышав о происходящем»⁸. Решительные действия кесаря и его приверженцев внесли смятение в лагерь их противников.

Император Иоанн Комнин удостоился самых лестных эпитетов от греческих и латинских хронистов. В историю он вошел под именем Иоанна Калояна, то есть Иоанна Превосходнейшего. В оценке личности и деятельности второго императора из династии Комнинов среди историков нового и новейшего времени также царит единодушие. Так, Ш. Лебо назвал Иоанна «Марком Аврелием Константинопольским»⁹. Если «в правление первого из Комнинов – Алексея – империя смогла остановить натиск неприятеля и спрятаться с мятежами знати»¹⁰, то при его преемнике – она расширяет границы и возвращает себе статус одного из ведущих государств в мировой политике.

Как уже было сказано, прибывшая из Абхазии девушка была предназначена в жены старшему сыну Иоанна Калояна, Алексею. Император даровал ему «право носить порфирию и обуваться в красивые сапоги и дозволил вместе со своим именем провозглашать и его имя, когда народные толпы приветствуют его именем римского Самодержца...»¹¹. Одно из греческих рукописных Евангелий, украшенное миниатюрами, содержит портретные изображения Иоанна и Алексея Комниных. Император и его сын запечатлены в роскошном царском облачении из темно-пурпурной материи с золотым узором. Корона Иоанна имеет форму полукруглой шапочки, а у Алексея она похожа на диадему с жемчужными подвесками... каждый держит в руках лабарум (Константиново знамя или хоругвь)»¹². Таким образом, представительнице абхазской знати предстояло стать супругой со-императора.

«Невесту из Аvasгии» нет оснований отождествлять с Катой, дочерью царя Давида IV Строителя. Согласно сообщению грузинского летописца, в 1116 г. младшая дочь Давида отбыла в Константинополь в качестве невесты, старшая его дочь Тамара к этому времени уже являлась женой ширванского шаха: «... свою дочь Ката отправил в Грецию в невестки к греческому царю. Ибо прежде этого первородная его Тамара была отправлена им в цари-

цы Ширвана»¹³. Имя будущего мужа Каты хронист не называет. Очевидно, Ката стала женой второго сына императора Алексея Комнина – Исаака, который носил высокий титул севастократора. Согласно сообщениям византийских авторов, у Исаака было два сына Иоанн и Андronик. Последний хорошо известен как византийским, так и грузинским хронистам. Андronик, так же как и его отец Исаак и старший брат Иоанн, конфликтовал с императором, поэтому большую часть жизни провел за пределами родины «перебывав у многих народов»¹⁴. Будучи непревзойденным мастером политической интриги, он постоянно был занят поиском союзников против басileвса, тайком, а то и в открытую нанося вред ромейскому государству, за что был предан церковной анафеме¹⁵. Андronик не преминул возможностью воспользоваться гостеприимством и царя Георгия III Багратиона, о чем сообщает автор «Истории и восхваления венценосцев»: «Некогда к нему (т.е. Георгию – **Авт.**) пожаловал с красивой, светлоликой женой и детьми Андronик Комнен, сын сестры его отца... Возблагодарив бога, он принял его [как подобает] и оказал честь сообразно родственной с ним связи: одарил его городами и крепостями в достаточной мере, поставил престол поблизости к своему престолу, напротив Агсартана, приходившему отцу его племянником по сестре, царя Шарвана от Дербенда до Халхала...»¹⁶. Таким образом, согласно грузинскому хронисту XII в., Георгий III Багратион, Андronик Комнин и правитель Ширвана Агсартан состояли в близком родстве, являлись двоюродными братьями, что полностью подтверждает сообщения летописца Давида Строителя о замужестве царевен Тамар и Каты. Сопоставление сведений грузинских и византийских летописей показывает, что младшая дочь Давида Строителя являлась женой Исаака Комнина, младшего брата Иоанна Калояна. Отприском этой четы являлся Андronик, последний византийский император из династии Комнинов.

Родственные связи между потомками Андronика Комнина и Багратидами поддерживались и позже. После гибели Андronика и его сына Мануила, его внуки, малолетние Алексей и Давид были тайно вывезены из Константинополя и пребывали при дворе царицы Тамары. При содействии последней, Алексей стал основателем династии Трапезундских императоров¹⁷.

Супруга старшего сына императора Иоанна, Алексея, судя по всему, не принадлежала к царствующему дому. Аналогичных примеров в византийской истории не мало. Во вступительном слове к одному из сочинений известного византийского религиозного писателя Василия Охридского, В.Г. Василевский отмечал: «... вообще особенной разборчивости в степенях знатности приводимых из чужа невест в Византии не наблюдалось... Скорее нужно иметь в виду следующее. В случае женитьбы на иностранках между приведением невесты в Грецию и совершением брачного обряда, обыкновенно наблюдается значительное расстояние по времени; приводили обыкновенно малолетних княжеских дочерей и с действительным браком не спешили, потому, что этому должно было предшествовать воспитание невесты в византийских нравах и даже обучение языку...»¹⁸. Так, первой женой младшего брата кесаря Алексея, севастократора Мануила, впоследствие императора, была дочь немецкого графа, Берта Зульцбах, свояченица короля Конрада III Швабского, не отличавшаяся родовитостью. Этот брак был продиктован желанием скрепить союз Гогенштауфенов и Коминнов против норманнов. Вероятно, и женитьба старшего сына Иоанна Калояна на представительнице абхазской знати, отвечала интересам империи. Сведений об абхазской невестке императора Иоанна сохранилось немного. Придворный византийский поэт Феодор Продром в приветственном стихе, сочиненном по случаю прибытия в Константинополь невесты севастократора Мануила, восхвалял императора Иоанна за то, что он «приискал своим сыновьям благородных, хороших жен»¹⁹. Он писал: «На чужие народы ты налагаешь контрибуции и дань. А своим детям приводишь прекраснейших невест...»²⁰. Обращаясь к Берте (Ирине) он воскликал: «Пусть же она исполниться в душе несказанной радостью и обнимет цариц, вышедших ей на встречу...»²¹. Под царицами, встречавшими невесту Мануила, следует понимать жен его старших братьев, Алексея и Андроника. Сам император и его сыновья отсутствовали в столице. После успешной военной экспедиции против иконийских турок они занимались подготовкой похода в Сирию. Это же событие описывает историк Иоанн Киннам : «... прибыла она (Берта – Авт.) в Византию, – встретили её и особы из высших фамилий, и супруга царя Алексея. Последняя была одета

в платье из кисеи, прошитое золотом и пурпуром, но отлив пурпурна на кисее делал его темным, похожим на платье пилигримки. Посему Ирина спросила присутствующих: «Кто это пышно одетая монахиня?». Слышавшие такой вопрос, почли его худым предзнаменованием, которое вскоре и оправдалось»²². Из приведенного отрывка следует, что супруга наследника престола Алексея была облачена в платье из виссонной ткани в сочетании с золотом и пурпуром, носить которое имела право только императрица. После смерти своей свекрови Ирины в 1134 г., она как старшая из императорских невесток, возглавляла женскую часть императорского дома. Встречавшая немецкую графиню, супруга Алексея ещё не знала о горестных событиях, произошедших в Атталии. В течение нескольких дней 1142 г. два сына императора Иоанна, Алексей и Андроник скончались. Их тела в сопровождении брата Исаака были морем отправлены в Константинополь, где состоялось погребение. В труде Иоанна Киннама содержится намек на то, что после смерти кесаря, его супруга удалилась в монастырь. Вследствие несчастного случая на охоте весной 1143 г. умер и сам император Иоанн. Перед самой кончиной он объявил своим наследником младшего сына Мануила.

У кесаря Алексея и его жены, абхазской княжны (к сожалению, источники не сохранили её имени), была единственная дочь Мария. Хронист Никита Хониат относится к ней с большим пиитетом, по его словам Мария «...красавица и светлое украшение женщин в своем царском роде...»²³. Дочь порфиородного Алексея была замужем за старшим сыном великого доместика Иоанна Аксуха. Последний, преданный друг и сподвижник императора Иоанна, пользовался большим уважением и почетом. Его сын, протостратор Алексей смелый и талантливый полководец был популярен в армии. Император Мануил, встревоженный этим обстоятельством, заточил Алексея Аксуха в одном из монастырей, где он вынужден был принять постриг. Его жена Мария, согласно Хониату, «поглощенная чрезмерной скорбью»,²⁴ вскоре умерла, оставив после себя двух сыновей.

Помимо брачного союза представительницы абхазской знати с наследником ромейского престола исторические источники сохранили и другие свидетельства абхазо-византийских взаимоотноше-

ний в XII веке. Весьма интересные данные содержатся в труде Иоанна Киннама «Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов». Автор данного исторического сочинения совмещал военную службу с должностью царского грамматика. Киннам сообщает в основном о событиях, которым сам был очевидцем. Жил он в царствование Мануила и принимал участие во многих военных экспедициях императора. В числе прочих он описывает поход императора против правителей Киликии и Антиохии в 1158 – 1159 гг. После взятия столицы Киликии Тарса, Мануил намеревался продолжать военные мероприятия. Антиохийский князь Рейналд, предупреждая действия византийцев, сам прибыл в ставку императора: « ... снял с головы шлем, обнажил руки до самых локтей и, без обуви, с толпой монахов пройдя через весь город, предстал перед царем с веревкой на шее и с мечем в левой руке... Став на колена, и проливая слезы, простирая к нему руки»²⁵. Свидетелями этого события стали многочисленные послы, «которым тогда случилось здесь быть»²⁶. По словам Иоанна Киннама: «... этому дивились послы народов азийских, хоризмян, сузян, екватанцев, мидян и вавилонян, которые главного своего властителя называют султаном; также послы веррийского сатрапа Нураддина и послы персидского филарха Ягупасана, авазгов, иберийцев, палестинян и армян, живущих за исаврами»²⁷.

Сообщение высокопоставленного чиновника императорской канцелярии Иоанна Киннама не может не заслуживать доверия. Среди других дипломатических миссий, прибывших к императору Мануилу, им названа абхазская. Киннам четко отличает абхазских послов от иберийских, те есть грузинских. Следовательно, абхазские дипломаты, находившиеся при дворе басилевса, действовали независимо от грузинских. Присутствие их в Византии заставляет думать, что абхазская знать была достаточно самостоятельна в принятии решений, действовала во многих случаях автономно, в том числе и в дипломатической сфере.

По мере смещения центра тяжести политической жизни государства Багратидов на восток, в течение последней четверти XI – первой половины XII века, отношения правящей династии с феодальной элитой самых западных воеводств несколько изменились, они уже не несли на себе печати привилегированности, особой

близости. Абхазские феодалы со временем Леонидов, обладавшие определенными преимуществами, ненамеренные мириться с положением провинциальной знати, стремились к большей независимости. Они умело использовали для достижения своих целей интерес византийцев к Северному и Восточному Причерноморью. Если в начале 70-х годов XI века Византия заметно ослабла и утратила крепость Анакопию, являвшуюся оплотом политического влияния империи в регионе, то после свержения Никифора Вотаниата, шурина царя Георгия II Багратиона, и прихода к власти Алексея Комнина, Ромейская держава заметно активизировалась в регионе. Так, в 1083 году при поддержке византийцев русский князь Олег Святославич захватывает Тымутараканское княжество и правит им в течение последующих одиннадцати лет, в качестве наместника императора²⁸. Видимо, по этому поводу, Мануил Ставроман отмечал, что Алексею удалось сделать приобретение на «Боспоре Киммерийском»²⁹. Данная территория пребывала под контролем империи на протяжении всего XII века. Отметим, что император Мануил Комнин, в числе прочих носил титул «государя зихейского и хазарского». Византийцы были заинтересованы в дальнейшем расширении своего влияния, в том числе и на Черноморском побережье Кавказа. Абхазская знать могла воспользоваться этим обстоятельством в своих целях. Она вела сложную дипломатическую игру. Установив связь с империей, в том числе и посредством брачного союза абхазской княжны с представителем династии Комнинов, она могла позволить себе больше свободы во взаимоотношениях с Багратидами. Именно этим можно объяснить интенсивные контакты абхазов с Византией в период правления первых Комнинов, что нашло свое отражение в ряде византийских источников.

Примечания

¹ Дашков С.Б. Императоры Византии. – М., 1996. – С. 105.

² Анна Комнина. Алексиада. – М., 1965. – С.117.

³ Там же. – С. 189.

⁴ Там же.

⁵ Там же, – С. 522.

⁶ Никита Хониат. История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Перевод Т.1, под редакцией проф. В.И. Долоцкого. – СПб., 1860–1862. – С. 3.

⁷ Иоанн Зонара. Хроника. Цит. по Анна Комнина. Указ соч., – С. 627.

⁸ Там же.

⁹ Каждан А.П. Загадка Комнинов (опыт историографии). Византийский временник, т. XXV, 1964. – С. 57.

¹⁰ Там же, – С. 53.

¹¹ Никита Хониат. История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Перевод Т.1, под редакцией проф. В.И. Долоцкого. – СПб., 1860 -1862. – С. 22.

¹² Вейс Герман. История Цивилизации: архитектура, вооружение, одежда, утварь. «Темные века» и Средневековье (IV –XIV вв.) Т. 2. – М., 1999. – С. 66.

¹³ Житие царя царей Давида. Перевод священника И. Зетеишвили. Символ. № 40, 1989. – С. 283.

¹⁴ Никита Хониат. История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Перевод Т.1, под редакцией проф. В.И. Долоцкого. – СПб., 1860-1862. – С. 180.

¹⁵ Иоанн Киннам. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Перевод под редакцией проф. В.Н. Карпова. – СПб., 1859. – С. 278.

¹⁶ История и восхваление венценосцев. Перевод К. С. Кекелидзе. – Тбилиси, 1954. – С. 26-27.

¹⁷ Жизнь царицы цариц Тамар. Перевод В. Д. Дондуа. Тбилиси, 1985.– С. 45.

¹⁸ Василевский В.Г. Василия Охридского неизданное надгробное слово. Византийский временник, Т. 1. 1894. – С. 85 – 86.

¹⁹ Там же. – С. 80.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. – С. 81.

²² Иоанн Киннам. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Перевод под редакцией проф. В.Н. Карпова. – СПб., 1859. – С. 37.

²³ Никита Хониат. История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. Перевод Т.1, под редакцией проф. В.И. Долоцкого. – СПб., 1860–1862. – С. 184.

²⁴ Там же. – С. 185.

²⁵ Киннам Иоанн. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Перевод под редакцией проф. В.Н. Карпова. – СПб., 1859. – С. 201.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ История Византии. – М., 1967. Т. 2. – С. 350.

²⁹ Там же.

*Г. А. Сангулия
(Сухум)*

ДРЕВНЯЯ АБХАЗИЯ: ВОЖДЕСТВО И ЦАРСТВО (Историко-археологическое исследование)

1. Социально-экономическое развитие древнейшей и древней Абхазии наиболее последовательно и убедительно, со ссылкой на достоверные археологические источники, изложено в исследованиях Зураба Ачба (Анчабадзе), прежде всего в его капитальной книге «История и культура древней Абхазии» и в других работах. В творчестве ученого одно оказалось неизменным, – это развитие абхазского общества через эпохальные грандиозные изменения, столь ярко представленные в культурном наследии Абхазии. Автор совершенно убедительно рассматривает соответствие патриархальных отношений (с 3 тыс. до н.э.), общественной дифференциации и частной собственности, в форме которых шел процесс разложения первобытнообщинного строя, связывая его с таким важнейшим явлением как «мегалитическая культура Абхазии». Несомненно, это эпоха формирования и развития института вождей, столь ярко представленная материально в закавказских и северокавказских памятниках майкопско-новосвободненского круга. К ним многократно обращались в своих известных работах В.М. Массон, К.Х. Кушнарева, В.И. Марковина. А тема военизации и формирования функции военных лидеров подробно рассматривает в своих замечательных работах видный исследователь Кавказа, археолог С.Н. Кореневский (2009). Наличие же ряда особенностей предметной манифестации власти и властования временных выдающихся лидеров, взошедших своим авторитетным влиянием и демонстрацией превосходящей силы, ярко представлены и в материалах Абхазии. Это топоры (в том числе миниатюрные, символические), кинжалы, навершия булав. Что касается мотива ритуального противоборства, несомненно, зафиксированного на известном крюке, стелах и недавнем дольменом петроглифе (Формозов А.А. 1970; Трифонов В.А. 2009), то он имеет материальное соответствие и в погребальных ритуалах Абхазии. В частности, в гагрском пещерном погребении, замурованном каменной плитой еще в

древности, найдено погребение по вторичному (воздушному) обряду с искусственно пробитым черепом (Иващенко М.М. 1935). Согласно сказаниям об абхазском царе Апсха, будущий властелин еще младенцем был замурован в отдаленной пещере, для испытаний на жизнь и смерть (Инал-ипа Ш.Д. Труды, 1988). Интересен также мотив противоборства эпических героев в абхазском эпосе о витязях-нартах, мишенью которых была голова (череп) противника, починкой которых занимался древний кузнец Айнар-жый, наставляя медные заплатки. И эта символизация наиболее значимой части тела превосходящего лица, как известно, реализуется в древнейших погребениях Абхазии. И очень часто при наличии остальных фрагментов костей, черепа отсутствуют или же хоронятся одни черепа (Соловьев Л.Н. 1960).

2. Зная известные диспропорции накопления материала и его абхазологическим исследованием, необходимо поставить в отношении хронологической и стадиальной последовательности явления интересующих нас институтов, поскольку существует неприкрытая версия, рассматривающая всю историю Абхазии как извечный первобытный строй без всяких трансформаций вплоть до образования абхазского феодального государства. Отсутствует в таких прямолинейных публикациях всякая временная дифференциация, эпоха, этап, стадия или фаза развития. Этот формационный хронологический хиатус и на этот раз является тормозом развития современной абхазологической науки. Можно только сожалеть, что существует невостребованное верное положение и направление, избранное З. Анчабадзе, а также совместно Анчабадзе-Трапши, от которого возможно отошли и вели критику их некоторые последователи, правда, черпая всевозможные сведения из «Истории и культуры древней Абхазии» и «Из истории средневековой Абхазии», поправимое и сегодня.

Для верной характеристики такой проблемной ситуации необходим, на наш взгляд, следующий методологический принцип: продемонстрировать в дальнейших научных разработках развитие и трансформацию абхазского общества, показать стадиально-хронологическую последовательность института вождей и соответствующих обществ-вождеств с абхазскими же обществами эпохи царств. Последние факты, согласно моих верификаций,

достоверно зафиксировали Страбон (о 4 царях у гениохов, тиране и скептухе), Фл. Арриан (о царях апсилов, абасгов, и саныгов), Иосиф Флавий (о собственных владыках гениохов и колхов), Плутарх о династах и властителях эпохи Перикла и престоле гениоха и других прямых и косвенных источниках.

3. С самого начала отрицательную роль в постановке этих вопросов сыграла, конечно же, присочиненная версия об образовании царств в Западном Закавказье путем захвата всей ее территории разбитым киммерийцами пришлым обществом «Кулха».

И на самом деле с целью создания некоторой правдоподобной версии (Меликишвили Г.А. 1959, с.223; 1962,с.324;1965,с.241-242) о сопряженности с киммерийской историей, применяются высказывания, лишенные всякой источниковой базы о т.н. крушении Колхиды нашествием киммерийцев (обычно через историю «Кулха» урартских клинообразных надписей). Нужно отметить, что древнеармянская версия обозначения Кападокии «Гамирк», а также киммерийский натиск на южнопонтийские греческие города-колонии (Максимова М.И. 1956, с.48) не относится к фасианам-колхам и гениохам Колхидского Причерноморья. Это Западное Закавказье и ее территория начинается с р. Апсара. Дело в том, что, то общество кулха-колхи южнопонтийского (притрапезунтского) региона, не идентично колхам и Колхида Западного Закавказья. И те и другие, согласно греко-римских источников VI-I вв. жили каждые в своих регионах, и были разделены третьим этническим элементом-бизерской группой племен обозначенной мною. Эта общность (бизеры, бихеры, екехерийцы, филиры, а также зидриты и седохезы и др.) может быть идентифицирована и этно-лингвистически, что характеризуются наличием префикса основы семантом *b-//r-* в препозиции и собирательного постфикса *-г* известных в абхазо-адыго-хаттских языках, а также частично в нахо-дагестанском, этруссском, этеокипрском и баскском. Соответственно, вымышленная версия о существовании более древнего «южноколхидского царства», которое в результате разгрома и переселения в Западное Закавказье якобы стало «позднеколхидским» царством, известным как «Колхида» греко-римских источников, всецело вымышлена. Они существовали одновременно, почему колхи упоминаются у Трапезунта рядом с макроно-санскими

племенами, и колхи-фасиане в Центральной Колхиде вслед за генонохами с центром в Диоскурии-Сухуме. Что касается этнолингвистического происхождения «Кулха» и «Диаухи//Дайаини», то они хуррито-урартской принадлежности, и близко родственны нахо-дагестанским этносам. Оба названия оформлены суффиксами принадлежности –ха/-хихурито-урартских языков. Имена царей и местные названия этих обществ имеют такое же происхождение.

Что же касается часто приводимых предметов т.н. «киммерийского облика» (удила из Сурмуши и кельт из Тхмори и т.д., см. Квирквелия Г.Т.1985, с.111-122), то они лишены достоверной базы этногенетической идентичности и демонстрации предметных континуумов именно «похода» или «миграции». Выдержка обязательных критериев для его допущения, как действительно состоявшегося исторического факта, а затем изложение объяснительных возможностей и самого события в реконструкции, не интересовало тех историков и археологов, форсирующих такие проблемы вообще.

4.Также не достоверно и лишено целесообразности однозначное решение проблемы утверждения железного века древней Абхазии именно в связи со скифо-киммерийской проблемой. Идея подана обязательно в жанрах походов, которые якобы состоялись с одной только целью подавления и разрушения «промежуточных территорий». В настоящее время, наоборот, со ссылкой на известные находки по обе стороны Кавказского хребта допускается возможное участие и кавказских групп в экспедициях ассиро-урартского региона. Достоверная периодизация предусматривает также длительное знакомство с «железом» как природным материалом уже на абхазо-адыго-хаттском, даже на этеокавказском уровнях. Отсюда и древнейшая символизация и даже глубокий культ этого металла как оружия Бога Грозы Афы (адыг. Шибле), в результате практического и эстетического обобщения на основе признаков «твёрдый, разящий». Первые попытки состоялись в виде железных инкрустаций бронзовых предметов (наряду с пастовыми и др.) с абсолютным преобладанием бронзы на этапе расцвета позднебронзовой металлургии в IX–VII вв. до н.э., с некоторым сосуществованием узкого круга железных предметов с бронзой, в том числе с биметаллическими единичными экземплярами (один железный кинжал с бронзовой рукоятью (Соловьев Л.Н. 1947, с.104).

Дата бесспорного утверждения железного века. Эту дату можно увидеть в книге «История и культура древней Абхазии» З.В. Анчабадзе. Но, однако, существует собственный абхазский путь длительного знакомства и освоения, становления и утверждения железа, ставший не фактом вытравливания всех предшествующих материалов, а, наоборот стимулом благотворного сосуществования бронзы, камня и кремня, золота, серебра, электры, значительной доли деревянных орудий (до этнографической современности) и других разнообразных материалов. Эту историческую роль консолидации технологий и аккумуляции вокруг себя (в системе технокценоза), железо взяло не в силу исключительно хронологических, стадиальных и ситуационных проблем, чтобы ставить единичные археологические «датировки» на эпохи, периоды, этапы, фазы или пластины находок. Трансформация и стабилизация определенной эпохи культуры с коррекцией железной технологии и есть по сути своей свободное становление, значительное и многостороннее.

5. Что касается новаций, то это, конечно же – абхазский погребальный обряд кремаций, который также сформировался окончательно несколько позже некоторых кавказских регионов, самостоятельно и без видимой заимствованной материальной связи, сопряженной именно с этим ритуалом. Применение священного огня в связи с темой жизнь–смерть в абхазской культуре широко известно: сп. «Когда убеждались, что какая-нибудь старуха, а иногда и молодая, портят людей, животных и птиц, то таких женщин, как форменных ведьм, или топили, или вешали на дереве и поджигали сильным огнем. Бывали случаи, когда ограничивались прикладыванием раскаленного железа к какой-либо части тела» (Мачавариани К.Д. 1913; 2009, с. 312).

Обкладывание человека сраженного молнией, но чудом оставшегося в живых, железными предметами хорошо известно у абхазов (Записи автора Абыхуба А.П. в с. Джгиарда.). И здесь просматривается связь с воздушным погребением убитого молнией, через подвешивание завернутого в шкуру умершего лица. Еще раньше в такой системе (традиции) ее упомянул В. Багратиони. Составив обстоятельное описание абхазского обряда воздушного погребения («своих покойников не хоронят, а кладут в гроб вместе с утварью и доспехами, одеждой и устанавливают на дерево») он заметил:

«Запрещается у них (абхазов) прелюбодеяние, блуд, согрешивших сжигают» (Сообщение сред. груз. письм. источников об Абхазии. Г.А.Амичба. Сухум, 1986, с. 78).

Соответствие обряда сожжения с обрядом захоронения завернутого в шкуру за совершение аналогичного проступка (записанного древним автором «колхидского» ритуала; их бросали в отверстие грешников) и здесь налицо. Проявляется параллелизм и в единстве сакрализации и культа огня: Бог Громовержец Афы, при воздушном погребении человека, сраженного молнией, Бог кузни и металлов Шьасузы с функциями покровительства священным огнем и молнией (ср. Шьасуутарблаайт!).

Представляет интерес и известный абхазский обряд «бросания» в уголья (амцааларп, алара) божества Шьасузы (Бог кузни и металлов), в случаях, когда дети не выживали один за одним (Инал-ипа Ш.Д., 1965). В этих целях посторонняя «чистая» женщина «тайно» уносила в кузню младенца, и символически укладывала распеленатое чадо до «седьмого вздоха», т.е., на некоторое время «испытания» огнем. И наконец, весьма показателен факт применения при современных вторичных погребениях (перезахоронениях) угольков в ритуале захоронения (Аджинджал И.А., 1969). Угольки также применялись в мегалитическую и колхидскую эпоху, не исключая и погребальные обряды позднеколхидского периода (Мгуыздзырхуа, Тамш, – Бжания Д.С., Сангулия Г.А., 1989). Соответственно и этот обряд, как в специфике инновации железоделательной технологии, всячески проявляется своими особенностями, заданной абхазской историей. Стало быть, изменения по нарастающей все-таки происходят, причем очень глубокие.

6. Представляет интерес и археологически установленный факт наличия остатков синхронной группы отдельно стоящих жилищ, одна из которых выделялась центральным положением и своими большими размерами (Тамышское поселение, раскоп №5). Эта зафиксированная и описанная ситуация была интерпретирована (Сангулия Г.А., 1986) как отражение большесемейной общины с отдельными домами женатых сыновей известной у абхазов (Поддержано Ш.Д. Инал-ипа, присутствовавшем на археологическом семинаре в с. Тамш; Рук. В.В. Бжания). Нужно заметить, что такие семейные общины, с выраженной братской структурой, доселе не

известны в древнейших абхазских раннеземледельческих поселениях. Это может объясняться их хронологическим (стадиальным) положением, поскольку известные формы семьи с братской структурой (шумеры, эламитяне, индийцы, китайцы, римляны и др.) «существуют уже в условиях становления частной собственности и классовых отношений или даже сложившегося классового общества» (Бромлей Ю.В., 1981, с. 204-205).

Начало этого процесса можно видеть в топографической последовательности архитектурного ряда мегалитов Абхазии (Ешира, Абыдза/Цугуровка, Хуап, Отхара и др.). Соответствие проявляются и в сопряжении престижного вторичного обряда (внутри дольмена) с подчиненным обрядом безинвентарных скорченных погребений (вне дольменов). Такая же ситуация сосуществования вторичного обряда с обрядом скорченных погребений имеет место в многочисленных погребениях колхидского типа Абхазии. Особый интерес вызывают вторичные погребения в колодцеобразных погребениях, возможно имеющих мегалитические истоки (Азанта, Губаадуы/Красная поляна). А красномаяцкие безинвентарные колодцеобразные погребения (Трапши М.М., т. 2, 1969), имеющие иногда единичные вещественные сопровождения – яркая иллюстрация сложившейся дифференцированной социальной картины. Еще ярче принципы дифференциации и оппозиции последовательно проводятся в погребальных ритуалах аристократического типа, исследованных абхазскими археологами. Это красномаяцкое погребение с конем, и погребение, сопровождавшееся щитом с изображением орла импортного типа. Сюда же относится аристократическое погребение из Ахуыл-Абаа, также с круглым щитом. Меч с брусковидным навершием, топор-секач (айгусу), копье, изогнутый нож – первые по списку находок в таких по типу погребений (Агудзерское, Тамышское, Эшерское погребения). Сюда же относится Калдахуарское погребение знатного лица (топор-секира, меч с антенным навершием, копье, посоховидное навершие, престижные чаша и миска из драгоценных металлов, а также керамические). Следующая серия однотипных вещей в таких погребениях – большое количество браслетов гладких и орнаментированных с зооморфными окончаниями по 7-8 штук (Тамыш, Эшыра: погр. №5, Гудаута: эллинистическое позднеколхидское погребение). Вещи

часто изготавлялись из драгоценных материалов. Это характерно и для типов браслетов с прогнутой спинкой. Регулярно повторяются в таких погребениях миски, кувшины, чаши из золота и серебра и электра. Явно подчиненное положение занимают вторые лица, похороненные с таким аристократическим лицом, как правило, безинвентарные или с единичными вещами. Например, Адзюбжинское погребение знатного лица с конем и маской для коня, серией дорогостоящих редких предметов, по обряду вторичного погребения, а рядом погребение по обряду кремации едва фиксированным статусом (Бжания В.В., Барамидзе М.В.). Во всех этих случаях применяется ритуал погребения высшего знатного лица, похороненного часто по обряду воздушного погребения, как это писали Е.Челеби (князь-бек) и В.Багратиони, которому вслед посыпали и любимого коня с примечательным дополнением: его сопровождал также и верное служилое лицо. Последняя категория служилого сословия на последнем позднем этапе эпохи древности в VI—I вв. до н.э. уже сформировалась. А ранее, как известно, для эпохи вождеств была характерна дружина, и таких погребений не существует или они не характерны. Для классового общества Абхазии эта категория алаа или ашьнакма, акъараз (ср. ахиалааи), набиравшаяся за особые заслуги перед владетелем Абхазии, не только из абхазов, но из представителей соседних и родственных северокавказских народов. Этим и объясняется наличие в абхазских могильниках и поселений некоторых погребений с инвентарем «меотского» и «скифского» типов (существуют и другие мнения). Как известно, такие лица наделялись землей и жили вместе с абхазами, правда, не смешиваясь с ними, хотя и становились полноправными гражданами страны. На этом основании я отказываюсь принять ошибочную, на мой взгляд, версию о каких-то завоевательных походах, оседании такого контингента и совместности в пределах одного родового или общинного могильника завоевателей и покоренных (ср. раздельные «позднеколхидские» могильники). Здесь были иные причины. В целом, процесс формирования и утверждения новых нарождающихся классов шел весьма широко и на всех уровнях.

7. Вышеотмеченная большая серия аристократических погребений имеет свои аналогии и в развитом центральноколхидском секторе (Даблагоми, Вани, Итхвиси), от которого рассматриваемый

здесь абхазский регион не отстает вовсе (ср. Ачандара, – Шамба Г.К.) И здесь же мы так же откажемся от версии вечно отстающей Абхазии, с типом якобы малоразвитого, слабо спаянного, вечного родового общества до эпохи средневекового абхазского государства, как это безосновательно допускают некоторые публикации. Развитие абхазского общества, наличие института правления царско-тиранического типа, со скептухами на местах (Страбон), характерно и для всего региона от колхов до генохов, и не подлежит сомнению (ср. Сангулия Г.А.2006; 2009). Попытка самовольных переводов наименований высших титулов басилевс, тиран, скептух, на вождь, вожак, старейшина, абсолютно беспочвенна. Подлежит сомнению и вымыщенное якобы заимствование греческого «скептух» от древнеиранского языка. Прозрачная этимология наименования этого должностного лица на местах (=абх. а-хада) производный от греческого scepto «опираться», а также наличие наверший-скипетров, посоховидных предметов уже в известных открытиях Генриха Шлимана (Илион, т.2) позволяет все же встать на почву науки. Ведь известное микенское «квасилеус» дал задолго до античности «басилевс» со значением царь, до того бывший обозначением местного правителя, причем их могло быть несколько, как говорится у Гомера. Но в это время давно отошли микенские ванакты эпохи дворцовой цивилизации.

8. Иллюстрации для вышеотмеченных явлений, как и атрибутов власти, и в самом абхазском материале существуют: посоховидные навершия из аристократических погребений – Эшера погр. №5, Калдахуара (Барцыц Р.М.), 2 изогнутых посоховидных наверший жезлов из богатого бамборского погребения и т.д. Очевидна и символизация таких примечательных атрибутов власти еще с мегалитической эпохи как топор и кинжал, что проходят первыми по списку инвентаря знатных погребений. Их роль и престижное значение со ссылкой на богато орнаментированные бронзовые топоры (графический и пластический декор) предлагали М. Трапш, а за тем З.Анчабадзе. Сама тематика образов связанная с «иным, нижним, хтоническим» миром (водоплавающая, рыба, собака с плавниками, змея) связывает их носителей с миром предков, подчеркивает их роль как первых лиц общества. Известна и культовая роль топора как атрибута Бога Грозы. Это прекрасно иллюстрируется находка-

ми бронзовых и железных секир из святилища Дыдрыпшь-ныха (букв. Святилище громов, Бога грозы). Как известно, это древнейший дружинный культ, и здесь он связан с правящими братскими династиями владетельных князей Ачба и Ачачба, основателей по традиции этой святыни, где они попеременно якобы были ее первыми жрецами (Чурсин Г.Ф., 1957). Жреческие функции для высшей аристократии это еще одна примечательная черта, связанная с максимализацией их разносторонней деятельности как центральных фигур социальной картины мира. Они, как известно, были средоточием светской и сакральной функций, началом ее кумуляции, соответственно гарантом благополучия общества, почему даже в эпоху империи (например, у хеттов) такие лица сохраняли функции главного жреца.

Характеристику абхазского общества дополняют наличие крепостей и городов (ср. кораксийская крепость или большой варварский город колхов), наличие укреплений – спутников городов, один из которых исследовал М. Трапши и выполнял тип сооружения на выгодной стратегической высоте Сухума роль древнего рефигиума (убежища).

9. В означенное время Абхазия с широкими международными связями с близкими и дальними народами развивала торговово-экономические отношения. Как и допускает З. Анчабадзе с этим связано формирование торгово-аристократического сословия, сыгравшего роль важнейшего посредника во внутреннем и внешнем мире. В этом отношении примечательна роль монеты. Картрирование и достоверная интерпретация находок местных и привозных монет ясно говорит, что они характерны для всех округов Абхазии, и для всех категорий археологических памятников: поселений, могильников, кладов, не исключая случайные находки (Воронов Ю.Н., 1969, с. 67-69; Шамба С.М., 1987). Монетные же клады «колхидок», тоже связанных с абхазами, известны не только в Галском округе, где зафиксированы не два, а три случая (Кахора, Набакеви, Саберия), но и в Очамчыра-Гюэнсе (1978г.; 1985 г.), Гулрыпшском округе (большой парнаутский клад в кувшине, 1966 г.), а также в Сухумском (клад нач. ХХ в., – колхидки с монетами Саулаха) и Гудаутском (Псырдзха). Функционирование монет в местной среде, ее роль как платежного средства несовместимого с первобытно-

родовой формацией Абхазии, прекрасно иллюстрируют факт нахождения в абхазских погребениях местных монет (Гуад-иху, Сухум-Гора, Погреб. 2002 г. у здания Парламента, Эшера-дольмен, Чабанлыку – могильник), а также импортных. Известные случаи находок боспорских монет в Абхазии (Шамба С.М., 1987) вовсе не доказывают родовые отношения в абхазском обществе. Особо крайняя форма деструктивного поведения, против которого боролась и местная царско-тираническая власть (Страбон, Геогр., XII, I, 12) была направлена против части знати, лишенной прямого доступа к прибавочному продукту, его перераспределению и продаже. Поэтому, боспорские цари должно быть содействовали не простолюдинам как таковым, а прежде всего некоторым представителям знати и их зависимых общинников, «предоставляя им стоянки, покупку провианта и продажу награбленного» (Страбон, Геогр., XII, I, 12).

10. Дополняет картину и наличие собственного письма слогово-консонантного типа, наличие исконной терминологии письма и письменной культуры. У знати по ряду фактов бытовало и греческое письмо, а также знание греческого и других языков, прежде всего знание языков своих соседей, особенно родственных. С точки зрения типологии культуры нельзя не заметить, что появляются специальные знания и развиваются такие характерные отрасли и сферы культуры как метрология, гидрология, полиоркия, дипломатия и т.д. Без этих важнейших компонентов культуры абхазское общество не могло развиваться, поддерживать активные пограничные отношения, поскольку общества, вступившие в контакт с ним (греки, персы, боспоряне и т.д.), сами широко практиковали данные сферы культуры.

В целом сегодня существует не только факт неприкрытоего игнорирования достоверных фактов и замалчивания существования целого направления, но и направление национальной науки ахазологии допускающей, что Абхазия вступила в эпоху древности на путь цивилизации, которую представляют не самые отсталые учёные.

А.Ф. Авидзба
(Сухум)

К ВОПРОСУ О СИТУАЦИИ НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ АБХАЗИИ (АВГУСТ – ДЕКАБРЬ 1992 ГОДА)

14 августа 1992 г. грузинские войска совершили агрессию против Абхазии. Глава Грузии Э. Шеварднадзе, позже, 17 ноября, отмечал: «10 августа Президиум Госсовета принял Постановление о введении чрезвычайного положения на железнодорожном транспорте. Это мероприятие было вызвано жизненной необходимостью для нашей страны... Никакой другой задачи перед нами не ставилась, однако в ходе операции эта задача, в результате провокационных нападений абхазских и северокавказских формирований и их последующего вооруженного сопротивления, резко изменилась»¹. Тем временем, обстоятельства, имевшие место в Абхазии, не соответствовали его словам. Подтверждением этого является и тот факт, что никаких северокавказских формирований к тому времени не было. Их тогда еще не существовало, так как они начали формироваться только после начала войны в Абхазии, а первые из них стали прибывать сюда лишь через несколько дней. Так что утверждение о том, что северокавказские формирования оказали отпор войскам Госсовета Грузии 14 августа является явным вымыслом, преследующим цель оправдать агрессию.

В первый день войны войска Госсовета были остановлены на Красном мосту, у въезда в центр столицы Абхазии в сотни метрах от здания Верховного Совета. На второй день войны, 15 августа, морской десант Госсовета Грузии был высажен и в северо-западной части Абхазии, который взял под свой контроль г. Гагра и прилегающую территорию. Уже после войны тогдашний министр обороны Грузии Т. Китовани, вспоминая первые дни войны, отмечал: «Когда первый раз гвардейцы вошли в Гагру все было спокойно, и все были довольны, был порядок. Как «Мхедрионовцы» появились в Гаграх, в Гагрском районе сразу начались грабежи. Они оставляли раненых, самолетом увозили машины»². Однако, «гвардейцы», призванные защищать «территориальную целостность» Грузии,

подвели своего министра, который, как видно, по происшествии времени, желал бы возложить всю вину за грабежи и мародерства на Д. Иоселиани. Так, подопечные Т. Китовани, введенные в Гагру 15 августа для «охраны железной дороги», в тот же день ограбили там дом лидера грузинской общины Т. Надарейшвили, который сделал все возможное и невозможное для того, чтобы эти самые «защитники» были «передислоцированы» в Абхазию.

С 14 августа в Сухуме велись переговоры между абхазской и грузинской сторонами, в ходе которых было достигнуто Соглашение об отводе войск с Красного моста: абхазские подразделения должны были быть отведены за р. Гумиста, а грузинские – к с. Багмран. При попытке анализа причин подписания этого Соглашения возникают противоречия. Грузинская сторона, безусловно, не собиралась выполнять его, т. к. она вводила свои войска, в большинстве состоявшем из преступников, не для того, чтобы их выводить. А может Грузии понадобилась передышка для того, чтобы придать своим вооруженным формированиям видимость, хотя бы внешне, управляемой структуры. Впрочем, вероломное нарушение Соглашения и захват Сухума мог быть заранее запланирован, и ставка делалась на то, что Абхазия будет не в состоянии организовать какого-либо серьезного сопротивления, после того, как она потеряет свою столицу. При этом необходимо учитывать и то, что грузинская «пятая колонна», проживавшая в Сухуме, и находившаяся в полной боевой готовности, превратилась в весьма существенный фактор при складывавшихся тогда обстоятельствах. Наверное, до конца нельзя исключить и того, что в начале войны грузинская власть стремилась избежать большого количества смертей, в особенности среди своего воинства. Во-первых, эти «бойцы» привыкли лишь к легким победам, участвуя в многочисленных грабительских набегах и при получении серьезного отпора, при котором были бы неизбежны немалые жертвы, могли бы вовсе отказаться от выполнения поставленных задач. Во-вторых, эйфорию в Грузии, царившую по поводу скорого восстановления территориальной целостности, в первые дни войны могли омрачить известия о потерях грузинской армии. Надо было, чтобы грузины привыкли к тому, что они будут погибать в Абхазии. Т. е., грузинские власти стремились к преодолению психологического

барьера, и это может свидетельствовать об осознании тбилисскими стратегами захватнического характера затеянной ими войны. И, наконец, следует учитывать и то, что в Тбилиси какое-то время могли рассчитывать на быстрое и бескровное покорение Абхазии. Для этого сначала предусматривался арест Председателя Верховного Совета Абхазии В. Ардзинба, а затем – его приглашение в Тбилиси, куда он должен был прибыть, по расчетам тбилисских стратегов, на поклон и предоставить свою судьбу и судьбу Абхазии на суд нелегитимного руководства Грузии.

Между тем, Т. Китовани с момента заключения Соглашения не проявлял особых стремлений скрывать истинных намерений Госсовета, который, несмотря на договоренность о перемирии и разъединении противоборствующих сторон, потребовал отставки В. Ардзинба, а в противном случае пригрозил ввести войска в Сухум. Э. Шеварднадзе на второй день, 17 августа, сказал: «Сейчас мы можем говорить о том, что на всей территории республики восстановлена грузинская власть». Значение этих слов в тот же день раскрыл Т. Китовани, который заявил, что его «орлы», символизировавшие «грузинскую власть», «должны насытиться»³. А уже к 2 часам дня 18 августа, нарушив договоренность, «грузинские военные формирования полностью установили свой контроль над столицей Абхазии»⁴. Т. Сигуа объявил о готовности абхазов сформировать новое правительство и другой парламент⁵, а Т. Китовани – о роспуске парламента Абхазии и освобождении от должности В. Ардзинба⁶. В этот же день оккупанты образовали «военный совет», по одним данным – «из восьми человек»⁷, а по другим – «из девяти человек во главе с Т. Надарейшвили»⁸. Комментируя этот процесс, последний позже сказал: «У нас осталась законодательная власть в лице парламента, и ввиду отсутствия исполнительной власти создался хаос, парализовавший практически все органы. Поэтому, видимо, возникла необходимость в создании какого-то органа, который взял бы на себя роль координатора и исполнителя власти»⁹. Был создан также Временный Комитет по стабилизации, который возглавил генерал Г. Ломинадзе¹⁰. Правда не совсем понятно, каким образом эти структуры должны были делить полномочия, и как строились взаимоотношения между ними. Если учитывать, что на оккупированной территории высшей властью по обыкнове-

нию и по необходимости наделяются военные, то ясно, что в Сухуме предусматривалось главенство военного совета над другими структурами. Правда, тогда почему, военную власть – «военный совет» – возглавил, к тому времени гражданский чиновник – Т. Надарейшвили, а Комитет по стабилизации – генерал Г. Ломинадзе. Также не совсем ясно, кому из названных деятелей должен был подчиняться назначенный комендантом оккупированного Сухума генерал-майор Г. Гулуга.

18 августа Т. Китовани в Сухуме, обращаясь к своим «орлам» и «мирным жителям», произнес «пламенную» речь: «Грузины, вот вам абхазский флаг, только что сорванный с купола Дома правительства. И вот вам город – он ваш...»¹¹. И в «подаренном» министром городе, как и на других захваченных территориях, в первые дни уже имели место массовые грабежи и насилие. Даже Г. Ломинадзе, сделавший все для того, чтобы грузинские войска были введены в Абхазию, не смог удержаться от следующей сентенции: «Я слышал и мог представить, что такое война, но гвардейцы набросились на город как саранчу»¹². Изгонялись со своих жилищ жители, людей брали в заложники и подвергали пыткам, была введена плата за мертвых. При этом особое внимание уделялось захвату в плен и уничтожению людей, не желавших мириться с глумлением над человеческим достоинством, убийствами и погромами¹³. Позже, 7 ноября, на пресс-конференции в Москве Генеральный секретарь ОНН М. ван Вальт Прааг сделал заявление. В нем, в частности, отмечалось: «В грузинских войсках не было дисциплины... имели место издевательства, избиение мирных жителей, беременных женщин и детей со стороны грузинских войск, в том числе мародерство и разрушение домов, абхазских культурных центров в Сухуме и Гагре»¹⁴. Т. Китовани позже в феврале 2002 года, отвечая на вопрос о дисциплине в грузинской армии, сказал следующее: «Дисциплина во время войны всегда страдает... Это не кино. Когда солдат идет на войну, и под пули ставит свою башку, он сам себе хозяином становится»¹⁵. Вскоре мародерством занялись и многие жители Сухума: они тащили из магазинов, складов и т. д. все, что попало под руку. Даже такой ангажированный автор и защитник грузинских интересов С. Червонная не могла не признать: «Безнадежной и трагикомичной была бы любая попытка взять под

защиту и оправдать абсолютно все, что делают в Абхазии представители «грузинской стороны» на всех уровнях – военного командования, неподконтрольных командованию вооруженных лиц и групп, гражданской администрации, допускающих пропагандистскую ложь и националистский экстремизм средств массовой информации, наконец, просто на уровне обычательского сознания и поведения (те очереди за хлебом, из которых изгоняются не грузины; те нормы распределения гуманитарной помощи, по которым... мегрелам давали мешок муки... русским – 1 кг; мегрелам 1 кг сахара, русским – стакан)»¹⁶. Происходившее на оккупированной территории было настолько безнравственным, что Г. Ломинадзе позднее недоумевал: «Что мы были такими бесстыжими, я не думал»¹⁷. В. Ардзинба 19 августа потребовал от Э. Шеварднадзе и Т. Сигуа «немедленного прекращения грабежей и мародерства и создания специальной комиссии для оценки нанесенного ущерба и его возмещения»¹⁸. 23 августа, в связи с многочисленными фактами преступлений на оккупированной территории Абхазии, прокурором Республики Абхазия было возбуждено уголовное дело по фактам геноцида и массовых убийств, и была создана оперативно-следственная группа¹⁹. Комендант Сухума генерал-майор Г. Гулua, «спустя неделю после его оккупации издал приказ расстреливать мародеров на месте». Причем этот его шаг вызвал саркастическое, но справедливое замечание журналистов: «Интересно, он не боится остаться один?»²⁰. Действительно, Госсовет Грузии 21 августа вынужден был признать: «В настоящее время руководство автономной республики парализовано, нарушена система управления государством и общественной жизнью, создано тяжелейшее кризисное положение»²¹. Но, несмотря на все это в Грузии, судя по всему, считали свою цель уже достигнутой и позволили себе именно в эти дни обратиться «к абхазским братьям и сестрам» с циничным утверждением о том, что «лучшего времени для переговоров, достижения согласия, чем нынешнее, давно не было»²². С этим был согласен и Л. Маршания, который 7 сентября выступил с заявлением следующего содержания: «Я обращаюсь к депутатам абхазской фракции Верховного Совета Абхазии с просьбой еще и еще раз оценить создавшуюся ситуацию и прийти к мудрому решению. Хорошо знаю, что многие из вас не раз пытались предот-

вратить крайне радикальные шаги Владислава Ардзинба... Я обращаюсь лично к Вам, Владислав Григорьевич, призывая с позиции реализма, без упрямства и амбиций, во имя спасения своего народа взвесить все «за» и «против», как это делают в тяжелые минуты испытаний подлинные государственные деятели. На Вас ложится ответственность за судьбу абхазского народа, особенно высокая в данный критический момент истории... Владислав Григорьевич! Поймите, наконец, что ваш святой гражданский долг – подняться выше собственных интересов и амбиций ради счастливого будущего абхазского народа!»²³. Владислав Ардзинба, в действительности, сделал все возможное и невозможное тоже для счастливого будущего абхазского народа, а представления Л. Маршания об этом будущем в корне противоречили интересам Абхазии и абхазского народа. Лишним свидетельством правоты сказанного служит и то обстоятельство, что на захваченной части Абхазии, откуда он «заботился» «о счастливом будущем абхазского народа», оккупационными властями делалось все для того, чтобы доказать правомочность грузин на эту территорию. Необходимо было уничтожить все, что свидетельствовало против этого и поэтому грузинские оккупанты устроили геноцид науки и культуры Абхазии: были разграблены и сожжены научные центры, архивы, музеи, библиотеки и другие учреждения культуры.

На оккупированных территориях ситуация была тяжелой с самого начала войны, но после освобождения абхазами Гагры она претерпела изменения в сторону нетерпимости к негрузинскому населению. Положение абхазов, в особенности тех, кто отказался вольно или невольно сотрудничать с агрессорами, стало невыносимым. После освобождения Гагры, по Сухуму прошла новая волна погромов и ограблений. Квартиры и дома работников науки, культуры, писателей подвергались погромам, а их хозяева – бесчеловечному обращению, побоям и унижениям. Представителям абхазской интеллигенции предъявлялись сфабрикованные обвинения, их принуждали выступать в средствах массовой информации с осуждением деятельности Верховного Совета Абхазии и лично В. Ардзинба. Видимо, имея в виду эти выступления, министр Грузии по делам Абхазии Г. Хайндрава 12 ноября в грузинском парламенте говорил: «Сегодня уже немало абхазов, разобравшихся в

пагубности политики В. Ардзинба. Об этом они говорят вслух по телевидению и в печати»²⁴. А те, кто не «выступал по телевидению или печати», после очередного «визита» вооруженных солдат исчезали на несколько дней. Известный абхазский поэт Т. Аджба так и не вернулся домой после того, как 9 октября его увезли грузинские гвардейцы, тем самым, пополнив список жертв грузинской агрессии. Под прикрытием борьбы с подобной санкционированной оккупационными властями преступностью в Сухум 21 октября дополнительно был введен батальон специальной полиции. В спешном порядке в район боевых действий были подтянуты бронетехника и живая сила. Но вскоре настоящие цели этих мероприятий стали ясны всем. Министр иностранных дел Грузии А. Чиквадзе заявил, что если даже абхазы займут всю территорию Абхазии, они тем самым подпишут себе окончательный приговор. А Т. Надарейшвили 22 октября пригрозил, что в ближайшие дни будет предпринята атака на Эшеру, Гагру, и грузинские войска пройдут «победным маршем» до р. Псоу. Никакого «марша» до Псоу не состоялось, зато в этот же день были сожжены здания Абхазского института языка, литературы и истории и Государственного архива Абхазии. На второй день информационные агентства с подачи грузинского лобби сообщили, что «в ночь на 23 октября абхазы подвергли Сухум систематическому артиллерийскому обстрелу, в результате которого сгорели здания Госархива и Абхазского научно-исследовательского института»²⁵. Эта попытка обвинить абхазов в уничтожении своих научных центров была обречена на провал, хотя бы уже потому, что здания начали гореть в 15 часов 22 октября, а не «в ночь на 23 октября». В результате этого акта вандализма полностью были уничтожены уникальные документы, материалы по истории и культуре Абхазии. Подобные действия грузинской стороны еще раз перед всем миром продемонстрировали политику руководства Грузии, сущностью которой являлись агрессия и геноцид. Действительно, истинные цели вторжения Грузии становятся понятны на примере их отношения к единственному в мире центру абхазоведения. Он подвергался нападениям с первого дня нахождения оккупационных войск в столице Абхазии. Сошлюсь на «Предварительные материалы...», составленные следственной группой Генеральной прокуратуры Абхазии: «18 августа 1992 г., сразу же

после захвата г. Сухум войсками Госсовета Грузии, двери всех кабинетов здания Абхазского научного института языка, литературы и истории им. Д. Гулиа были взломаны, сейфы вскрыты, документы и книги разбросаны по полу, а стены обстреляны из автоматического огнестрельного оружия. Силами сотрудников института было организовано дневное дежурство, но ночью входные двери взламывались неизвестными лицами, оконные решетки нижнего этажа были сорваны в первые дни. Так продолжалось до 11 октября 1992 года, когда утром в здание ворвались вооруженные лица, их было 8 человек. Они потребовали от сотрудников освободить помещение. И с этого дня начался организованный вывоз имущества института под прикрытием, окружавших его гвардейцев. 22 октября 1992 года, примерно в 15 часов, загорелось здание АБИЯЛИ. На вопросы звонивших по 01 дежурный отвечал: «Знаем, но у нас нет бензина, тем более для АБНИИ»²⁶. По свидетельству сотрудника института А. Аргун, прибывшие все-таки машины с пожарными были обстреляны грузинскими солдатами, которые не дали потушить огонь. При этом «поносили абхазов, кричали, что всех до одного надо бросить в огонь, как и эти рукописи, книги, исторические документы»²⁷. «Предварительные материалы...» далее сообщают: «Одновременно со зданием института было подожжено путем взрыва и здание Центрального государственного архива Республики Абхазия, к которому пожарная команда все же прибыла, но не смогла тушить пожар из-за перекрывших дорогу гвардейцев, не только угрожавших пожарникам, но и стрелявших из автоматов для острастки. Первоначально пожар в Госархиве был потушен прибежавшими соседями»²⁸, но подъехавшие на двух автомашинах гвардейцы вновь подожгли его с помощью слитого из автомобиля бензина и выстрелами из пистолетов разогнали всех. Пожарную машину не допустили к тушению пожара и стояли там до тех пор, пока здание не сгорело. После того, как сгорело здание, они стали ракетницей стрелять, как бы салютя содеянному, а затем долго стреляли из автоматов. Гвардейцы оставались у архива до поздней ночи и ушли, когда убедились, что его невозможно потушить»²⁹. Очевидцем пожара в Государственном архиве стала сотрудница абхазского музея В. Аргун, которая впоследствии писала: «Мы с соседями поспешили к Госархиву и присоединились к людям, ко-

торые тушили здание. Пламя было на первом этаже. Всего в тушении участвовало человек 10-12.... Скоро мы справились с огнем, шел уже только дым небольшой. И тут к Госархиву подъехали трое в военной форме на легковой машине и выстрелами из пистолетов начали всех разгонять. ... Они несли в подъезд здания Госархива канистру, судя по всему, с бензином, потому что через несколько секунд в здании вспыхнул сильный огонь»³⁰. Прибывший на место пожара Государственного архива министр по делам Абхазии Г. Хаиндрава цинично воскликнул: «Хорошо горит»³¹. А по происшествии времени он заявит: «Мы проведем тщательное расследование этих фактов, и виновные будут строго наказаны»³². Не уступая в циничности организаторам пожаров, Президиум Академии наук Грузии тогда заявил о своем «крайнем возмущении и негодовании по поводу варварского посягательства на научные очаги Абхазской автономной республики», обвиняя в этом абхазскую сторону³³. Как ни парадоксально, но похоже, на то, что грузинские «деятели» продолжают укрепляться в своих циничных «убеждениях». Вот что говорил тогдашний министр обороны Грузии Т. Китовани по поводу сожжения АБНИИ уже в 2002 году: «Это Ардзинба сам сделал ... это дело рук Ардзинба, я отвечаю на 100%. Никогда грузин не сожжет ничью другую культуру. Никогда этого не было, в истории не было такого. Тем более с абхазами»³⁴.

Однако истинные цели, преследовавшиеся устроителями данной бесчеловечной акции, направленной против исторической памяти абхазского народа, было невозможно скрыть даже за столь циничной риторикой. «Следствием установлено, что поджогами Государственного архива руководили Чургулия Д. и Мамукелашвили Б., служившие в личной охране Т. Надарейшвили. Материалами следствия установлено, что поджоги АБИЯЛИ и Госархива были организованы Т. Надарейшвили, министром Г. И. Ломинадзе, его замом А. И. Ломинашвили»³⁵. После войны, в 1995 г., Прокуратурой РА был выдан ордер на арест Т. Надарейшвили, против которого в 1993 г. было возбуждено уголовное дело по факту пропаганды войны и разжигания межнациональной розни.

Абхазские ученые в Обращении к ученым и творческой интеллигенции мира с болью и горечью констатировали, что абхазской культуре нанесен непоправимый урон. Они назвали то, что про-

зошло одним из наиболее трагических ударов, обрушившихся на Абхазию в XX столетии. Далее в обращении констатировалось: «Заранее спланированная акция уничтожения очагов национальной культуры и научных центров стала еще одним свидетельством преступной, шовинистской, фашистской идеологии и практики кровавого режима Шеварднадзе. Борясь с нашим народом силой оружия, оккупанты хотят сломить его высокий моральный дух, лишить нравственной опоры, подавить национальное самосознание. Уничтожив научные центры абхазской национальной культуры, они стремились лишить абхазов памяти многовековой национальной истории»³⁶. Позже, 26 ноября, в Обращении интеллигенции Абхазии к ЮНЕСКО говорилось: «Варварское уничтожение святых очагов национальной культуры Абхазии – это, пожалуй, самая трагическая и непоправимая потеря, понесенная нами в жестокой схватке с оккупантами. Канули в небытие бесценные реликвии нашей многовековой истории, уничтожены уникальные ценности, архивные и книжные фонды для того, чтобы духовно, этнически обезличить абхазский народ, лишить его своей истории, этнокультурной самобытности и самосознания»³⁷. Действительно, данный акт невозможно оправдать ни с гуманитарной, ни с военной точки зрения. Сожжение АБИЯЛИ и Госархива не было вызвано никакой военной необходимостью, что лишний раз свидетельствует о том, что оно было осуществлено с единственной целью – уничтожить историческую память абхазского народа. А историческая память, как известно, уничтожается только тогда, когда она хранит нелепые для оккупантов сведения. Данная акция была заранее спланированным актом культурного геноцида³⁸, который по Международному праву, считается самым кощунственным проявлением геноцида, самым страшным преступлением против человечности. И насколько должен быть циничным мир, чтобы вершители его судей на фоне своих обвинений абхазов в нарушении «территориальной целостности» Грузии, не пожелали увидеть наличия столь масштабного преступления по отношению к ним?! А ведь международное сообщество голосовало за Гаагскую конвенцию о культурном достоянии 1954 г., в которой говорится: «Ущерб, наносимый культурному достоянию какого бы то ни было народа равен ущербу для культурного наследия всего [человечества]...».

сохранение культурного наследия имеет огромное значение для всех народов мира, и... важно, чтобы это наследие находилось под международной защитой»³⁹.

Ситуация в оккупированной части Абхазии, в частности, ее столицы, продолжала ухудшаться⁴⁰. 10 ноября Э. Шеварднадзе охарактеризовал положение в Абхазии как крайне тяжелое⁴¹, а уже 11 ноября он прибыл в Сухум и побывал на местах боев в Сухумском, Гулрыпшском и Очамчырском районах и высоко оценил «готовность и единодушие местного населения защищать родину»⁴². Наверное, это дало основание Т. Надарейшвили в тот же день заявить, что «отныне совместное проживание абхазов и грузин исключается»⁴³. И как бы в подтверждение его слов 12 ноября сгорела гостиница «Рица» в Сухуме.

Именно тогда в столице Абхазии была распространена листовка сванской общины «Садрошо» с призывом к грузинскому населению «не становиться «пушечным мясом», «не класть на чашу весов нашу судьбу», «бросать оружие и находить общий язык с абхазами»⁴⁴. Подобного рода настроения таили в себе более чем серьезную опасность для осуществления планов агрессора, так как к тому времени ставка в проведении дальнейших оккупационных мероприятий была сделана на грузинское население, проживавшее в Абхазии. С нежеланием местных грузин погибать за «территориальную целостность» Грузии оккупационные власти боролись по-своему. Вот что сообщала оппозиционная грузинская пресса: «В городе появились списки лиц, по различным причинам оставивших его в последнее время. Списки развесаны в самых видных местах: бумага разделена на две части – слева имена и фамилии, справа – общественный приговор. Как явствует из этого «документа» трое виновных приговорены к расстрелу, остальные к отлучению из города»⁴⁵. Подобные меры властей приносили результаты. Об этом, в частности, свидетельствует грузинский полковник С. Маргишвили, сообщающий о том, что «если в начале войны в находившихся в Абхазии формированиях явно превалировали люди, прибывшие из различных регионов Грузии, то с октября-ноября картина изменилась, и резко вырос удельный вес местных грузин»⁴⁶.

На фоне этого, в подконтрольной оккупационным властям прессе появилось Обращение к парламенту Грузии, в котором «предста-

вители абхазской общественности» призывали «многонациональное население автономной республики» создать Комитет спасения Абхазии⁴⁷. В конце документа содержался призыв поддержать инициативу создания Комитета спасения Абхазии, на который не-замедлительно откликнулся грузинский парламент на своем заседании уже 26 ноября. В постановлении грузинского парламента по абхазскому вопросу говорилось: «Парламент Грузии приветствует решение прогрессивной части абхазской общественности об образовании Комитета спасения Абхазии»⁴⁸. Грузинские парламентарии также создали комиссию по вопросам Абхазии, в функцию которой входило «продолжение работы и углубление контактов с абхазской интеллигенцией»⁴⁹. В 2007 году, защищая Комитет спасения от критики, звучавшей в среде ветеранов Отечественной войны (1992-1993 гг.), Президиум неправительственного движения «Мир и возрождение Абхазии», дислоцирующийся в Грузии, счел «своим долгом напомнить общественности (особенно абхазской)» следующее: «Надо было что-то делать, как-то поддержать народ, вывести людей из шока, спасти от гибели духовной и физической. В тяжелейшие дни января 1993 г. возникла идея создания многонационального Комитета спасения Абхазии⁵⁰. В него вошли те представители абхазского, грузинского, русского, украинского, армянского и другого населения, которые ясно сознавали жизненную важность восстановления взаимопонимания и единства наших народов. Комитет поставил целью консолидировать население Абхазии, особенно абхазское и грузинское, для борьбы за мирное, политическое разрешение конфликта»⁵¹. Э. Шеварднадзе, поддержав «инициативу той здоровой части абхазской интеллигенции, которая считает, что происходящая в Абхазии война гибельна как для грузинского, так и для абхазского народов», тогда заявил: «Таких людей довольно много. Это – ученые, писатели, деятели искусства. Мы должны приветствовать это как попытку здоровых сил встать на политический путь преодоления сепаратистских тенденций»⁵². Позже в своем нашумевшем радиоинтервью 7 декабря, наряду с воинственными заявлениями, глава Грузии также напомнил, что в Абхазии «уже действует Комитет по спасению, который возглавил подлинный патриот, господин Л. Маршания»⁵³. Сам «господин Л. Маршания», который являлся по совместительству заместите-

лем Председателя Совета министров АРА, о причинах создания Комитета и его задачах говорил следующим образом: «Комитет спасения Абхазии преследует цель: консолидировать абхазское и грузинское население, направить их усилия на борьбу за мирное, политическое решение военного конфликта, сохранение прежних дружеских, родственных отношений между абхазами и грузинами, всем населением Абхазии, противопоставить авантюрным действиям прежнего руководства Абхазии здравый смысл и реализм; бороться с экстремизмом и сепаратизмом»⁵⁴. Л. Маршания на словах «сокрушался» о судьбе абхазов, оставшихся в Сухуме. Послушаем мнение одной из них Л. Тарнава, которая 16 декабря 1992 г. в своем дневнике писала: «Л. Маршания я никак патриотом назвать не могу! Он печется лишь о собственном удобном устройстве, чего и добился. Во всякой нации есть такие люди. Но они – это еще не вся нация и не весь народ!»⁵⁵. В. Ардзинба, комментируя создание Комитета спасения Абхазии, сказал, что «в любом народе всегда можно найти нескольких человек предателей, больше всех думающих о своем кресле»⁵⁶.

В то же время глава грузинского парламента в стремлении вбить клин между абхазами не ограничился спекулятивными заявлениями о поддержке со стороны граждан, находившихся на оккупированной территории, которые по различным причинам обозначили или вынуждены были обозначить свое не согласие с политикой Председателя абхазского парламента В. Ардзинба. Так, Э. Шеварднадзе заявил, что определенные надежды в деле мирного урегулирования абхазской проблемы связаны с якобы имевшимися разногласиями в абхазском руководстве. Причем небезынтересно, что тему «недовольных» абхазских политических деятелей затронул и Г. Хайн德拉 в своем выступлении в грузинском парламенте 26 ноября. В отчете о положении в Абхазии он отметил, что «среди находящихся в Гудаутах абхазских лидеров есть и такие, которым не нравится политический курс Ардзинбы, но они не возвышают голос и вынуждены следовать его экстремистскому курсу»⁵⁷. Грузинский чиновник в своей речи также «сокрушался» по поводу уничтожения генофонда абхазского народа так, как будто угроза исходила от инопланетян, а не от того правительства, членом которого он является. Забота о генофонде абхазской нации «проявлялась»

и в Обращении Комитета спасения Абхазии к жителям Гудаутского и Очамчырского районов, в котором «здравомыслящие люди старшего поколения» призывались трезво оценить «создавшуюся народную трагедию, переходящую в катастрофу», и принять меры, «как по недопущению артобстрела и бомбардировки г. Сухуми, так и по прекращению кровопролития и спасению абхазской нации»⁵⁸. Как видно, «спасатели» из Комитета видели угрозу абхазской нации в бомбардировках Сухума, а то, что их лишали родины, исторической памяти и физически истребляли – в этом, видимо, они угрозы не усматривали. Продолжением той же политики можно назвать обращение членов грузинской фракции ВС Абхазии, в котором абхазский народ призывали «не поддаваться антигрузинским призывам, отвергнуть проповеди тех, кто желает отделиться от Грузии, присоединиться к идее народного согласия»⁵⁹. Позже, 1 января 1993 г., Э. Шеварднадзе, выступая перед оккупационными властями Абхазии, вновь вернувшись к этой теме, сказал: «Следует проводить более продуманную разъяснительную работу с абхазским населением, обратить больше внимания его нуждам и заботам. Далеко не все абхазы думают одинаково. В абхазской среде есть большой слой, который не одобряет деятельность абхазского руководства и понимает, что авантюрные действия этого руководства поставили и, прежде всего, абхазский народ перед угрозой катастрофы»⁶⁰. Т. е., судя по всему, тбилисские власти и их марионетки в Сухуме, к тому времени начали среди населения оккупированной территории массированную кампанию по дискредитации законных властей Абхазии и их политики, направленную на идеологическое обоснование своих агрессивных действий.

Между тем, и в самих «верхах» оккупантов было не все ладно. 20 ноября в Сухуме состоялось совместное заседание сессии ВС АРА, Комитета национального единства Абхазии и так называемого «актива». На повестке дня данного мероприятия значился один вопрос: «О военно-политической ситуации в Абхазии». О том, как готовилось и проводилось это собрание «актива» позже в интервью «Свободной Грузии» рассказал лидер оккупационных властей Абхазии Т. Надарейшивили: «Когда я был на сессии парламента в Тбилиси, мне сообщили, что в Сухуми собираются проводить сессию Верховного Совета. Я знал о том, что сессия должна состо-

яться, но мне позвонили и сказали, что повестка дня изменена. Я срочно приехал в Сухуми. Здание Совета Министров было окружено вооруженными людьми и техникой. Как потом выяснилось, это были мои сторонники, военные, которые и сообщили мне, что на сессии меня собираются отправить в отставку»⁶¹. Хотя спустя время Т. Китовани говорил, что Т. Надарейшвили из-за своей трусости не хотел оставаться в Абхазии и стремился любой ценой оттуда сбежать⁶², узнав о готовящемся, он предложил поставить вопрос об его отставке не на сессии, а на собрании «актива»⁶³. Тогда и был создан «актив», на собрании которого родилась идея создания Совета Министров АРА, поддержанная всеми. Председателем этого Совета был «избран» сам Т. Надарейшвили. Э. Шеварднадзе, оговорившись, что произошедшее не совсем законно, тогда заявил, что «надо приветствовать, что общественность оказала Т. Надарейшвили доверие»⁶⁴. Парламент Грузии также «принял к сведению принятое абхазской общественностью правильное решение об образовании правительственной структуры – Кабинета Министров и избрание его руководителем Т. Надарейшвили»⁶⁵. Позже глава вновь созданной исполнительной власти утверждал, что Совет Министров был сокращен практически до минимума, а общая сумма на содержание всех министерств и комитетов значительно сократилась. Было создано 16 министерств, 5 госкомитетов, «а кадры подбирались исходя из профессиональных качеств». Чтобы понять, что это означало тогда в оккупированной Абхазии, сошлемся на самого Т. Надарейшвили: «Учитывая, что мы находимся в состоянии войны, я поручил продолжать возглавлять министерства тем лицам, которые ранее возглавляли министерства и ведомства. Те же госкомитеты и министерства, председатели которых сбежали в Гудауту, возглавили заместители, в ряде случаев были назначены новые лица»⁶⁶. Чтобы понять смысл приведенных слов главы марионеточной власти Абхазии, сошлемся на очевидца описываемых событий: «Кресла уже распределили, выбрали без всякого парламента новое правительство, новых министров, состоящих в основном из грузинской национальности и нескольких абхазцев, вроде Св. Кецба, Р. Эшба и кое-кого еще типа марионеточных, которые устраивают новое правительство и считаются «истинными демократами» вроде Л. Маршания, этого давно известного демагога. На выборах в парламент Абхазии они

ранее не вошли, разобиделись и вот сейчас взяли реванш и уже на «белом коне»⁶⁷.

28 ноября военный комендант Сухумского гарнизона издал приказ, согласно которому в г. Сухуме, Сухумском и Гулрыпшском районах устанавливался особый порядок поведения граждан и военнослужащих, а также было объявлено на территории этих районов действие комендантского часа⁶⁸. Эти и другие мероприятия оккупационных властей, явно направленные на эскалацию войны, получили более чем серьезную поддержку со стороны Э. Шеварднадзе, который 7-8 декабря выступил с воинственными заявлениями и угрозами в адрес абхазов. Однако, по мнению аналитиков, это могло быть направлено на недопущение и предупреждение нежелательных действий со стороны самих «защитников территориальной целостности» Грузии. Газета «Правда» тогда сообщала: «Карательный корпус в Абхазии становится неуправляемым. Дезертирство не в силах остановить даже военно-полевые суды. Солдаты, которым обещали виллы с видом на море, бегут. В Сухуме, оккупированном войсками тбилисского режима, паника»⁶⁹.

Угрозы Шеварднадзе стали воплощаться в жизнь на полях сражений 26 декабря, когда началось наступление грузин на Восточном фронте. Но перед этим, 14 декабря, над высокогорным селом Лата ракетой «земля-воздух» был сбит российский вертолет МИ-8, летевший из блокадного г. Ткуарчал. В результате этого бесчеловечного акта погибло 82 человека. Верховный Совет Абхазии 15 декабря возложил всю ответственность за содеянное преступление на грузинскую сторону и обратился к главам государств и правительств мира с призывом «сосудить фашистский режим и прекратить политическую, финансово-экономическую поддержку Грузии»⁷⁰. 15 декабря Э. Шеварднадзе в выступлении на заседании Парламента ни словом не обмолвился об этом происшествии. Зато его наместник в Сухуме Т. Надарейшвили в тот же день, 15 декабря, сделал заведомо ложное заявление о том, что «этая катастрофа произошла в зоне, контролируемой абхазскими боевиками». Более того, он цинично объявил, что вертолет с абхазскими беженцами был сбит абхазскими «боевиками»⁷¹. А 17 декабря грузинский парламент возложил ответственность за трагедию на российские вооруженные силы⁷². С целью скрыть свою причастность к гибе-

ли вертолета тбилисские эмиссары долгое время не пускали к месту трагедии Комиссию министерства обороны России, скрывали «черный ящик», а затем передали его с порванной магнитофонной лентой. Позже, 25 декабря, командующий авиацией сухопутных войск России, генерал-лейтенант В. Павлов на заседании сессии Верховного Совета РФ представил следующую информацию: «В 3 часа ночи 15 декабря эта группа (МО РФ) прибыла на место и приступила к эвакуационным работам. На месте падения находилось грузинское формирование, которое стало оказывать помощь в сборе трупов, но в процессе этой работы грузинский отряд занялся мародерством, забирая вещи, деньги и ювелирные изделия. Командир взвода ВДВ начал вести киносъемку, но грузины пленку изъяли и засветили»⁷³. Вскоре даже в Тбилиси поняли неправдоподобность и абсурдность версии уничтожения вертолета абхазами и тогда с подачи самого лидера Грузии стали утверждать, что вертолет упал и сгорел из-за перегрузки. Эту версию постарался обосновать и заместитель начальника гражданской авиации Грузии И. Бабуадзе, который заявил следующее: «Полет осуществлялся с перегрузкой в 1090 килограммов, а из-за этого, как известно, воздушное судно остается без запаса мощности, что может привести к отказу его двигателей»⁷⁴. Все эти заявления были явной спекуляцией с целью отвести от себя ответственность за злодеяние. Но комиссия Минобороны РФ опровергла эти измышления и установила истинную причину гибели вертолета: он был сбит тепловой ракетой грузинскими формированиями над контролируемой ими территорией. Но и после этого спекуляции вокруг гибели вертолета не прекращались долгое время. В 2002 году бывший министр обороны Грузии Т. Китовани, к примеру, продолжал утверждать, что никто в вертолет не стрелял, и он упал из-за перегрузки⁷⁵.

25 декабря, в день обсуждения российским Парламентом ситуации в Абхазии, Э. Шеварднадзе обратился к русскому населению Грузии, в котором напомнил о «необходимости четкой гражданской позиции» иставил многозначительный вопрос: «Не пора ли возвысить голос в ответ на беззастенчивую ложь?»⁷⁶. Под «беззастенчивой ложью» глава Грузии имел в виду выступления и заявления представителей властей России о необходимости защиты прав русских в Абхазии и Грузии. Реакция русскоязычного насе-

ления в Грузии была неоднозначной, но в Абхазии «русские сотрудники аппарата Совета Министров АРА» восприняли это обращение «с глубоким пониманием». В ответном послании к главе Грузии они писали: «Мы целиком и полностью разделяем Вашу озабоченность развитием ситуации и уверены, что нашу позицию поддержат все русские, проживающие в Абхазии, как, думается, во всей Грузии. Мы не нуждаемся ни в чьей защите, пользуемся всеми правами, которые предоставляет своим гражданам Республика Грузия, и стремимся к одному – мирным трудом содействовать становлению, развитию и процветанию независимого демократического Грузинского государства»⁷⁷. Причем это обращение было опубликовано в двух номерах официальной прессы, издаваемой оккупационным режимом.

Тем временем в Сухуме люди были вынуждены рубить деревья на улицах, чтобы отапливать помещения. Не работал транспорт, женщины, старики, дети вынуждены были пешком преодолевать огромные расстояния. Между тем несколько конфискованных гвардейцами «Икарусов» фактически бездействовало, лишь время от времени перевозя из одного конца в другой одного-двух вооруженных людей⁷⁸. Во многих случаях искусственно создавались нетерпимые условия. Люди не выдерживали и те, кто мог, покидали город. Но зато в Сухум приезжал Э. Шеварднадзе. Приехал он сюда вечером 31 декабря и до утра 1 января «беседовал с офицерами и солдатами, изучал на месте ситуацию»⁷⁹. Такое начало года не предвещало ничего хорошего. Посещение в новогоднюю ночь Сухума лидером Грузии, обещавшего «достойно завершить войну» свидетельствовало о его стремлении заразить своим воинствующим духом всех окружающих. Впрочем, в первый день Нового года глава Грузии уехал на Родину, а те, кто должен был завершить «достойно» войну в Абхазии остались. Так завершался 1992 г. – год начала войны, который так и не стал годом ее конца. Вопрос: станет ли наступавший 1993 – годом конца войны – остался тогда открытым.

Примечания

- ¹ Демократическая Абхазия, № 15, 25 ноября 1992 г.
- ² Китовани Т. Интервью от 13. 02. 2002 г. Видеозапись.
- ³ Шария В. Абхазская трагедия. – Сочи. 1994. – С. 41.
- ⁴ Мартов Г. «Россия», № 35, 26 августа – 1 сентября 1992 г. // Геноцид абхазов. – М., 1997. – С. 121.
- ⁵ Московские новости, № 35, 30 августа 1992 г. // Геноцид абхазов. – М., 1997. – С. 110.
- ⁶ Шамба С.... // С. Лакоба. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? – Sapporo. 2001. – С. 33.
- ⁷ Лакоба С. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? – Sapporo. 2001. – С. 33.
- ⁸ Советская Россия, № 108, 20 августа 1992 г. // Геноцид абхазов. –М., 1997. – С. 68.
- ⁹ Иберия-Спектр, № 65, 2-8 февраля 1993 г. – С. 15.
- ¹⁰ Шария В. Абхазская трагедия. – Сочи. 1994. – С. 41.
- ¹¹ Там же. – С. 40.
- ¹² Шария В. Абхазская трагедия. – Сочи. 1994. – С. 41.
- ¹³ Те суровые дни. Хроника Отечественной войны... – Сухум. 2004. – С. 10.
- ¹⁴ Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 3. – М., 1993. – С. 199-201.
- ¹⁵ Китовани Т. Интервью от 13. 02. 2002 г. Видеозапись.
- ¹⁶ Червонная С. Абхазия – 1992: посткоммунистическая Вандея // www.abkhazia.dot.
- ¹⁷ Лакоба С. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? – Sapporo. 2001. – С. 32.
- ¹⁸ Те суровые дни. Хроника Отечественной войны... – Сухум. 2004. – С. 28.
- ¹⁹ Предварительные материалы расследования уголовных дел по фактам массовых убийств, геноцида, других тяжких преступлений, совершенных властями Грузии и ее вооруженными формированиями в период оккупации Абхазии в 1992-1993 гг. // www.eurasiatimes.org/index.php?page=researches&article_id...
- ²⁰ Мартов Г. Россия, № 35, 26 августа – 1 сентября 1992 г.// Геноцид абхазов. – М., 1997. – С. 121.

- ²¹ Демократическая Абхазия, № 3, 3 сентября 1992 г.
- ²² «Свободная Грузия», 18 августа 1992 г. // С. Лакоба. Абхазия – де-факто... – Sapporo. 2001. – С. 35.
- ²³ <http://www.svobodnaya-gruzia.com/politic/?p=169-170/07>
- ²⁴ Демократическая Абхазия, № 13, 12 ноября 1992 г.
- ²⁵ Белая книга Абхазии. 1992-1993. – М., 1993. – С. 85.
- ²⁶ Предварительные материалы расследования уголовных дел по фактам массовых убийств, геноцида других тяжких преступлений, совершенных властями Грузии и ее вооруженными формированиями в период оккупации Абхазии в 1992-1993 гг. // www. eurasiatimes.org/index.php?page=researches&article_id...
- ²⁷ Аргун А. Абхазия: ад в раю. – Сухум. 1994. – С. 112.
- ²⁸ Ул. Леселидзе – совр. ул. Абазинская.
- ²⁹ Предварительные материалы ...
- ³⁰ В. Аргун. Как горел Госархив // Республика Абхазия, № 15, 19 марта 1993 г.
- ³¹ Обращение участников конференции Абхазии: «Два столетия необъявленной войны» к Генеральному секретарю ООН, к членам Совета Безопасности, Организации Объединенных Наций. 22 июля 1999 года // Отечественная война Абхазии и «грузинские беженцы» (сост. Т. Ачугба). Т. 1. – Сухум. 2003. – С. 427.
- ³² Демократическая Абхазия, № 13, 12 ноября 1992 г.
- ³³ Аргун А. Абхазия: ад в раю. – Сухум. 1994. – С. 123.
- ³⁴ Китовани Т. Интервью от 13. 02. 2002 г. Видеозапись.
- ³⁵ Предварительные материалы ...
- ³⁶ Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 3. – М., 1993. – С. 119-120.
- ³⁷ Те суровые дни. Хроника Отечественной войны... – Сухум. 2004. – С. 248.
- ³⁸ Подробнее о геноциде науки и культуры абхазов см.: М. Хварцания. От лжи к правде об Абхазии. – Сухум. 2008. – С. 195-220.
- ³⁹ Бест Дж. Историческая эволюция морально-этических норм, касающихся войны и окружающей среды // Морально-этические нормы, война, окружающая среда. – М., 1989. – С. 49.
- ⁴⁰ Подробнее о ситуации в оккупированном Сухуме: Л. Тарнава. Дневник пенсионерки, оставшейся в оккупированном Сухуме 14 августа 1992 года // Абхазский дневник. XX век. В. I. – Сухум. 2008.

⁴¹ Демократическая Абхазия, № 13, 12 ноября 1992 г.

⁴² Демократическая Абхазия, № 14, 19 ноября 1992 г.

⁴³ Грузинское радио, 11 ноября 1992 г. // Отечественная война Абхазии... Т. 1. – Сухум. 2003. – С. 112.

⁴⁴ Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. – М., 1993. – С. 308.

⁴⁵ Иберия-Спектр, № 59, 22-28 декабря 1992 г. – С. 6.

⁴⁶ Маргишвили С. Дрони, 31 августа 2002 г. // Отечественная война... Т. 1. – Сухум. 2003.– С. 196.

⁴⁷ Демократическая Абхазия, № 14, 19 ноября 1992 г.

⁴⁸ Конфликты в Абхазии и Южной Осетии. Документы 1989 – 2006 гг. – М., 2008. – С. 75.

⁴⁹ Демократическая Абхазия, № 17, 2 декабря 1992 г.

⁵⁰ Здесь допущена ошибка. Идея о создании Комитета спасения Абхазии возникла ранее.

⁵¹ <http://www.svobodnaya-gruzia.com/politic/?p=169-170/07>

⁵² Там же.

⁵³ Демократическая Абхазия, № 19, 13 декабря 1992 г.

⁵⁴ Иберия-Спектр, № 60, 29 декабря 1992 г. – С. 12.

⁵⁵ Тарнава Л. Дневник пенсионерки, оставшейся в оккупированном Сухуме 14 августа 1992 года // Абхазский дневник. XX век. В. I. – Сухум. 2008. С. 40.

⁵⁶ Республика Абхазия, № 6, 24 января 1993 г.

⁵⁷ Демократическая Абхазия, № 17, 2 декабря 1992 г.

⁵⁸ Демократическая Абхазия, № 9, 26 февраля 1993 г.

⁵⁹ Демократическая Абхазия, № 16, 29 ноября 1992 г.

⁶⁰ Демократическая Абхазия, № 2, 15 января 1993 г.

⁶¹ Шария В. Абхазская трагедия. Сочи. 1994. – С. 63.

⁶² Китовани Т. Интервью от 13. 02. 2002 г. Видеозапись.

⁶³ Шария В. Абхазская трагедия. – Сочи. 1994. – С. 63.

⁶⁴ «Демократическая Абхазия», № 17, 2 декабря 1992 г.

⁶⁵ Конфликты в Абхазии и Южной Осетии. Документы 1989 – 2006 гг. – М., 2008.– С. 74.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Тарнава Л. Дневник пенсионерки, оставшейся в оккупированном Сухуме 14 августа 1992 года // Абхазский дневник. XX век. В. I. – Сухум. 2008. – С. 37-38.

⁶⁸ Демократическая Абхазия, № 16, 29 ноября 1992 г.

⁶⁹ Правда, 9 декабря 1992 г. // Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 4. – М., 1993. – С. 184.

⁷⁰ Те суровые дни. Хроника Отечественной войны... – Сухум. 2004. – С. 274.

⁷¹ Демократическая Абхазия, № 20, 18 декабря 1992 г.

⁷² Иберия-Спектр, № 59, 22-28 декабря 1992 г. – С. 6.

⁷³ Советская Россия, 26 декабря 1992 г. // Геноцид абхазов. – М., 1997. –С. 486.

⁷⁴ Демократическая Абхазия, №1, 1 января 1993 г.

⁷⁵ Китовани Т. Интервью от 13. 02. 2002 г. Видеозапись.

⁷⁶ Демократическая Абхазия, №1, 1 января 1993 г., Там же, №3, 18 января 1993 г.

⁷⁷ Демократическая Абхазия, №21, 26 декабря 1992 г

⁷⁸ Иберия-Спектр, № 59, 22-28 декабря 1992 г. – С. 6.

⁷⁹ Демократическая Абхазия, № 2, 15 января 1993 г.

B.A. Нишков
(Сухум)

К ЛОКАЛИЗАЦИИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЫ АПСИЛИИ

Более 150 научных работ принадлежит перу известного абхазского ученого З.В. Анчабадзе. Под его редакцией вышло в свет более 40 монографий, сборников, периодических изданий, большое место в которых исследователем было отведено решению проблем этнической, политической и социальной истории древних апсилов и Апсиилии. Много внимания автором было уделено вопросам расселения апсилов и локализации Апсиилии и Мисиминии и т.д. За это время наука сделала значительный шаг вперёд, но, несмотря на некоторые утверждения автора, с которыми современные исследователи не всегда могут быть согласны, для нас его выводы всегда будут и должны являться приоритетом в любой исследовательской исторической работе. Это касается и поднимаемой нами спорной в историографии проблемы – локализация юго-восточной границы Апсиилии.

Пятый век – начало ранней византийской эпохи, эпохи крупных миграций целых племенных объединений. Своё дальнейшее развитие в это время продолжает цебельдинская археологическая культура. Одним из этапов её развития становится распространение её носителей вдоль западнокавказского перевального пути, где ещё более интенсивнее и активнее устанавливаются торгово–экономические и политические связи, во многом зависящие от интереса к данному региону Западного Кавказа Восточно-Римской (Византийской) империи. Общество развивается, главным образом, на основе внутренних производительных сил и резервов. Меняются этнополитические границы, суживается регион обитания многих племён. Этот общеисторический процесс коснулся, отчасти, и апсилов.

Ещё с I–II вв. н.э. на территории Колхиды (в географическом понимании) существовали различные этнополитические образования. Среди них было упомянутое Флавием Аррианом – княжество лазов. Центром его была плодородная Рионская низменность (южная часть). «В 70-х гг. н.э., согласно Плинию, древнекартвельские племена лазов находились вблизи устья р. Апсар (район г. Батуми)».

Он же говорит о реке Роан (Риони) и прилегающей к ней области Кегритика. Наименование Кегритика, скорее всего, тесно связано с этнонимом эгры и названием «Эгриси». Флавий Ариан (137 г.) подчёркивал, что «древнее наименование (*абхазских топонимов*) Апсар-Апсирт потом было искажено подобно тому, как искажены и другие названия». Клавдий Птоломей сообщал: «Приморскую часть Колхиды заселяют лазы, вышележащие местности – манралы и народы, живущие в стране Экретика». Экретика – это, несомненно, плиниевская Кегретика, населённая эграми, в названии которых, как и манралов, угадывается современное название мегрелов (Меликишвили Г.А.), занимающих и теперь близкое указанному Птолемеем положение. После II в. н.э. из письменных источников исчезают все перечисленные названия, за исключением Лазики, включавшей как область приморских лазов, так и манралов и эгров. Тогда лазы стали постепенно оттеснять апсилов от Риона к Ингуру»¹. Таким образом, складывалась карта расселения с начала нашей эры этногрупп, говоривших на картвельском языке.

Вместе с тем, дискуссионной является проблема, где точно могла проходить южная этническая граница расселения древнеабхазского племени апсилов в ранневизантийский период. Так, Л.Г. Хрушкова, ссылаясь на фрагментарные и противоречивые известия письменных источников, на недостаточную изученность археологических памятников, отмечает, что «общепризнанного мнения по проблеме границ расселения апсилов в период перехода от античности к раннему средневековью не существует»². И, тем не менее, попытаемся всё же разобраться в этой проблеме!

Если обратиться к сведениям Прокопия Кесарийского, византийского автора VI века, то можно заметить, что апсилы ещё проживали за рекой Риони. «Так вот река Фасис, … впадает в конечную часть Эвксинского Понта, на краях залива – полумесяца; на оной его стороне, принадлежащего Азии, находился город Петра, а на противоположной стороне берега, принадлежавшего уже Европе, находится область апсилеев»³. Характерно, что Прокопий здесь же, в этой части Северо-Западной Колхиды размещает основное население Лазики – лазов: «Упираясь в эти места, Понт образует береговую линию в виде полумесяца. Длина пути при переезде по этому заливу – полумесяцу составляет приблизительно пятисот

пятьдесят стадий, а всё, что лежит за этой береговой линией, является уже страной лазов и носит название Лазики»⁴. Однако остаётся, судя по описанию, не ясно, где именно находился, в таком случае, ареал проживания апсилов в упомянутом Прокопием регионе, если учесть, что прибрежная линия была заболоченная, а за ней, как, считает византийский историк, находились уже лазы!

Также не определённо Прокопий Кесарийский указывает на то, до каких пределов на севере могли проживать апсилы, где заканчивался второй край «полумесячного» залива». «За Апсилиями и за вторым краем этого «полумесячного» залива по берегу живут абасги, границы которых пробираются до гор Кавказского хребта»⁵. Так, З.В. Анчабадзе было подмечено, что «крайняя северо-западная (приморская) граница Апсиили проходила вблизи нынешнего Нового Афона» или «возможно, что эта граница пролегала по реке Гумиста или несколько восточнее»⁶. Что же касается результатов археологических материалов, то они определённо говорят о том, что к тому времени апсилы жили не иначе как в районе сегодняшнего села Эшера. «Археологические исследования показывают, что самым западным пунктом распространения апсилов в IV–VI веках была Эшера, расположенная, восточнее Нового Афона»⁷.

Для реконструкции этнической ситуации в Восточном Причерноморье (V–VI вв.), а именно для уточнения границ проживания племён в данном регионе Западного Кавказа несомненный интерес может вызывать информация, представленная как в грузинских летописях X–XI веков, так и в армянской географии VII века «Ашхарацуйц». Говоря о доверии местным источникам позднего происхождения, таким как Мовсес Хоренаци, Леонтий Мровели, Джуваншера, не имеющим предшественников, включающим массу легендарного материала, следует заметить, что, в частности, А.П. Новосельцев считал его вряд ли оправданным. Им было справедливо отмечено, что Мровели, писавший в XI в. (*как, впрочем, и Джуваншер – В.Н.*), даже если он и пользовался какими-то источниками V–VII., реальных событий, происходивших задолго до него, знать не мог⁸.

Так, в сочинении автора XI века Джуваншера Джуваншериани «Житие и деяния Вахтанга Горгасала», повествующем о политических событиях в Картли V–VII веков, описывается деятельность

картийского царя V в. Вахтанга Горгасала. Джуваншер повествует о том, как в то время бесчисленные войска овсов полонили Картли и «не овладев долинами картлийскими, (а также) Кахетии, Клардженети и Эгриси», вернулись в Овсети, греки явились из Абхазии, «ибо владели они землями в низовьях Эгрис-цкали, затем захватили земли от низовий Эгрис-цкали и до (крепости) Цихе – Годжи». Далее он пишет: и расспросил кесарь о пограничной с Грецией приморской стране, которая есть Абхазия, и сказал так: «От Эгрис-цкали и до реки Малой Хазарии – это суть рубежи Греции со времён Александра, их ныне ты руками своими отобрал у нас. Теперь же верни их нам и когда в жёны себе возьмешь дочь мою, тогда я и отдам тебе ту страну». И отписал земли между Эгрис-цкали и Клисурой (в качестве) придданого, а прочую Абхазию Вахтанг вернул грекам»⁹. Согласно летописи, речь здесь идёт о том, как царь во главе большого войска картлийского, двигаясь по абхазской дороге, начал завоёывать крепости в Абхазии, воспользовавшись тем, что Леон, царь – греков, был занят в войне с персами. Нас же интересует такой момент, о каких именно пограничных реках, известных сегодня под своими названиями, Джуваншер говорит, упоминая Эгрис-цкали и Клисурой?

В частности, по мнению М.М. Гунба, из этого источника видно, что до «Вахтанга Горгасала территория от реки Эгри до Келасури была составной частью Абхазии. Её от Абхазии отторг император Византии и передал своей дочери»¹⁰. Возникает в этой связи вопрос, что эта была за территория? По мнению исследователя, это была Апсilia (от Ингури до Келасури), которая до конца V века, когда произошло её отпадение, «постоянно являлась составной частью Абхазии», т.е. после 482 года, когда скончалась первая жена Вахтанга Горгасала, и он вторично женился на дочери византийского императора. «Вторичная женитьба Вахтанга, с чем было связано присоединение Апсиллии к его владениям, могла произойти только после 482 года», – заключает М.М. Гунба и дальше замечает: «о факте подчинения Абхазии Лазике не упоминается»¹¹.

Таким образом, автор, интерпретируя данный источник, особенно что касается гидронимики, исходит из тех взаимоотношений, что были между Картли и Византией, ставя тем самым под сомнение существование самой Апсиллии как самостоятельного

политического образования. По мнению О.Х. Бгажба: «Неправильная трактовка данного историко-географического вопроса даёт возможность некоторым комментариям даже склоняться к мысли, что Вахтангу Горгасалу византийским императором была выделена территория между Клисурой (р. Келасури) и Эгрис-цкали (р. Ингур). Говоря современным языком, граница между Абхазией и Грузией должна была бы проходить в то время по р. Келасур, тем самым часть Апсилии тогда отходила бы к Грузии, другая же – к Абхазии (Абасгии), что не соответствует историческим реалиям»¹². Продолжая развивать тему, исследователь отметил, что, «если Клисуре и Келасур – одно и тоже, то тогда все византийские источники и материальная культура Апсилии оказываются ложными – местных раннеклассовых образований не существовало, а было два государства «Греция и Грузия», граница между которыми проходила по современной р. Келасур, где «греками» (по логике рассуждений) и были сооружены соответствующие оборонительные заслоны»¹³. Тот же самый Джуваншер даёт, по мнению Ю.Н. Воронова, наиболее конкретное указание местонахождения Клисур в его описании вторжения Мурвана Кру в Эгриси-Лазику и Апшилию-Апсилию¹⁴. В частности, он отметил, что Клисуре Джуваншера следует однозначно локализовать «в долине Риона, включая в её оборонительную систему Цихе – Годжи (Археополь), который, согласно тому же Джуваншеру, играл роль пограничного пункта между «Грецией» и владениями Вахтанга Горгасала в Колхиде. Поэтому, заключает исследователь, на вопрос о локализации Клисуре Джуваншера я отвечаю однозначно – она располагалась на территории внутренней Лазики»¹⁵.

Если вспомнить, Джуваншер говорит о Клисуре, выступающей у него сначала в источнике как «Клисурская стена», и о трёхградной крепости Цихе-Годжи, как о преодолённых оборонительных узлах в Западной Грузии арабским военачальником, перед которым путь в Апсилию и дальше был открыт, и ему уже ничего не мешало войти в Клисуре, «которая в то время являлась границей между Грецией и Грузией»¹⁶, т.е. между Абхазией, зависимой от Византии, и Лазикой- Эгризи.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на проблему локализации упомянутой Джуваншером р. Эгрис-цкали, имеющей

«большое значение для установления этнических и политических границ Эгриси (Егерия) того или иного периода», поскольку «диапазон её локализации в современной историко-географической литературе колеблется от Кодора до Риони»¹⁷, и тем самым какая-то часть территории апсилов оказывается под влиянием Лазики-Эгриси. Например, некоторые исследователи (З.В. Анчабадзе, Г.В. Цулая и др.) реку Аалзга//Галидзга отождествляют с Егриси, Егрисцкали древне-грузинских источников. З.В. Анчабадзе полагал, что это была река Галидзга, по ней проходила «южная этническая граница Апсиили»¹⁸. Между тем как по мнению других (С. Т. Еремян, И.А. Джавахишвили, В. Ф. Бутба и др.), данная река никогда так не называлась. Некоторые авторы: М. Броссе, С.Н. Карабадзе, М.М. Гунба, С.Н. Джанашти отождествляют Эгрис-цкали с р. Ингур. Однако, по мнению Ю.Н. Воронова и О.Х. Бгажба, только после VIII в. было перенесено наименование Эгрис-цкали к берегам Ингура (древний Хобос), до этого времени Эгрис-цкали – правый берег р. Риони (Фасиса), там, где в раннем средневековье находились центральные области Лазики – Эгриси (Плиний, Птоломей, Прокопий, Агафий)¹⁹.

Следуя информации, представленной в армянской географии «Ашхарацуйца», страна Егер «находится к востоку от Понтийского моря, близ Сарматии, и сопредельна с Иверией и Великой Арменией». Здесь же Азиатская Сарматия «простирается вдоль Кавказских гор у Грузии и Албании до Каспийского моря», Иверия расположена к востоку от Егера, в смежности с Сарматией у Кавказа²⁰. То есть, из описания видно, что Эгриси располагалась в Западной Грузии. Анализируя данный текст Ашхарацуйца, Г.Д. Гумба отметил, что «Азиатская страна Колхида, которая есть Егр, простирается по Восточному Причерноморью от Трапезунда и Каппадокийского Понта на юго-востоке до границ Абхазии по реке Техури и нижнего течения Риони на северо-западе; с севера Егр (Эгриси) ограничивается Эгриским и Рачинским хребтами; на востоке, по реке Квирила и Месхетинскому хребту, по западной окраине Тайка (Тао) и Каппадокийского Понта — с Великой Арменией»²¹.

Не согласившись с отождествлением Эгрис-цкали со срединным и верхним течением р. Риони, так как этому, на взгляд Г.Д. Гумба, противоречат, прежде всего, сведения «Ашхарацуйца» и

грузинских источников, он заметил, что при индентификации р. Эгриц-цкали исследователи упускали весьма существенный момент, а именно то, что в древнегрузинских источниках р. Эгриц-цкали чаще всего выступает «как граница Егриси, в те или иные периоды, а так как, этот гидроним употребляется в картлийских источниках, то в них, соответственно, фиксируется граница Картли с Эгриси, а не граница Абхазии с Эгриси». Далее, комментируя грузинский источник «Мокцевай Картлисай» («Обращение Грузии»), согласно которому именно по реке Эгриц-цкали проходит граница между Картли и Эгриси ещё со времён становления Картлийского царства, исследователь заключил, что «идентификация реки Эгриц-цкали Джуваншера находится в прямой зависимости от определения границы Картлийского царства с Эгриси в раннем средневековье. Эта граница устанавливается достаточно точно»²².

Таким образом, акцентировав внимание на том, что «при определении границы Картлийского царства с Эгриси необходимо учитывать, что в армянских и грузинских источниках термин «Егр» («Эгриси») употребляется в двух смыслах: узком, этническом и широком, географическом значениях», Г.Д. Гумба, опираясь на сведения «Ашхарацуяца» и свидетельство Леонтии Мровели, приходит к выводу, что по реке Квирила «проходила граница Картлийского царства с Эгриси и р. Эгрис-цкали, являвшейся по древнегрузинской исторической традиции границей Картлийского царства с Эгриси ещё со времён Александра Македонского», а также, «границей не только между Картлийским царством и Эгриси, но служила линией раздела сфер влияния на Южном Кавказе в I тыс. до н.э. между крупнейшими державами того времени: Римом и Персией, Византией и Персией»²³. Подводя итог, автор заключил: «имеющиеся в нашем распоряжении материалы дают достаточно основания для отождествления Эгрис-цкали Джуваншера с р. Квирила. Здесь, по р. Эгрис-цкали (Квирила) проходила этнополитическая граница Эгриси с Грузией (Картли), а на западе по реке Техури (или Клисуре, Цихе – Годжи) – с Абхазией (Апсилия)» и такая ситуация сохранялась до VIII в.²⁴ Скорее же всего, западная этнополитическая граница Эгриси-Лазики, если проходила по р. Техури, то до VI в., после, с расширением влияния Лазики, граница непременно должна была отодвинуться в сторону Ингура, по-

скольку, «к VI в. лазы оттеснили апсилов примерно к р. Ингур»²⁵.

Тем самым с этого времени чётко устанавливается этнополитическая граница по р. Ингур между Апсилией и Лазикой. Подтверждением этому могут служить сведения древнеармянской рукописи (VII в.) «Ашхарацуйц», в которых сказано о реке Дракон: «...до города Питинунта (Pityus) на морском берегу страны Авазов (Abasgi), где живут Апшилы и Абхазы до приморского своего города Севастополиса (Dioscurias), и далее до реки Дракона, текущей из Агван (не Албании) и отделяющей Абхазию от страны Егер»²⁶. Сразу, что бросается в глаза, судя по этому летописному своду, локализация страны Аваза ведётся в направлении с севера на юг, до реки Дракон, за которой начинается Эгриси. Однако, где же могла течь эта река со столицей, по мнению Г.В. Цулая, мифическим названием? Хотя, правда, для В.Ф. Бутба она не является такой уж мифической, и он довольно конкретно, опираясь на сведения Агафия Миринейского, увязывает её с рекой Цхениц-цкали – правым притоком Риони, которая в источнике византийского автора упомянута как Докон. Действительно, если внимательно присмотреться, река Докон как-будто и есть Цхениц-цкали. Но насколько правильным будет сопоставление Дракона с Доконом? Возможно, что здесь мы имеем дело с одним из случаев народной этимологии, когда автор или редактор, знавший греческий язык и мифологию, осмыслил непонятное ему название²⁷. Как заметил В.Ф. Бутба, «концепция Дракон-Докон – Цхениц-цкали строится не только на основе внешнего звучания терминов, но также на анализе вопросов исторической географии и этнополитического положения региона по данным синхронных источников»²⁸.

И всё же, как кажется, р. Дракон, находилась выше, впадая в Чёрное море. По мнению Г.В. Цулая: «не включив в состав Колхиды – Егер территорию расселения апхазов и апшилов, автор древнеармянского сведения тем самым ещё раз засвидетельствовал, что эти земли не входили в пределы Лазского царства (Эгриси)»²⁹, что в данном случае идёт вразрез с концепцией В.Ф. Бутба о локализации р. Дракон в Западной Грузии, в названии которой, так или иначе, но отражается мифическое животное. По всей видимости, «Драконовой» могли назвать реку, которая ассоциировалась с мифическим зверем, или в ущелье которой легенда помещала драконово

лежбище. Самый известный колхидский дракон – это тот, который стерёг золотое руно. Люди античной эпохи живо интересовались мифами и соотносили события с конкретными географическими объектами», «видимо, с рекой, текущей из глубины сванских гор, легенда связывала и дракона, стерегущего золото»³⁰. Так, анализируя древнеармянский текст, Ю.Н. Воронов и О.Х. Бгажба сделали вывод, что Севостополис соответствует современному Сухуму, а р. Дракон (Вишап) – р. Ингур, верховья которой до Бухлоона-Буколоса были в тот период включены в пределы Алании. Поэтому граница между Абхазией и Грузией, говоря современным языком, проходила в VII в по р. Ингур (так было ранее – в VI в. и позднее, в середине VIII в.).»³¹.

И такая концепция уже имеет под собой реальную основу. Как известно, Агафий Миринейский – первый из византийских историков, сообщающий, в связи с восстанием мисимиан, о Мисиминии, восточные районы которой передаются Византией аланам, т.е. до р. Ингур, где пролегал Мисимианский путь, частично находившийся в зависимости от политической власти Аланского царства и проходивший, в частности, по сведению византийского летописца конца VI в. Менандра Протектора, вблизи сванов. Здесь же находилась крепость Бухлоон – самый восточный предел Мисиминии. Таким образом, согласно анализу приведённого ранневизантийского письменного материала, территории Апсиллии и близкой к ней Мисиминии в ранневизантийское время (VI–VIII вв.) доходила до Ингура. Подтверждением этому также может служить отсутствие апсилийского археологического материала в Западной Грузии с этого времени.

Примечания

¹ Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии с древнейших времён до наших дней. – Сухум, 2007. – С.111.

² Хрущкова Л.Г. О религиозных верованиях апсиллов (IV–VII века)// Известия Абхазского института ЯЛИ. Вып. XII. – Тб.,1983. – С.76.

³ Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках. – М.,1996. – С.17.

- ⁴ Прокопий Кесарийский. Указ. соч. – С.15.
- ⁵ Прокопий Кесарийский. Указ. соч. – С. 18.
- ⁶ Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). – Сухуми, 1959. – С. 8.
- ⁷ Воронов Ю.Н. В мире архитектурных памятников.– М.,1978. – С.39.
- ⁸ Новосельцев А.П. Генезис феодализма в странах Закавказья (опыт сравнительно-исторического исследования). – М.,1980. – С. 167.
- ⁹ Джуаншер Джуаншириани. Жизнь Вахтанга Горгасала. Перевод, введение и примечания Г.В. Цулая. – Тб, 1986. – С. 61.
- ¹⁰ Гунба М.М. Об автохтонности абхазов в Абхазии // Абхазоведение. История. Археология. Этнология. Вып.1. – Сухум, 2000. – С. 84
- ¹¹ Гунба М.М. Абхазия в первом тысячелетии н.э. (социально-экономические и политические отношения). – Сухуми, 1989. – С.164.
- ¹² Бгажба О.Х. Где проходила «Клисура» Джуаншера // Абхазоведение. История. Археология. Этнология. Вып. 2. – Сухум, 2003. – С. 64.
- ¹³ Бгажба О.Х. Указ. соч. – С. 64
- ¹⁴ Воронов Ю.Н. Древняя Апсilia. Источники. Историография. Археология. – Сухум., 1998. – С. 76.
- ¹⁵ Воронов Ю.Н. Древняя Апсilia. – С.76.
- ¹⁶ Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. Тексты собрал, перевёл на русский язык, предисловием и комментариями снабдил Амичба Г.А. – Сухуми, 1986. – С. 28.
- ¹⁷ Гумба Г.Д. К вопросу идентификации р. Эгрис-цкали Джуаншера Джуаншириани // Абхазоведение. История. Археология. Этнология. Вып. III. – Сухум, 2004. – С. 80.
- ¹⁸ Анчабадзе З.В. Указ. соч. – С.7.
- ¹⁹ Бгажба О.Х. Указ. соч. – С. 66.
- ²⁰ Из нового списка географии, приписываемого Моисею Хоренскому // Журнал министерства народного хозяйства. Ч. 226. Пер. Патканов П. – С.-Пб.,1883.
- ²¹ Гумба Г.Д. Указ. соч. – С.85.

²² Гумба Г.Д. Указ. соч. – С. 85.

²³ Гумба Г.Д. Указ. соч. – С. 87.

²⁴ Гумба Г.Д. Указ. соч. – С. 88.

²⁵ Бгажба О.Х., Лакоба С.З. Указ. соч. – С. 82.

²⁶ Из нового списка географии, приписываемого Моисею Хоренскому // Журнал министерства народного хозяйства. Ч. 226. Пер. Патканов П. – С.-Пб., 1883. – С.30.

²⁷ Бутба В.Ф. Указ. соч. – С. 85.

²⁸ Бутба В.Ф. Указ. соч. – С. 163.

²⁹ Цулая Г.В. Описание Колхиды и сведения об абхазах в армянской «Географии VII века»// Ономастика Колхиды. Орджоникидзе, 1980. – С.76.

³⁰ Анчабадзе З.Г. К проблеме идентификации гидронимов «Егриецкали» и «Дракон» // Первые Международные инал-иповские чтения. (Сухум, 9-12 октября 2007 г.). – Сухум, 2011. – С. 269.

³¹ Воронов Ю.Н. Древнеабхазские племена в римско-византийскую эпоху//История Абхазии. – Сухум, 1991. – С. 68; Бгажба О.Х., Лакоба С.З. Указ. соч., – С. 142.

Kapta:

Карта раннего и позднего расселения древнеабхазского населения в Западном Закавказье.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО И СЕВЕРОИРЛАНДСКОГО КОНФЛИКТОВ

Последнее десятилетие уходящего столетия отмечено резким возрастанием числа конфликтов, которые можно охарактеризовать как международные и межэтнические. Возникшие в различных исторических реалиях, по-разному развиваясь, они, тем не менее, в большинстве своем, сталкиваются с одними и теми же проблемами, которые в свою очередь, могут иметь идентичные подходы к разрешению.

Именно в силу этого обстоятельства разрешение того или иного конфликта может стать прецедентом для решения другого. Естественно, при этом каждый из конфликтов сохраняет свою специфику.

Актуальность темы исследования определяется тем, что проблема этнополитических конфликтов, выработка технологий их предупреждения и мирного урегулирования остается одним из важнейших направлений в этнополитической конфликтологии. Между тем, последняя четверть двадцатого века опровергла прогнозы политиков и многих научных школ о неизбежности стирания локальных этнических различий в процессе европейской глобализации. Она прошла под знаком мощного возрождения этнического самосознания и роста этнического национализма. Многие европейские государства столкнулись с проблемой этнических конфликтов. Валлония, Бретань, Северная Ирландия, Корсика, Страна Басков, Фрисландия, Фареры, Южный Тироль и другие «этнические» области стали ареной возникновения национальных партий и тайных военизованных отрядов, выступающих под лозунгами отделения и создания собственной государственности. Во многих странах Западной Европы прогремели взрывы, прошли акции протестов против дискриминации этнических меньшинств. Общим порывом роста этнического самосознания оказалась охвачена и Великобритания – страна, длительное время считавшаяся образцом устоев либерально-гражданской культуры. В 70-е годы возросло влияние Шотландской национальной партии, оформилось движе-

ние за автономию в английском Корнуолле. Однако регионом, вызывающим наибольшее беспокойство правительства, оставалась и остается Северная Ирландия (Ольстер), эта, по выражению Б.Шоу, «ахиллесова пятна Англии». Только за период активной стадии конфликта в Ольстере с 1969 по 1979 годы в каждой шестой североирландской семье кто-либо погиб или получил ранения¹.

По данным английского исследователя Т.Кугана, с 1971 по 1979 гг. в Белфасте прогремели 6143 взрыва, погибли 1475 гражданских лиц, 380 солдат². Актуальность данного исследования объясняется наличием сходной по природе собственной проблемы. Грузии еще предстоит решить вопрос о политическом статусе уже де-юре признанной страны Абхазии, при этом понимая, что решение грузино-абхазского конфликта силовым методом невозможно. Североирландский и грузино-абхазские конфликты, несомненно, имеют значительные различия, однако определенные политические параллели, очевидно, просматриваются. Это, касается, прежде всего, актуальности таких проблем, связанных с применением терроризма, как дестабилизация общества и воздействие публичных террористических актов на общественное сознание; наличие внешних каналов финансирования террористических организаций; нерешенность вопросов о политическом статусе территорий. Кроме того, важен опыт ведения переговоров в Северной Ирландии, достигнутый расколотым избираторатом на выборах. В связи с обстоятельствами, этнополитическое исследование конфликта, причин и методов возникновения конфликта в Ирландии, урегулирования конфликта в Северной Ирландии является актуальным и имеет определенную практическую значимость и для Абхазии, т.к. среди проблем, существующих в современном абхазском обществе, достижение устойчивого и прочного гражданского мира на основе консенсуса выглядит как первоочередная задача, без ее решения невозможно не только продвижение Абхазии по пути демократических реформ, но и сохранение целостности государства в его прежних границах.

На Кавказе имели место ряд конфликтов, которые особо стали проявляться после раз渲ла биполярной системы, раз渲ла Советского Союза, и которые можно было охарактеризовать, как многомерные, т.е. в них наличествовало противостояние между

государством и нацией, между различными конфессиями, между этническим большинством и меньшинством. Этнический и религиозный факторы являются заметными составляющими открытых конфликтов в пост-биполярный период. Виктор Анатольевич Авксентьев выделяет пять видов этнических конфликтов: этнотERRиториальные, этноэкономические, этнопрофессиональные, этнолингвистические, и этноконфессиональные конфликты. ЭтнотERRиториальные конфликты, самые распространенные, т.к. идея национальной автономии, и тем более, суверенитета тесно связана с географическими и историческими ареалами проживания. Из всего приведенного перечня конфликтов именно под этнотERRиториальный подпадают грузино – абхазский и североирландский конфликты, также этнолингвистический компонент довольно часто является этапом в развитии современных конфликтов. Предметом этнолингвистического конфликта является языковая политика государства, объектом- статус языков в этнолингвистической иерархии общества³. В годы колонизации двух маленьких стран Абхазии (XIX в.) и Ирландии (XVII в.) государствами – колонизаторами проводилась именно языковая политика, когда в обоих случаях запрещали разговаривать на родном языке, издавать газеты и журналы, художественную и другую литературу. Вопреки желанию учащихся и их родителей, детям абхазов и ирландцев разрешалось учиться только в грузинских школах, и английских школах. Говоря о конфликтах в западно-европейском регионе следует выделить Северную Ирландию, Страну Басков, Каталонию, Корсику. Многие западные ученые полагают, что конфликты в Западной Европе находятся в состоянии устойчивого равновесия.

Получается, что грузино-абхазский и североирландский конфликты имеют как общие черты, так и различия. К примеру, абхазы, как и ирландцы, на всем протяжении своей истории вынуждены были бороться с более многочисленными соседями за сохранение своей национальной самостоятельности, культуры, языка, государственности и просто за свое физическое выживание.

Отличные друг от друга природа и развитие грузино-абхазского и североирландского конфликтов диктуют различные подходы к его разрешению:

В случае с Абхазией, несмотря на восстановление контроля абхазских властей над всей территорией республики война не закончена. Войне между Абхазией и Грузией может положить конец только мирный договор, в котором были бы безоговорочно признаны итоги войны 1992 – 1993 гг. и воинской операции по освобождению верхней части Кодорского ущелья в августе 2008 года. Однако 26 августа Президент Д.Медведев «руководствуясь положениями Устава ООН, декларацией 1970 года о принципах Международного права, касающихся дружественных отношений между государствами, Хельсинским Заключительным актом СБСЕ 1975 года, другими основополагающими международными документами» подписал Указы о признании Российской Федерации независимости Южной Осетии и Абхазии. Указ «О признании Республики Абхазия» предусматривает:

1. Учитывая волеизъявление абхазского народа, признать Республику Абхазия в качестве суверенного и независимого государства.
2. Министерству иностранных дел Российской Федерации провести с Абхазской стороной переговоры об установлении дипломатических отношений и достигнутую договоренность оформить соответствующими документами.
3. Поручить Министерству иностранных дел Российской Федерации провести с участием заинтересованных федеральных органов исполнительной власти переговоры с Абхазской Стороной о подготовке проекта договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи и представить в установленном порядке предложение о его подписании⁴.

При этом Грузия рассматривает грузино-абхазский конфликт как территориальную проблему. Война 1992–1993 гг. стала высшей стадией грузино-абхазского конфликта, в основе которого, с одной стороны, лежит стремление абхазов обеспечить свое национальное, да и физическое выживание, а с другой – стремление грузин добиться в кратчайшие сроки национальной консолидации собственного этноса и создать моннациональное грузинское государство на территории с многонациональным населением и внутри совершенно искусственных границ. Переговорный процесс может вестись по формуле статус плюс безопасность в регионе.

В варианте североирландского совершенно упускается из виду сама многосторонность переговоров, создавших не «срединный альянс», как в 1970-е годы, а целую систему взаимоотношений между всеми сколько-нибудь влиятельными партиями региона при активном участии британского и ирландского правительства. Это достижение явилось результатом кропотливой и продолжительной работы британского, ирландского и американского правительства, а также ряда партий, движений и международных организаций, из года в год выдвигавших различные «инициативы», публиковавших «белые книги» и предложения по урегулированию и, наконец, проводивших целенаправленную политику в отношении конфликта и отдельных его участников. «Декларация Даунинг Стрит» от 15 декабря 1993 г. обозначила собой начало т.н. «мирного процесса», который приведет Северную Ирландию к Соглашению Страстной Пятницы 1998 г. и завершению «горячей фазы» конфликта. Ирландское правительство согласилось на устраниние статей II и III из ирландской конституции (которая требовала включения территории Северной Ирландии в состав Республики). После «Белфастского соглашения» 1998 г. создается сильное коалиционное правительство с совместным представительством протестантов и католиков и разветвленная система местного самоуправления. В 1990-е гг. создается уже не «срединный альянс», как в 1973-76 гг., а система взаимодействия между всеми сколько-нибудь влиятельными партиями региона при активном участии британского и ирландских правительств. И республиканцы, и крайне правые юнионисты не были исключены из этой схемы.

В варианте грузино-абхазского конфликта стороны с самого начала возникновения конфликта вели переговоры, тогда как в североирландском конфликте это стало возможным с 1990 – х годов.

В грузино-абхазском конфликте есть два взаимопризнаваемых факта – конфликтующие стороны – Грузия и Абхазия, тогда как в североирландском конфликте выделяется несколько противоборствующих сил. Так, можно назвать следующие противоборствующие альянсы: 1) католики-протестанты; 2) националисты-лоялисты; 3) республиканцы-юнионисты. И следует иметь в виду, что каждый из этих альянсов имел (и продолжает иметь, несмотря на перемирие) свои парамилитаристские группировки. Так лояли-

сты – непримиримые юнионисты (главным образом, протестанты), которые гордятся своей верностью британской короне и государству, противятся большему вовлечению ирландского правительства в политическую жизнь Северной Ирландии и поддерживают любые меры по укреплению унии с Великобританией и юнионистских культурных традиций. Термин «лоялист» иногда, хоть и не всегда, применяется исключительно в отношении тех, кто приемлет использование силы полувоенными группировками для защиты союза. Националисты же считают, что Северная Ирландия является частью ирландской нации и что это должно быть отражено в политическом устройстве. Умеренные националисты, такие как члены Социал-демократической и лейбористской партии (СДЛП), как правило, подчёркивают важность достижения политических перемен с согласия народа Северной Ирландии. Националисты часто, хотя и не всегда, являются выходцами из католической общины. Они также желают укрепить ирландские культурные традиции, в том числе ирландский язык. Термин «республиканцы» иногда, хоть и не всегда, используется для обозначения тех, кто допускает применение силы, чтобы добиться объединения Ирландии. Под республиканским движением обычно имеются в виду партии Шин Фейн и ИРА. Юнионисты выступают в поддержку статуса Северной Ирландии в составе Соединённого Королевства. Они традиционно являются протестантами и противятся участию Ирландской Республики в делах Северной Ирландии. Очень часто имели место и внутриобщинные «разборки».

Таким образом, в грузино-абхазском конфликте достигнут консенсус: обе стороны признают необходимость разрешения проблемы окончательного статуса Абхазии. Только у каждой из сторон своя интерпретация этого статуса. Абхазия видит себя независимым государством, субъектом Международного права. Тогда как, Грузия видит Абхазию лишь частью Грузии. В североирландском конфликте есть признаваемая обеими сторонами проблема *статуса* Северной Ирландии, далее следует принципиальное расхождение: Великобритания считает первоочередной проблему обеспечения безопасности, тогда как ирландские католики сводят все к проблеме восстановления своей территориальной целостности.

Вместе с тем, несмотря на приведенные, очень существенные различия, отмечу ряд особенностей и проблем, которые не только позволяют проводить определенные параллели, но и по ряду позиций сближают их. Основное сходство заключается в том, что

– в основе обоих конфликтов лежит нарушение одного из основополагающих принципов Международного права – права наций на самоопределение;

– и Абхазия, и Северная Ирландия, по сути, ведут национально-освободительную борьбу за создание независимого государства, и рассматривать эти конфликты только как сугубо внутренние проблемы соответственно Грузии и Великобритании – неправомерно. Однако с августа 2008 года, как отмечалось выше, Абхазия становится полноправным субъектом Международного права.

Следует отметить также, что для обоих конфликтов был и остается характерным блок идентичных ключевых проблем:

- проблема статуса;
- территориальная проблема;
- проблема обеспечения безопасности;

По сути, вокруг этого блока фокусируются все ведущиеся переговоры, как по абхазской, так и североирландской проблеме. Хотя каждый конфликт уникален и возникает при конкретных обстоятельствах, споры между группами людей по вопросам национальности, идентичности и государственности имеют также и универсальные моменты. Вот почему полезно изучать мирные процессы в других частях света: всегда есть уроки, которые можно извлечь из успешных или даже неудачных попыток установления мира и которые можно применить к своей собственной ситуации.

Примечания

¹ Кожушко Е.П. Современный терроризм: анализ основных направлений. – Минск, 2000. 182.

² Coogan T. The IRA. -L., 2000. P. 382.

³ Барышников Д.Н. Конфликты и мировая политика: учеб.пособ. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Восток – Запад, 2008. – С.192.

⁴ Авидзба А.Ф. Отечественная война (1992 – 1993 гг.). Вопросы военно-политической истории Абхазии. – Сухум, 2008 г. – С. 480, 481.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИСТОРИЯ РОДА АЧБА

Мы хотим ознакомить читателей с небольшой подборкой материалов из истории древнего абхазского рода, которые на наш взгляд, будут интересны всем, кто интересуется историей абхазов. Это «Именные посемейные списки», составленные в 1869 г. Сухумской сословно-поземельной комиссией, материалы, посвященные судьбе представителей рода Ачба на чужбине – в Турции, предание о происхождении рода Мачабели, опубликованное на абхазском языке С.Л. Зухба и переведенное нами на русский язык.

А.Х. Агуажба

Именные посемейные списки лиц, признанных к привилегированным сословиям населения бывшего Сухумского отдела

Список лиц и семейств, бесспорно принадлежащих к фамилиям сословия тавад

Л.8

Род Ачба

1.Потомки Керек

1.Решид сын Квапа

жена его Чич

сыновья: Квадж, Петруш

Братья Решида: Саатгирей, Ширинбей

2.Чапияг сын Квапа

жена его Чич

сын Кегус

брать Чапияга Гыд

жена его Алдысхан

сын их Саби.

3.Халил сын Қвапа

жена его Сельма

сыновья: Мустафа, Дапетан

брать Халила Солох

4.Мясоуст сын Шарахмета

жена его Казырхан

сын Албуз

л.8 об.**5.Селым сын Шарахмета**

жена его Чич

сыновья: Халыбей, Мустаабей, Саатбей

дочери: Пенба, Эсма

6.Толупар сын Смеля

жена его Замха

сыновья: Мурзакан, Мустафа, Муса

дочери: Алдысхан, Инджа-ханым, Алмасхан

7.Пшахан сын Состангаза

брать его Хатуг

8.Бекир сын Сосрана

жена его Чич

сын Гыд

дочери: Эшаханым, Хиджгүр

л.9.**9.Чичин сын Сосрана**

жена его Елизавета

дочь Екатерина

II.Потомки Тархана**а) Линия Даура****10.Дадух сын Даруква****11.Мурзакан сын Даруква****12.Решид (Георгий) сын Мясоуста**

жена его Уручхан
сыновья: Висарион, Махт

13. Алхаз сын Даруква

жена его Мусугда
сын Дмитрий

14. Титу сын Даруква

жена его Абгенаш
сын его Узбек
дочери: Чичин, Хута

15. Титу сын Смеля

жена его Марьяна
сын Григорий
дочь Елена

л.9 об.

16. Ахмед сын Левана

жена его Фатыма
сыновья: Бата, Хыгу, Тамшук, Зоусхан, Саатгирей
дочь Захайда

б) Линия Учана

17. Беслан сын Каца

жена его Тагвагва
дочери: Захайда, Дзыркуй
брать Беслана Сосран

в) Линия Шарахмета

18. Беслан сын Шарахмета

жена его Алдысхан
дочери: Мыкыд, Татей, Нина

19. Сосран сын Шарахмета

жена его Мадлаисхан

л.10.

20.Куджмахан сын Омера
сестра его Тагутвагу
сын Тада – брата Куджмахана Джбук

21.Хаджалабей сын Омара

22.Мурзакан сын Тагу
сестра его Яка
мать их Малихан

23.Шик (Херипс) сын Эдирбея
мать его Уручхан

24.Чапияг сын Бежа
жена его Ханза
сыновья его: Мурзакан, Жана
дочь его Гучия

25.Квадж сын Бежа
жена его Эзаханым
дочь их Яка

III.Потомки Безруква

26.Мурзакан сын Мясоуста
жена его Абгенаш
сыновья: Мачидбей, Махарбей
дочери: Хекур, Чич

л.10 об.

27.Кизильбек сын Мясоуста
сестры его: Чич, Алмасхан
мать Матмахан

IV.Потомки Амлеза а.Линия Ахтаула

28.Таш сын Халыбея
братья его: Омар, Гудж

29.Отар сын Константина

сын Кваджа
сестра его Камчич
мать их Макрина

30.Кац сын Хамурза

жена его Барбала
сыновья: Чагу, Гач, Никонос
дочь Чучи

л.11

31.Пахвала сын Безруква

мать их Елизавета

32.Ахтаул сын Сосрана

жена его Геришхан
дочери: Анна, Ирина

33.Чапияг сын Джамлета

брат его Кишмей
жена Кишмеля Есуки
сыновья Кишмеля: Хабуг, Иван
брать Чапияга и Кишмеля – Мурзакан

34.Жигва сын Джамлета

жена его Джарымхан
сын их Узбек

35.Сосыркva сын Гудза

жена его Эсмаханым
сыновья Иван, Солах, Наирбей, Бата

л.11 об.

Давид

дочери: Качуч, Анна, Чич

36.Кизильбек сын Гудза

жена его Марта

сыновья: Титу, Соломон, Иван

дочь Мелита

37.Тайя сын Тенгиза

жена его Эка

сын Иларион

38.Мурзакан сын Тенгиза

брать его Чагуна

39.Беслан сын Ширвана

6.Линия Шарахмета

40.Даур сын Асланбея

жена его Такуи

сыновья: Нахарбей, Цкоку

дочери: Сельмаханым

Гегеша

41.Джамлет сын Тада

брать его Леван

л.12.

сестры, Котачичи, Кваквала, Марфа

мать их Чич

42.Василий (Салыбей) сын Даруква

жена его Мариам

сыновья: Бартоломе (Тархун), Спиридон (Француз), Мехмедгирей, Алмасхид, Тоскач
сын Сарлыпа, брата Салыбая – Мурзакан

43.Соломон (Гыд) сын Беслана

жена его Марфа

дочери: Нина, Кесария, Пелагея, Миноша, Анна

дочери Бадра, брата Гыда – Таташ, Кека

л.12 об.

44.Манча сын Тагу

сестры его: Анна, Макрина

мать их Чич

45.Дмитрий сын Беслана

жена его Елизавета

сын Александр

дочери: Макрина, Христина, Матрена

дочь Темира, брата Дмитрия – Кваквала

46.Хабуг сын Куджмахана

жена его Макрина

47.Шахватыл сын Бата

сестра его Чич

48.Дата сын Кягуса

жена его Варвара

братья Дата: Кизильбек, Самсон (Кимшиш)

л.13

сестры его: Таташа, Эсьмаханым

49.Дзидзи rhva сын Заусхана

мать его Эшаханым

50.Тада сын Мутыбея

жена его Кваквала

сын Азгоу

в.Линия Манча

51.Квадж сын Ростома

жена его Эсьмахан

сыновья: Баргвала, Чагу, Караман, Кончобей

V.Потомки Кыробия

52.Кончоба сын Хохулаба

жена его Елисавета

53.Омар сын Хохулаба

мать их Фадина

л.13 об.

VI.Потомки Берзуха

а.Линия Хутения

54.Вдова Дзоки сына Эристо

Анисия

55.Георгий сын Эристо

сын Григорий

мать Мария

56.Чагу сын Эристо

жена его Мария

сыновья: Дмитрий, Александр, Леван

дочь Макрина

57.Александр сын Учана

жена его Пелагея

матерь Садельхан

жена умершего брата Бата – Кетевана

58.Коста сын Учана

жена его Марта

дочери: Деспина, Саломея

брать Коста, Кягус

л.14.

59.Вдова Сарлыпа, сына Зураба – Елисавета

дочери ее: Гвабханаша, Барабайя, Кеса, Нино, Софья, Джаримхан

60.Тагу сын Зураба

жена его Татика

сыновья: Александр, Николай
дочери: Марта, Таташа

61.Леван сын Болхуха

жена его Софья
сыновья: Еран, Нестор
дочери: Кеса, Татгук

62.Манча сын Болхуха

жена его Арухан
дочь Барбала

л.14 об.

63.Вдова Тада, сына Джамлета Хварандза

64.Константин сын Бежа Джамлета
братья его: Иван, Висарион, Александр
сестры: Ануся, Барбале

65.Эдербей сын Бежа Зурабова

братья его Мурзакан, Махмуд, Зоусхан

66.Квадж сын Зураба

67.Чанто сын Маху
жена его Агата
сыновья: Александр, Кация
брать Чанто Ширинбей
мать его Эка

68.Леван сын Хиту

жена его Пелагея
мать их Батула

л.15.

69.Леван сын Мурза

6.Линия Георгия

70.Берзух сын Мисоуста

брат его Чагу

сыновья их: Александр, Михаил

дочь их Елисавета

71.Манучар сын Тляпса

72.Тада сын Тляпса

жена его Анна

сыновья: Георгий, Спиридон, Григорий, Дмитрий, Александр

жена Александра Мариана

дочери Тада: София, Елена, Минадора

73.Тарас сын Зураба

Эристо сын Далатмурза

жена его Елена

сын Михо

дочь Васаси

л.15 об.

75.Мурзакан сын Тляпса

жена его Екатерина

сыновья: Квадж, Гуда, Алексей, Михаил, Чанто

жена Чанто Матрена

дочери его: Саломея, Елена

Дочери Мурзакана: Варвара, Нина

76.Петр сын Кваджа

брать его Давид

сестры их: Кесария, Елисавета

мать их Кетеван

77.Квадж сын Хохулоба

жена его Циса

дочь Мария
брать Кваджа Саатбей

л.16.

78.Ширинбей сын Каця

жена его Елизавета
брать его Мурзакан
жена Кваквала
сын их Алексей

79.Дата сын Мурзакана

сын Михаил
дочь Надежда
брать Дата Давид

80.Манучар сын Темурква

жена его Макрина
сыновья: Нико, Григорий
дочери: Марья, Саломея, Саби

81.Михаил сын Каця

жена его Мелики
сын Елизбар
дочери: Сириноза, Мелики, Деспина
брать Михаила Бахва
сын его Константин

л.16 об.

дочери: Эсьма, Кваквала, Нина, Мелика

82.Кация сын Тиарбея

братья его: Григорий, Александр
мать их Фут

83.Бата сын Хиту

жена его Чичу

сыновья: Георгий, Беслан
дочери: Нина, Джарамхан, Кваквала

84.Тагу сын Хиту

85.Баха сын Хиту
жена его Кетевана
сыновья Гыд, Коста
дочь Елизавета

86 Леван сын Хохулоба
жена его Екатерина

л.17.
сыновья Давид, Константин
дочь Марта
сестра Левана Бату

87.Батуйя сын Хиту
жена его Марта
сын Махаз

88.Эристо сын Учардия
жена его Елена
сын Михо
дочь Васаси

VII.Потомки Дудара

89.Тада сын Асланбекя
жена его Анна
дочь Екатерина

Председатель Сухумской Сословно-Поземельной комиссии
Полковник – П. Краевич

члены комиссии:
Полковник Введенский А.Н.

Подполковник Шредер
Подполковник Дьячков-Тарасов А.Н.

Центральный государственный архив Абхазской АССР, ф. 57.
оп. 1, д. 26.
Лл. 8-17 [1869 г.].

**Список лиц и семейств, бесспорно принадлежащих к фамилиям сословий тавад и амиста, вошедшим в 4 и 5 пар.
Инструкции, не заявившим своевременно о своей принадлежности к тем фамилиям**

1 Тавады Ачба

л.71.

Потомки Тархана линии Томкваджа

1.Алымбей сын Бежа
брать его Салыбей.

Потомки Берзуха линии Георгия

2.Дмитрий (Сатбей) сын Чагу
мать его Елизавета

Потомки Амлеза линии Манча

3.Пшмаф сын Кваджа
жена его Чичи
сыновья: Аздамир, Арзакан, Алма

л.71.об

4.Пшкан сын Кваджа
жена его Татика
сыновья: Отар, Хабуг, Саби

5.Мурзакан сын Кваджа
жена его Кеса

дочери: Фермаханым, Чич

Председатель Сухумской Сословно-Поземельной комиссии
Полковник – П. Краевич

члены комиссии:

Полковник Введенский А.Н.

Подполковник Пахомов А.

Подполковник Дьячков-Тарасов А.Н.

Центральный государственный архив Абхазской АССР, Ф. 57.
Оп. 1. Д. 26. ЛЛ. 71-71 об. [1869 г.].

Лейла Ачба

Абхазы, как и другие народы Западного Кавказа, имели многовековые связи как с Византийской, так и с Османской империей. При дворе султана, начиная с конца XVI века, да и ранее, всегда было много представителей благородных абхазских родов, занимавших самые высокие посты на службе, как на гражданской, так и на военной. Многие получали при дворе широкое образование, которое сочетало в себе, как европейскую, так и восточную культуры.

Абхазы, проживавшие в средние века крупными общинами в «достаточном количестве» в городах Османской империи: Стамбуле, Анкаре, Самсуне, Трапезонде, Синопе, Амаре, Эрекго, Бартине, Бафре, Каире и ряде других попадали туда, в основном, в результате этно-политических и родственных связей, детей они отправляли в Апсны, где те проходили обучение абхазскому этикету и по возвращении достигали головокружительной карьеры. Ведь не случайно турецкий султан заявил в те времена: «Слава Аллаху, что абхазы размножаются медленно, как тигры, не то не мы их, а они покорили бы нас!» И тонкая восточная дипломатия сумела использовать потенциал, заложенный в абхазах, убыхах и адигах на благо своего государства». «Горцы, – отмечают источники, – облагородили физически и духовно тип оттомана».

Государь Молдовы, сподвижник Петра 1-го – Дмитрий Кантемир в нач. XVIII века отмечал: «В Египте черкесы и абазы стоят в два раза дороже, так как только они имеют привилегию наследовать права и имущества своих господ, которые получают по их смерти, имея предпочтение перед законными детьми. Этот обычай противоречит законам Корана, и в то же время он разрешен вследствие одного странного мнения, точнее сказать пережитка: Иосиф, бывший некоторое время в рабстве в Египте просил бога, чтобы эта нация никогда не покорялась рабам, и эта просьба претворена в действительность по тайному определению Бога».

При дворце султанов последние три века всегда было много абхазов и абхазок. Супруга султана Абдул-Азиза была из рода Маан, и именно, они, абхазы, обучили двор умению вести себя благородно с достоинством, соблюдая уважение к окружающим. «Мы, абхазы, облагородили и сделали их, турецкую знать, при дворе султана,

людьми, научили их вести себя благородно и воспитанно», – так рассказывали пожилые абхазы в Турции. И это подтверждают многочисленные свидетельства очевидцев и историков.

Как отмечает Омар Бейгуаа, прекрасный знаток Востока и Кавказа, абхазские женщины получали идеальное домашнее воспитание и выделялись среди женщин Востока своей изысканностью и аристократизмом. Неслучайно целый род в Египте (не путать с потомками абхазских мамлюков) носит материнскую фамилию «Абаза». Эти девушки из Сухума, в самом начале XIX века, попав в Египет, внесли в быт знатного шейха многие абхазские обычаи и порядки. Не только внешность, манеры их потомков облагородились, но в память о материнском происхождении, они взяли фамилию «Абаза», которую с гордостью носят по сей день. Из этого рода вышел ряд личностей, принесших известность и славу Египту.

Абхазки, попавшие в страны Востока в средние века привносили свою культуру, язык и обычай в семьи самых знатных вельмож. Так, например, сын турецкого султана Абдул-Меджида – Сулейман был женат на абхазках из рода Багаркан и Цыба. Его сыновья хорошо говорили на абхазском, и свадьбы своих детей они сыграли по абхазским традициям.

В 2004 г. в Стамбуле вышла книга Лейлы Ачба «Воспоминания первой черкесской принцессы хaremа». Книгу подготовил к изданию Харун Ачба.

Кто такая Лейла Ачба? Ответ на этот вопрос дает сама книга.

Как отмечает Лейла Ачба в своих воспоминаниях в вышеупомянутой книге, отец ее деда – абхазский принц Ахмат Ачба проживал в одной из абхазских общин, но вследствии репрессивной политики царских чиновников, вынужден был в 1842 г. покинуть Апсны и переселиться в Османскую империю.

«Прадед мой принадлежал к одному из древнейших абхазских родов, и по происхождению относился к той ветви рода Ачба, который создал Абхазское государство», – пишет она. Султан Османской империи Абдул-Меджид с большим почетом принял высокого гостя. Он выделил ему земли в Болгарии, возле г. София. Его 20-летний сын Омар вместе с матерью Иаш-пха переселяется в Стамбул и там получает образование. Затем он начинает работать делопроизводителем при сultанском дворе.

Лейла родилась в 1898 г. в Стамбуле, во дворце из 40 комнат, который построил ее дед Омар. Когда девочке исполнилось пять лет, ее родители, мать Емине Аимхаа и отец Рефик Ачба занялись ее воспитанием, подобающим дворцовому – этикету: с ней занимались подготовленные учителя-гувернантки, обучавшие ребенка иностранным языкам, игре на фортепиано, давали уроки живописи, обучали поставленной, образцовой речи, чтению и письму, образцовому этикету, элегантной манере одеваться, воспитывая ее в лучших правилах аристократического дворцового этикета. Помимо всего этого Лейла прекрасно овладела искусством наездничества, джигитовки. Этому способствовал ее отец Мехмет Рефик-бей, который часто забирал ее с собой в поместье.

Что касается родословной Лейлы, её пррапрадед Кайтыкуа Ачба (в крещении Георгий) родился в 1793 г. в Сухуме, где прожил до конца своих дней, скончался он в 1848 году. У него было шестеро детей: старший Ахмет-бей. (прадед Лейлы Ачба), Ислам Муса-бей, Перемюз-ханым, Ембруваз-ханым, Вердиженан Кадынефendi, Мехмет-бей. У старшего Ахмет-бея (Ахмата) было четверо детей: Омар-паша (1834-1884) Ренгидил-ханым (1836-1897), Емине-ханым (1837-1910), Ахмет Сами-бей (1839-1915). У Омер-паши (Омара – деда Лейлы) было пятеро детей (супруга его была из рода Дзапиш-ипа, звали ее Айша): старший – Мехмет Рефик-бей, имел поместье в Габрово, Болгария (1862-1925), Саида Хюррем-ханым, Есма, Нуман-бей (1872-1932).

У Мехмет Рефик-бея супруга была из рода Аимхаа, звали ее Емина, она подарила мужу пятерых детей: старший – Ахмет-бей (1890-1971), его супруга Гечба Есмехан, дочь Емине Нурбану (1891-1946), сын Рифат Кемалеттин-бей (1895-1955), его супруга из рода Мканба, дочь Лейла (1898-1931), дочь Фериде-ханым.

Первая профессиональная художница в Турции Михри-ханым Ачба (1886-1954), была дочерью известного всей Турции знаменившего врача, профессора Ахмета Расим-паши, отцом которого был Ислам Муса-бей, младший брат прадеда Лейлы Ахмет-бея, в абхазском произношении Ахмата.

Когда Лейле исполнилось 20 лет, ее обручили с молодым абхазским князем Хусейном Инал-ипа. Но за двадцать дней до их свадьбы Хусейн трагический погиб, это произошло 3 июня 1918 г.

Близкие очень тяжело переносили эту утрату, как могли утешали Лейлу. Они обратились к главной султанше двора Назикеде взять Лейлу во дворец, чтобы она немного забылась и отошла от горя. Назикеда откликнулась на просьбу и прислала за девушкой свой личный экипаж.

Абхазская девушка, молодая красавица, Лейла Ачба пять лет находилась при дворе падишаха. Она и до этого часто с родителями бывала здесь, но теперь могла в своем дневнике подробно описать быт, нравы, события, очевидцем которых стала волею судьбы.

Лейла в своих воспоминаниях описывает тот период, когда выходцы с Кавказа, в основном абхазы, пользовались всеми благами жизни, вели беззаботную жизнь, овеянную радостными песнями, весельем, но после того, как султанат рухнул, под его обломками вся их жизнь обернулась траурным плачем. Ее воспоминания высвечивают одну из неизвестных нам страниц о взлете и падении, находившихся на чужбине абхазов, которые достойно несли идеи своего народа. Перед читателями встают неизвестные нам подробности о судьбах наших соотечественников.

Л. Ачба пишет, что у жены падишаха были в большинстве абхазки, а в свите султана при дворе – абхазцы... Абхазки, отмечает она, благодаря своей природной красоте, обязательному аристократическому происхождению первенствовали при дворе султана.

Далее она отмечает, что падишах Мехмед Вахидеддин VI по законам ислама имел 5 жен, из которых трое были абхазки. Первой супругой его была Назикеда Маршан, старшая султанша при дворе, она была дочерью цабалского князя Хасан Али Маршан. Мать Назикеды была Фатма Арыдба из Адлера. Вторая жена – Инши-рах Ведибе из Адапазара (возможно, она была убыхского происхождения). Третья его супруга – Щадия Чихба, четвертая – родная племянница Щадии – Муведет Чихба, дочь Даут-бея. Последняя, пятая жена султана, была албанка.

Абхазское окружение султана ввело при дворе свой этикет, что очень четко прослеживалось при приеме гостей. В 1918 г. австрийский император Карл с супругой Зитой посетил Стамбул, где был с почетом принят при дворе, там ему продемонстрировали кавказские танцы.

Дочь падишаха и Назикеды Маршан – Сабиху Султан хотели выдать за известного героя Турции Рауфа Ашхаруа, который в то время выделялся среди всех окружавших его своей статью и благородством. За Сабиху сватались многие, но ее семья избрала Рауфа.

– Он абхаз (апсуа)! Вы же знаете как я отношусь к абхазам! – сказала ее мать. Имя Рауфа было овеяно славой по всей Турции, он занимал высокую должность, имел блестящее образование. Но ему было отдано предпочтение потому, что он был абхаз. Однако Сабихи и Рауфу не суждено было быть вместе. И здесь Рауф поступил благородно, согласно абхазскому этикету. Его близкий друг ухаживал за Сабихой и получил отказ. Поэтому Рауф не мог жениться на ней. «Я не смогу смотреть прямо в глаза другу», – сказал он.

Многие абхазы и адыги, которых зачастую при дворе, в Турции именовали «черкесами», стремились дать своим детям и близким широкое образование. Так, известный великий визирь Османской империи абхаз Коджа Хусрев-паша (кон. XVIII – нач. XIX вв) воспитал 38 мальчиков кавказского происхождения и дал всем образование. Впоследствии они занимали самые высокие должности в Османской империи.

И в конце XIX в. абхазская аристократия отдавала своих детей ко двору султана с целью получить образование. Л. Ачба отмечает, что Дзапиш-ипа Махмут переселился из Апсны в Батум, а оттуда своих троих дочерей отправил на воспитание в султанский дворец. Маан Бата также оставляет свою дочь при дворе со словами: «Если вы ее достойно воспитаете, при дворе султана будет прекрасная невеста». Его примеру последовали Осман Аимхаха, Албуз Маан и др.

По словам Л. Ачба абхазские князья и дворяне отдавали своих пятилетних детей на воспитание при султанском дворе, где их обучали аристократическому этикету в лучших традициях европейской культуры опытные наставники, приглашенные из Европы. Во дворце султана, со второй половины XIX века широко ощущалось веяние европейской моды. Элитная молодежь считала частью ухаживать за воспитанницами султанского двора и многие из девушек нашли здесь свою судьбу.

Лейла в своих мемуарах сообщает о развлечениях, вечерах при дворе падишаха, где принимали высокопоставленных гостей, играли на фортепиано, пели на английском и французском языках,

изысканно одевались, вели беззаботную, полную радостей, светскую жизнь. Княгиня Назикеда Маршан так обожала Лейлу, что не отпускала ее ни на шаг, даже не садилась за стол без нее.

Лейла прекрасно рисовала. В книге много фотографий той поры, выполненных ее рукой, рисунков, запечатлевших абхазок, которые были при дворе. В них показан характер, манера одеваться, уход за своей внешностью абхазской аристократии в Турции начала XIX века.

Но всему этому наступил конец, отряды кемалистов окружили Стамбул. Султан был вынужден спешно покинуть страну. Всех, кто был при дворе спешно заставили покинуть дворец «Илдыз», взяв с собой только необходимое. Отобрали все, но и этого не хватило. Девушки, некогда воспитанные в изысканных манерах, были арестованы и заперты в тюремной камере. А затем решением парламента их должны были выслать из страны.

– Это невозможно, мы не враги государства! – сказала Назикеда Маршан, но кто ее слушал.

И ей пришлось готовиться к отъезду.

– Будучи здесь, ты была моей отрадой, – обратилась она к Лейле и пожелала, чтобы та проводила ее. Оплакав себя, рас прощавшись с близкими, они вышли из дома. Когда корабль, на котором старшая султанша Назикеда покинула Турцию, был далеко, в глубине моря, Лейла пришла в себя. Оказывается, при расставании, от избытка нахлынувших чувств, девушка потеряла сознание.

В Стамбуле оставаться было опасно и Лейла отправилась в Сивас, к старшему брату Ахмету Ачба. К сожалению, она ушла из жизни в 32 года...

А какая судьба ожидала несчастных изгнанников? Это описал в приложении к мемуарам Лейлы, здравствующий и поныне Харун Ачба, издавший воспоминания молодой красавицы-абхазки.

Лейла с большой теплотой пишет об окружавших ее абхазках и их близких друзьях, побуждает читателя полюбить их. Отторгнутые от родной Абхазии, потерявшие ее, они нашли при дворе султана новую жизнь, создали свой мир, чтобы утешить себя и сохранить свои абхазские традиции, свое лицо. Но в итоге судьба была к ним немилостива. После изгнания из Турции, в 1922 г., они перенесли много лишений и невзгод, стараясь обустроиться на

чужбине. Встав на ноги, они стали переселяться в Италию, Францию, Германию, Америку и другие страны – их разбросало по всему миру. Но и там рок преследовал их.

Сузкъар Маан в 1945 г. умер в Берлине. Дильбер, воспитанная вместе с Лейлой, которую она обожала, скончалась в Париже. Инширах Веджибе (убышка), будучи молодой, отчаявшись, покончила с собой в Египте, бросившись в Нил. Пейвеста Аимхаа умерла во Франции, Пекиза Арыдба похоронена в Будапеште. Бехиче Маан перед кончиной привезли из Италии и похоронили в Стамбуле. Назикеда Гечба покончила с собой. Назикеда Маршан умерла в 1941 г. в Египте, похоронена в Италии...

Лейла Ачба искренне и очень тепло пишет в своих воспоминаниях о подругах: Махшереф Аимхаа, Фатме Ачба, Пейвесте Аимхаа, Бехиче Маан, Муведдет Чихба, Шемсинур Иашба, Шахесер Гечба, Румейсе Арыдба. Все они были молоды, красивы, изящны, но судьбы их оказались очень трагичны...

А.Х. Агуажба

В статье использованы публикации В. Д. Авидзба («Апсны», 2004, №76-77); альбом: Михри-Ханым Ачба. Стамбул. 2007. (на турецк. яз.), автор Махинур Туна (Папба).

Михри-Ханым Ачба

Первой профессиональной художницей в Турции была Михри Расим Ачба (1886-1954). Ее прадед Кайтыкуа Ачба (в крещении Георгий) был родом из Сухума (1793-1848). Супругу его звали Елизавета.

Впервые о художнице Ачба писал С. Басария в 1923 году. В турецкой периодике о ней упоминали, как о «первой черкесской женщине-художнице». Отец ее, доктор Ахмет Расим-паша Ачба, генерал медицинской службы, известный хирург-анатом, профессионал, был высокообразованным, прекрасно разбирался в музыке, играл на многих инструментах, обладал ясным аналитическим

умом, его называли «министром медицины». Ахмет имел дворцы в Стамбуле – Кадыкее, и в Чамлыдже – самых престижных районах тогдашней столицы империи. Улица, где он жил в Кадыкее носила его имя. Здесь родилась у него дочь Михри. От второго брака у него было три сына. Расим-паша дал детям широкое образование и постоянно прививал им вкус к европейской литературе, музыке, искусству.

У Михри с раннего детства проявились способности к рисованию и живописи. Главный придворный художник при дворце султана был Фауст Зонаро (итальянец по происхождению), и он первым обратил внимание на талант Михри и стал давать ей уроки рисования в Акаретлела (Стамбул). В то время в Османской империи даже представить было трудно, чтобы девушка занималась живописью и могла отправиться на учебу в Европу. Михри по поддельному паспорту взяла билет и тайно из Галаты отправилась в Италию. Некоторое время она проживала в Риме у родственников, занималась живописью. Затем отправилась в Париж, который считался тогда центром мировой культуры и стала проживать в районе Монпарнаса, куда и ныне стремятся все художники мира, писала портреты и этим зарабатывала на жизнь. В это время Михри познакомилась с будущим мужем, учившимся в Сорbonne, Мишфик Селами-беем, сыном Селами-паши из Бурсы.

После гражданской войны во Францию прибыл с визитом министр экономики Турции Джавит-бей. В честь турецкого гостя в Париже был устроен прием, где он и познакомился с Михри-Ханым, так ее величали в высших кругах турецкого общества. Джавит-бей отличался передовыми взглядами и проводил политику сближения Европы и Турции. После знакомства с художницей, он по телеграфу сообщил министру просвещения Турции о желательности пригласить Михри в качестве преподавателя живописи в «Женскую художественную школу». И Михри, вернувшись в 1913 г. в Стамбул, стала преподавать в этой школе. Здесь выпускницы получали блестящее образование, а Михри считалась лучшей в Османской империи преподавательницей живописи. Ученники ценили ее врожденное благородство, аристократизм, утонченность и воспитанность, знания, высокий интеллект и впоследствии называли своих детей в честь любимой преподавательницы – Михри. В 1914 году в

Стамбуле была открыта «Женская школа изящных искусств». Несмотря на то, что ее открытие не понравилось некоторым ортодоксам, назначение Михри-Ханым руководителем успокоило и примирило всех, и число обучающихся резко возросло.

С детства Михри-Ханым любила и художественную литературу, после возвращения из Парижа она сблизилась с известными турецкими литераторами, работала над портретами многих известных писателей: Тефик Фикрета, Риза Тефика, Хусейн Джакхита и др. Тефик Фикрет очень увлекался живописью, он с большим уважением относился к Михри-Ханым, всюду пропагандировал ее искусство. Его неожиданная смерть потрясла ее. Она тяжело переживала утрату. Впервые в Турции Михри-Ханым сняла его посмертную маску, как это было принято на Западе.

Михри-Ханым была очень дружна с известными художниками – выходцами с Кавказа – убыхом Намыком Исмаилом (Зейшой) и адыгом Авни Лыфажь. Она являлась членом «Черкесского благотворительного общества» (1908-1923), созданного в Турции выходцами с Кавказа.

После победы молодой Турецкой Республики над интервентами, Михри-Ханым нарисовала портрет Кемаля Ататюрка, и прибыв в Анкарку, подарила его первому президенту Турции.

В 1922 г. после развода с мужем Михри-Ханым эмигрировала в Рим, где зарабатывала на жизнь, рисуя портреты знатных людей. После того, как она написала портрет Героя Италии поэта Габриэля Аннунцио, её пригласили в Ватикан к римскому папе. Она нарисовала его с натуры. Это была единственная женщина Востока, выполнившая такую работу. Она хранится в Ватикане.

Имя Михри-Ханым принадлежит не только абхазам, она является первой высоко профессиональной художницей Турции. Она была первой женщиной-профессионалом в «Академии изящных искусств» среди мусульманских и восточных женщин. Более чем в Турции и Стамбуле ее работы были известны в Риме, Париже, Америке, где она проживала долгие годы, и где у нее проходило немало персональных выставок. Целый ряд портретов известных людей, в том числе и государственных деятелей выполнен Михри-Ханым на высоком художественном уровне. По неполным данным и Турции находится 32 ее работы, в Италии – 36, во Франции – 9, передано в различные галереи – 23, в Америке – 60 работ.

Михри-Ханым воспитывала дочь умершей сестры Хале Асаф, которая проявляла большой талант в живописи. Она окружила ее вниманием и теплотой, и когда та скончалась в 1938 году в Париже, больше не могла оставаться здесь и переехала в Америку. Одна из ее работ посвящена президенту США – Ф. Рузвельту. Здесь она зарабатывала на жизнь, обучая живописи детей американских миллионеров.

Скончалась Михри-Ханым в Нью-Йорке в 1954 году.

Ее имя возвращено абхазскому народу благодаря неуставной исследовательской работе Махинур Папба (г. Стамбул, ее предки выходцы из Дал-Цабала).

Имя Михри-Ханым Ачба навсегда вошло в историю живописи Турецкой Республики. Ее высокий профессиональный уровень, блестящее образование, человеческое обаяние оставили глубокий след в истории развития искусства и памяти всех, кто ее знал.

Брат Михри-Ханым – Мелих Ачба (1913–1988) был одним из известных боксеров Турции, судьей международного класса. Заниматься этим видом спорта он стал во время учебы в Галатасарайском лицее, тогда же стал чемпионом Стамбула по боксу. После окончания учебы он отправляется в Америку, где окончил Калифорнийский Беркелевский университет. Находясь в Америке, принимает участие в соревнованиях по боксу в весе 66 кг и становится обладателем «Золотой перчатки». В 1942 году он возглавил федерацию бокса в Турецкой Республике и 4 года был ее председателем. В 1947 г. входил в Европейскую Федерацию бокса, судил международные встречи в Турции и за ее пределами. Всего на ринге провел 359 боев и ни в одном не потерпел поражения.

А.Х. Агуажба.

Музаффер Клыч Ачба (1897-1959) – абхаз, родился в 1897 г. в Стамбуле. Отец его Арзаабей Ачба был эмигрантом из Абхазии, мать из рода Маан. Во время Первой мировой войны М. Ачба, офицер артиллерии, воевал в Галиции, Палестине. Во время военных действий в Палестине был адъютантом командира 7-й дивизии, которой командовал Кемаль-паша. С тех пор они всегда были рядом. Когда в 1919 г. Кемаль-паша отступил в Самсун, М. Ачба

переносил с ним все тяготы и являлся одним из ближайших его сподвижников, принимал активное участие в делах революции. Когда Мустафа Кемаль стал президентом Турецкой Республики М. Ачба являлся его помощником. В 1928 г. он закончил факультет права Анкарского университета. Уйдя в отставку занялся бизнесом. В это время он являлся депутатом меджлиса г. Стамбула. М. Ачба был депутатом парламента Турции пятого созыва от г. Гиресун (1935-1939 гг.).

Умер в 1959 г. в Анкаре.

А.Х. Агуажба

Происхождение рода Мачабели^{3*}

Мой отец был Георгий Мачабели. У него был брат Ваничка (Вано). Как рассказывал мой дядя Ваничка, Мачабели по происхождению в древности были от Ачба, из Абхазии.

Как произошло это не знаю, но из-за междоусобиц один Ачба из Абхазии скрылся и поселился в Хеити. Там, где он поселился, село называется Докаант, ныне там живут Докадзе.

Этот Ачба был великий мастер по изготовлению кольчуг. Там, где он поселился, все его полюбили за неутомимость и мастерство и относились к нему с большим уважением. В жены он взял девушку из рода Докадзе.

Прошло время. В семье Ачба было уже шесть сыновей и одна дочь. Сыновья его выросли, окрепли.

Когда на Грузию впервые напали татары (точно не знаю татары или монголы), они стали угрожать крепостям, которые обороняли грузины. В селе Докаант была крепость, туда обратились с мольбой: братья помогите, враг угрожает, уничтожит нас.

Ачба жил в с. Докаант и еще был не совсем стар. Услышав весть о том, что захватчики уничтожают грузин, он вооружил своих шестерых сыновей. Оседлав коня, он во главе со своими сыновьями прискакал и вместе с грузинами стал сражаться с врагами. В сражениях погибли два его сына и он сам. Осталось четыре брата.

³Текст записал Зухба С.Л.

Самому младшему было восемнадцать лет. Когда погибли отец и братья он испугался и верхом прискакал к матери и сестре.

– Мать, мать, спрячь меня, где-нибудь спрячь! Враги погубили отца, двух моих братьев, оставшихся погубят и меня убьют, – сказал он.

– Эх, ты трус, предатель родины! Вот чего ты заслуживаешь, – ответила мать и набросила на него платок, в ответ на его просьбу.

Юноша, после того как мать набросила на него платок, замер от стыда, не зная, что делать. А его сестра, одевшись в мужскую одежду, выскочила из дома. Вывела коня из конюшни, она оседлала его и вскочив в седло, крикнула брату:

– Иди сюда, скачи за мной!

Брат и сестра прискакали в разгар сражения. Их братья уже были убиты. Ворвавшись в стан врага они стали яростно уничтожать его. В сражении сестра была ранена в грудь, но брат до полной победы не опустил оружия. Часть врагов была уничтожена, остальные бежали.

Командир крепости, которую защищали грузины, пригласил юношу во внутрь укрепления. Меч юноши был весь в крови.

– Кто ты, наш спаситель, как твоя фамилия? – спросил он.

– Я, Ачба! – ответил юноша.

И с тех пор в его честь крепость эту назвали Ачабетис-цихе (крепость Ачба), а его возвели в княжеское достоинство, и фамилия его стала Мачабели.

Впоследствии, этому юноше дали в жены дочь эристава. У него родился сын. Ребенку не хватало грудного молока и его дали на воспитание кормилице. Воспитывали ребенка в семье Дзарцами.

Через некоторое время враги вновь напали на Грузию. Было истреблено ими множество сел, были убиты Мачабели (Ачба) и его супруга.

– Остался у Мачабели кто-нибудь в роду? – спросили враги.

– Сын у него в такой-то деревне – ответили те, которых спросили.

Враги прибыли в село Дзарцами и потребовали тех, кто воспитывал Мачабели:

– Ты должен дать нам немедленно своего воспитанника Мачабели!

У воспитателя Мачабели был тоже свой грудной ребенок, младенцы лежали отдельно в разных люльках. Когда враги потребовали воспитанника Мачабели, то воспитатель вместо него отдал врагам своего сына, которого они умертили. Маленький Симон Мачабели (его звали Симон) таким образом остался жив.

Затем врагов все-таки прогнали из Грузии. Через восемнадцать лет грузинский царь отдал приказ найти кого-нибудь из потомства Мачабели, если он жив. Когда пришел воспитатель Симона Мачабели его спросили:

— Как ты докажешь, что этот юноша Мачабели, а не твой сын?

— Вот мои семь сыновей, сравните его с ними, тогда убедитесь, что это не мой сын, — ответил он.

Сравнили и увидели, что юноша этот во многом не похож на остальных семерых братьев. Так убедились, что Симон является потомком рода Мачабели.

Когда Симон Мачабели подрос, возмужал, его женили, у него было семь сыновей: Бардзим, Давит, Отиа, Кикола, Симон, Зураб, Григол.

От этих семи братьев идет род Мачабели.

Эту историю рода Мачабели я неоднократно слышал от дяди Вано (Ванички) Абессаломовича Мачабели. Он ее не только рассказывал, но иногда и читал. У него была рукописная тетрадь в 72 страницы. Я не мог ее читать, ибо написана она на древнегрузинском. Автора я не знаю, и куда девалась эта тетрадь тоже. Дядя мой читал все это мне в 1934–35 гг. Я рассказал только то, что помню.

Записано со слов Мачабели Шалвы Георгиевича.

65 лет, владеет грузинским, грамотный. Проживает в с. Тамаршени Цхинвалского р-на Юго-Осетинской АО. Записал 21 февраля 1974 г. Г. П. Лежава. Оригинал передал мне, он находится в моем личном архиве. Я побывал в Тамаршени, Хеити, Ачабети, беседовал с представителями рода Мачабели. Все они подтверждают запись Г.П. Лежава. Побывал я в крепости – Ачабетис-цихе. С грузинского языка я слово в слово перевел запись Г. П. Лежава на абхазский язык. – С. Л. Зухба. Абхазские историко-героические предания (на абхазском языке). Сухум, 1978. – С. 17–20, 172.

(Перевод с абхазского А.Х. Агуажба).

*В.М. Пачулия
(Сухум)*

СЛОВО О НАСТАВНИКЕ^{4*}

Торжественно было отмечено в Сухуме 80-летие со дня рождения выдающегося историка-кавказоведа З.В. Анчабадзе. В редакцию газеты и сегодня продолжают поступать материалы об этом замечательном ученом и человеке. Публикуем сегодня одну из таких статей.

Когда Зураба Вианоровича Анчабадзе назначили ректором Сухумского госпединститута, он стал вести курс лекций по истории Абхазии на вечернем отделении исторического факультета, где я учился.

На первой лекции он спросил: «Есть отличники?». Сидевшие за первым столом Герман Камыльков, Эльвар Цкарозия и я поднялись. Узнав, что я абхазец и хорошо владею родным языком, ректор сказал: «Вы будете моим консультантом по абхазскому языку». Дело в том, что З. Анчабадзе всегда старался в своих научно-исторических доводах дополнять письменные источники солидным лингвистическим материалом, но после долгого нахождения в Тбилиси боялся исказить в произношении абхазские слова и каждый раз при их употреблении потом спрашивал меня: «Правильно?». Я отвечал: «Да». За редким исключением мне не приходилось его поправлять.

Первую свою лекцию Зураб Вианорович посвятил происхождению абхазского народа на основе археологических данных. Хотя археология – наука очень сложная, он излагал материал просто и доступно, не пользуясь конспектами или тезисами. У него была очень цепкая память. Его лекция произвела на студентов необычайное впечатление, хотя и до него у нас в аудитории бывало немало талантливых преподавателей.

⁴Газета «Республика Абхазия», 2002 г., №100, 7–8 сентября.

А последующие лекции З. Анчабадзе превратились просто в неординарные события. Уже со второй лекции задние места на нашем курсе стали занимать сотрудники профессорско-преподавательского состава, чтобы послушать Зураба Вианоровича.

Он часто находился в разъездах и не всегда мог явиться на занятия. И однажды прислал вместо себя другого авторитетного специалиста по истории Абхазии. Тот неплохо прочитал лекцию. Однако перед следующим занятием однокурсники потребовали, чтобы я встал и попросил Зураба Вианоровича прочитать лекцию на пропущенную им тему. Мне было неловко, но все же пришлось обратиться к нему с такой просьбой. Ни слова не сказав, он приступил к чтению той лекции. И больше никогда вместо себя других лекторов не присыпал.

Лекции З. Анчабадзе отличались насыщенностью, богатым, разнообразным фактологическим материалом, прекрасным знанием лектором русского языка и его хорошей дикцией. Он был не-превзойденным мастером слова. И мы прослушивали его лекций на одном дыхании.

Будучи в начале 80-х годов аспирантом при Академии наук СССР, я слушал лекции и выступления многих историков – академиков, маститых ученых с колоссальными знаниями и широкой эрудицией. Однако с большой уверенностью могу заявить, что логикой и доступностью изложения Зураб Вианорович превосходил их всех.

Что касается содержания его лекций, то имелся значительный разрыв между опубликованными трудами З. Анчабадзе и его устными выступлениями. Все мы хорошо знаем, что не все тогда можно было написать. О многом говорит сопоставление его опубликованных работ с курсом прочитанных лекций по истории Абхазии. В моей разграбленной квартире тем не менее сохранились конспекты его лекций – две общие тетради. Запись в них прерывается изложением истории Лыхненского восстания 1866 г. и его последствий. Помнится, он говорил нам: «Царицу Тамару современники 18 раз называют царицей абхазов и только в четырех местах – царицей картов, то есть грузин. Это неспроста!»

Частые разъезды ректора не позволили ему довести курс лекции до конца. Насколько мне помнится, и на других курсах он больше

не читал лекций по истории Абхазии. Зураб Вианорович жаловался на отсутствие времени для исследовательской работы. Он очень жалел, что некогда поехать и поработать в венгерском архиве, где хранятся материалы по абхазской династии, правившей в этой стране в средневековье.

В заключение хочу отметить, что Зураб Вианорович сыграл значительную роль и в моей жизни – он привил мне любовь к исследовательской работе.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Авидзба В.Ш. <i>(Сухум)</i>	
О видном историке-медиевисте.....	3
2. Куправа А.Э. <i>(Сухум)</i>	
3. В. Анчабадзе – исследователь истории Абхазии и Кавказа.....	7
Ачугба Т.А. <i>(Сухум)</i>	
Некоторые военно-политические аспекты депортации абхазов в XIX веке.....	14
Салакая С. Ш. <i>(Сухум)</i>	
Изучение общественного строя Абхазского княжества XIX века в абхазской советской исторической науке.....	25
Аджинджал Е.К. <i>(Сухум)</i>	
Вандалы конца XX века.....	43
Добаев И. П. <i>(Ростов-на-Дону)</i>	
Северо-Западный Кавказ в преддверии Олимпиады 2014: геополитические аспекты информационной войны.....	51
Патеев Р. Ф. <i>(Ростов-на-Дону)</i>	
Проблемы модернизации мусульманского образования на Северном Кавказе.....	58
Соловьева Л.Т.	
Абхазские и иные кавказские этнографические материалы в наследии академика С.Н. Джанашиа.....	68
Романченко Н. Е. <i>(Ростов-на-Дону)</i>	
Современные тенденции в развитии террористической деятельности исламистских террористических организаций.....	80

Кагазежев Ж.В.	
Исследование памятников материальной культуры кабардинцев в районе Пятигорья.....	87
Касландзия Н.В.	
(Сухум)	
Византийские исторические сочинения эпохи Комнинов об абхазах.....	95
Сангалия Г. А.	
(Сухум)	
Древняя Абхазия: вождество и царство (историко-археологическое исследование).....	105
Авидзба А.Ф.	
(Сухум)	
К вопросу о ситуации на оккупированных территориях Абхазии (август – декабрь 1992 года).....	116
Нюшков В.А.	
(Сухум)	
К локализации юго-восточной границы Апсиллии.....	138
Возба С.З.	
(Сухум)	
Сравнительный анализ грузино-абхазского и северо-ирландского конфликтов.....	149
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Агуажба А.Х.	
(Сухум)	
История рода Ачба.....	156
Пачулия В.М.	
(Сухум)	
Слово о наставнике.....	183

**МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ
90-ЛЕТИЮ З.В. АНЧАБАДЗЕ**

Редактор **Пачулия Л.С.**

Корректор **Клычева Л.З.**

Компьютерный набор **Чамагуга Л.Р.**

**Формат 60x84 1/16 Физ. печт. л. 11,75
Тираж 500. Заказ № 47**

**РУП «Дом печати»
г. Сухум. Ул. Эшба 168.**